МІРОВАЯ ВОЙНА

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ и ИЛЛЮСТРАЦІЯХЪ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СБОРНИКЪ.

МІРОВАЯ ВОЙНА

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ
И
ИЛЛЮСТРАЦІЯХЪ

Книга IX.

ИЗДАНІЕ Т-ва И. Д. СЫТИНА.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., соб. домъ.

Москва. — 1915.

Безпроволочный телеграфъ.

Разсказъ *Г. Граминовскаго.*

I.

Перехваченныя телеграммы.

Старшій помощникъ завѣдующаго радіостанціей торопливо постучалъ въ дверь кабинета начальника, и когда услышалъ рѣзкое «войдите»—перешагнулъ порогъ и, держа въ рукахъ листъ бумаги, остановился передъ письменнымъ столомъ.

Подполковникъ вскинулъ на него высохшія отъ безсонницы глаза и, дѣлая усиліе скрыть раздраженіе въ голосѣ, спросилъ:

— Что такое? Опять эта путаная телеграмма?

— Да, ваше высокоблагородіе, шифрованная. Получена ровно въ двѣнадцать часовъ ночи, начинается тѣми же знаками, что и получавшіяся вчера и позавчера.

— Оставьте ее здѣсь. Надъ старыми вторыя сутки ломаю голову и не могу прочесть. Одно ясно—телеграммы шпіонскія.

— И отправлены онѣ изъ сѣверо-восточной части Чернаго моря, отправитель имѣетъ мощную электрическую станцію и плохой аппаратъ, такъ какъ ударъ волны сильный, но съ плохо выраженными промежутками.

— Послѣднее вѣрно. Можете итти. Но... обождите... Помогите мнѣ разобраться...

Строгія черты лица телеграфиста размякли.

— Я ужъ кое-что придумалъ, господинъ подполковникъ,—произнесъ онъ.— Въ срединѣ всѣхъ этихъ телеграммъ встрѣчается одна и та же большая группа знаковъ, число которыхъ равно числу буквъ слова «Тихорѣцкая». Всѣ остальныя группы имѣютъ лишь по два и по три знака, слѣдовательно, расшифровку можно сдѣлать лишь при помощи условнаго кода, а такъ какъ его мы имѣть не можемъ, то...

— И не расшифруемъ,—перебилъ подполковникъ.—Значитъ, вы думаете, что шпіонская радіостанція находится въ какой-то Тихорѣцкой?

— О, нѣтъ. Я убѣжденъ, что она находится вблизи моря. Откуда у меня это убѣжденіе—я, пожалуй, не смогу вамъ объяснить, скажу лишь, что въ теченіе трехлѣтней службы на безпроволочномъ телеграфѣ у меня развилось какое-то особое чутье, при помощи котораго я узнаю, пронеслась ли волна электричества надъ моремъ или нѣтъ, равно какъ узнаю проходила ли она сплошь надъ сушей, или надъ сушей и моремъ...

Качаніемъ головы подполковникъ выразилъ сомнѣніе, но все-таки спросилъ:

— Ну, а эти телеграммы гдѣ проносились?

— Надъ горами, надъ моремъ, снова надъ горами и опять надъ моремъ. Посланы не съ судового радіотелеграфа...

На лицѣ подполковника изобразилась улыбка.

— Вы, мой другъ, меня удивляете,—разсмѣялся онъ.—Однако, мнѣ не до шутокъ. Какъ вы полагаете, зачѣмъ шпіону потребовалось ежедневно передавать слово «Тихорѣцкая».

— Во-первыхъ, затѣмъ, что это слово не предусмотрѣно кодомъ, во-вторыхъ— въ Тихорѣцкой находится второй шпіонъ,

наблюдающій за передвиженіемъ войскъ, который и сносится съ первымъ...

— Первый гдѣ находится?

— Въ порту Н... Повторяю, онъ пользуется мощной электрической станціей, скрыть которую ни въ коемъ случаѣ нельзя. То-есть онъ состоитъ завѣдующимъ или механикомъ станціи городской, желѣзнодорожной или какой-нибудь иной.

Около минуты подполковникъ думалъ, затѣмъ озабоченность сошла съ его лица, онъ благодушно протянулъ помощнику руку и сказалъ:

— Хорошо, спасибо. Попробую написать.

Телеграфистъ вышелъ. Между квартирою подполковника и радіостанціей было пространство саженей въ тридцать. Съ румынской границы дулъ теплый вѣтеръ. Проносились еле уловимые запахи весеннихъ цвѣтовъ и смутную тревогу роняли въ душу... Украшенный звѣздами темный шатеръ безлунной ночи разсѣкался вспышками падающихъ аэролитовъ.

Искрились мачты радіотелеграфа.....

Телеграфистъ въ послѣдній разъ втянулъ полной грудью ароматъ бессарабскихъ полей и вошелъ въ помѣщеніе аппаратовъ. Изъ рукъ практиканта онъ взялъ наушники и сѣлъ за столикъ.

Пластинки слабо щелкали, какъ въ плохомъ телефонѣ, сплетались звуки, двоились, троились,—хаосъ ихъ больно разстраивалъ мозгъ. Близкіе и далекіе концы земли подавали свои голоса, раскрывали свои и чужія тайны, пугали и ободряли. Штабы воюющихъ сообщали новости.

Вотъ хвастливый Гинденбургъ поздравляетъ кайзера съ побѣдой. Англичане извѣщаютъ міръ о крупномъ ихъ успѣхѣ у Изера. Римъ обмѣнивается секретными телеграммами съ Бухарестомъ. Энверъ-паша проситъ прислать новыхъ инженеровъ. Англо-французскій флотъ у Дарданеллъ переговаривается съ русскимъ.

И все это покрывается могучимъ радіовоздушнымъ ударомъ... Полночь, парижская полночь, — говоритъ Эйфелева башня.

II.

Механикъ Меллеръ.

Съ самаго начала войны портовый городъ жилъ тревожной жизнью. Прекращеніе торговли, бомбардировка турецко-нѣмецкимъ флотомъ, частое появленіе и исчезновеніе на горизонтѣ таинственныхъ судовъ нервировали обывателей и сообщали имъ крайнюю осторожность и подозрительность.

По ночамъ въ городѣ было темно и чтобы не служить вражескимъ пушкамъ мишенью, всѣ окна и двери закрывались ставнями или завѣшивались плотной черной матеріей; запрещалось ходить по улицамъ съ фонарями, а по набережной и молу—даже съ горящими папиросами.

Былъ май мѣсяцъ. Завѣдующій полицейскимъ надзоромъ на желѣзнодорожной территоріи, пожилой человѣкъ, ротмистръ, Евменій Никифоровичъ Милоевскій бесѣдовалъ со своей женой, красавицей Эмиліей, на которой онъ, будучи вдовцомъ, годъ назадъ женился. Горѣло электричество.

— Меня, Миля,—говорилъ онъ,—всетаки тревожитъ твой дядя. Во-первыхъ—эта его скрытность. Вскорѣ послѣ начала войны умеръ у насъ на электрической станціи механикъ, потребовалось замѣстить эту должность—ну, ты и попросила устроить твоего дядю. Ты его мало знаешь, человѣкъ онъ пріѣзжій, слѣдовательно, ему, принимая во вниманіе теперешнее тревожное время, нужно бы было побольше бывать у насъ... Но онъ предпочитаетъ приглашать къ себѣ тебя — одну тебя, со мной не хочетъ разговаривать, словно боится попасться въ чемъ-то... Во-вторыхъ, его фамилія...

Эмилія разсердилась:

— Вѣчно ты со своими подозрѣніями! Августъ Карловичъ Меллеръ—мой родной дядя, и этимъ все сказано! Съ нимъ живутъ мои двѣ сестры, Элиза и Вильгельмина, я у него теперь часто бываю и знаю, что онъ—кристальной души человѣкъ. Что же касается его замкнутости, то это—маленькій секретъ... Мой дядя сдѣлалъ большое открытіе въ области техники, которое должно его обо-

тратить. Въ настоящее время онъ занятъ усовершенствованіемъ открытаго имъ принципа и подготовкой къ полученію на него патента. Онъ—великій человѣкъ, а его еще смѣютъ подозрѣвать въ гнусностяхъ!..

Бѣловолосая Эмилія бросила на мужа недовольный взглядъ голубыхъ глазъ и принялась взволнованно ходить по гостиной...

— Вотъ какъ!—удивился ротмистръ.— Въ такомъ случаѣ я сейчасъ же протелефонирую Августу Карловичу, чтобы онъ сюда пришелъ. Пусть подробно разскажетъ о своемъ открытіи, ему же лучше будетъ. И Милоевскій подошелъ къ телефону.

— Ты, Миля, пройди въ будуаръ,— вѣшая трубку, обратился онъ къ женѣ.

— Я хочу поговорить съ Августомъ Карловичемъ наединѣ.

Не сказавъ ни слова, Эмилія удалилась. Не останавливаясь въ будуарѣ, прошла въ коридоръ и тихо открыла парадную.

Скоро показался Меллеръ. Племянница отвела его на тротуаръ и минутъ десять говорила что-то по-нѣмецки... Сумерки поздняго вечера заполняли улицу. Кое-гдѣ изъ узкихъ трещинъ въ закрытыхъ ставнями или занавѣшанныхъ окнахъ домовъ мелькали полоски свѣта.

Со стороны моря доносился плескъ волнъ.

Незамѣченный Эмиліей и Меллеромъ въ парадную квартиры Милоевскаго вошелъ и вышелъ человѣкъ въ форменной фуражкѣ съ желѣзнодорожнымъ значкомъ...

Когда Меллеръ открылъ дверь гостиной, ротмистръ читалъ бумагу... Складки на его лбу сдвинулись, необычная строгость и сухость разлились по лицу.

Вошедшій протянулъ руку. Не пожимая ея, Милоевскій указалъ на стулъ и холодно спросилъ:

— Какого числа вы вступили въ исполненіе вашихъ теперешнихъ обязанностей?

— 3 октября 1914 года.

— Гдѣ вы раньше проживали и чѣмъ занимались?

Механикъ замялся.

— Вотъ документы,—протягивая пачку бумагъ, наконецъ проговорилъ онъ.

— Что мнѣ ваши документы, вы мнѣ на словахъ разскажите... Забыли?! Тогда вотъ что. Скажите откровенно, не имѣете ли вы у себя аппарата для безпроволочнаго телеграфированія?

Меллеръ затрясся и безсознательно открылъ ротъ, откуда непроизвольно вылетѣло:

— Имѣю и даже не одинъ, а два.

— Вы арестованы. Потрудитесь объяснить вашъ образъ дѣйствій.

— Мое объясненіе самое короткое,— вдругъ самымъ спокойнымъ тономъ заявилъ механикъ.—Я занимался опытами.

— Но почему же вы мнѣ до сихъ поръ ничего объ этомъ не сказали?

Августъ Карловичъ поблѣднѣлъ, откинулся на спинку кресла и, страстно зажестикулировавъ руками, отвѣтилъ:

— А я почемъ зналъ, что нужно говорить?

— Вы должны знать русскіе законы, которые частнымъ лицамъ не разрѣшаютъ имѣть аппараты для безпроволочнаго телеграфированія! — выговорилъ Милоевскій, наступая на Меллера.

Въ этотъ моментъ дверь изъ сосѣдней комнаты распахнулась, вбѣжала Эмилія и остановилась между дядей и мужемъ.

III.

Безъ кода.

— Я долженъ сію же минуту васъ допросить,—заявилъ Милоевскій Меллеру.—Для чего вы держали у себя эти аппараты?

— Для производства опытовъ съ цѣлью усовершенствованія безпроволочнаго телеграфированія.

— Гдѣ они находятся?

— На двухъ противоположныхъ концахъ крыши зданія центральной электрической станціи, механикомъ и завѣдующимъ которой я честь имѣю состоять.

— Зналъ объ этомъ кто-нибудь?

Меллеръ подумалъ.

— Я хотѣлъ до окончательнаго выясненія результатовъ опытовъ сохранить

въ тайнѣ секретъ моего изобрѣтенія и потому объ аппаратахъ и объ использованіи мною для нихъ энергіи электрической станціи никто не зналъ, кромѣ моихъ племянницъ.

— Значитъ, моя жена знала!—изумился Милоевскій.

— Да, Эмилія помогала мнѣ въ опытахъ. Она работала на одномъ аппаратѣ, а я на другомъ. Ей и ея сестрамъ я обѣщалъ половину суммы, которую надѣялся выручить отъ продажи правъ на мое изобрѣтеніе.

Лицо Августа Карловича безпрерывно мѣняло цвѣтъ, дѣлаясь то краснымъ, то бѣлымъ, но ротмистръ этого не замѣчалъ. Механикъ предусмотрительно сѣлъ затылкомъ къ единственной въ конторѣ электрической лампочкѣ.

— Вы знаете, какая страшная опасность вамъ угрожала?— Милоевскій поставилъ локти на столъ и соединилъ ладони.— Васъ могли принять за шпіона и какъ таковою, предать смертной казни...

Вмѣсто словъ у Меллера вышло бормотаніе, онъ двинулся своей компактной массой и, едва не опрокинувъ столъ, поднялся.

— Но не нужно отчаиваться!—Евгеній Никифоровичъ загородилъ ему дорогу.— Не могу же я допустить, чтобы моя жена занималась какимъ-то шпіонствомъ. Пойдемте, осмотримъ эти аппараты.

Лицо Меллера просіяло, но благодарилъ онъ въ сдержанныхъ выраженіяхъ.

Былъ двѣнадцатый часъ ночи, когда Милоевскій, Меллеръ и Эмилія вошли въ помѣщеніе электрической станціи. Легкій стукъ динамо-машинъ сливался въ мѣрную музыку; смягченный матовыми стеклами, электрическій свѣтъ равномѣрно распространялся между колесами, ремнями, и цилиндрами. На черномъ фонѣ стѣны рѣзко выдѣлялась мраморная распредѣлительная доска. Нѣсколько человѣкъ рабочихъ слѣдили за машинами.

— Вотъ здѣсь,— открывая ключомъ дверь обособленной комнатки, сказалъ Меллеръ,— находится одинъ аппаратъ. На крышѣ же помѣщены лишь пріемныя мачты.

— А гдѣ второй?—спросилъ Милоевскій.

— У меня на квартирѣ. Я и племянницы иногда забавлялись тѣмъ, что отъ нечего дѣлать обмѣнивались безпроволочными телеграммами. Находясь здѣсь, я по радіотелеграфу заказывалъ прислугѣ кофе,—оправдывался механикъ.

— Ты, муженекъ не сердись,—залепетала Эмилія.—Я, сестры и дядя хотѣли за изобрѣтеніе получить много денегъ.

Евменій Никифоровичъ подсѣлъ къ аппарату.

— Очень интересно, какъ онъ работаетъ.—Научите меня,—предложилъ онъ.

Дядя и племянница обмѣнялись многозначительными взглядами, послѣ чего Меллеръ изъ груды журналовъ и книгъ вытащилъ маленькій, но толстый томикъ, на которомъ по-нѣмецки было написано «Кодъ № 14». Глаза Эмиліи вспыхнули страхомъ, она незамѣтно для мужа, выхватила изъ рукъ дяди этотъ томикъ и спрятала за блузкой, затѣмъ обратилась къ Милоевскому:

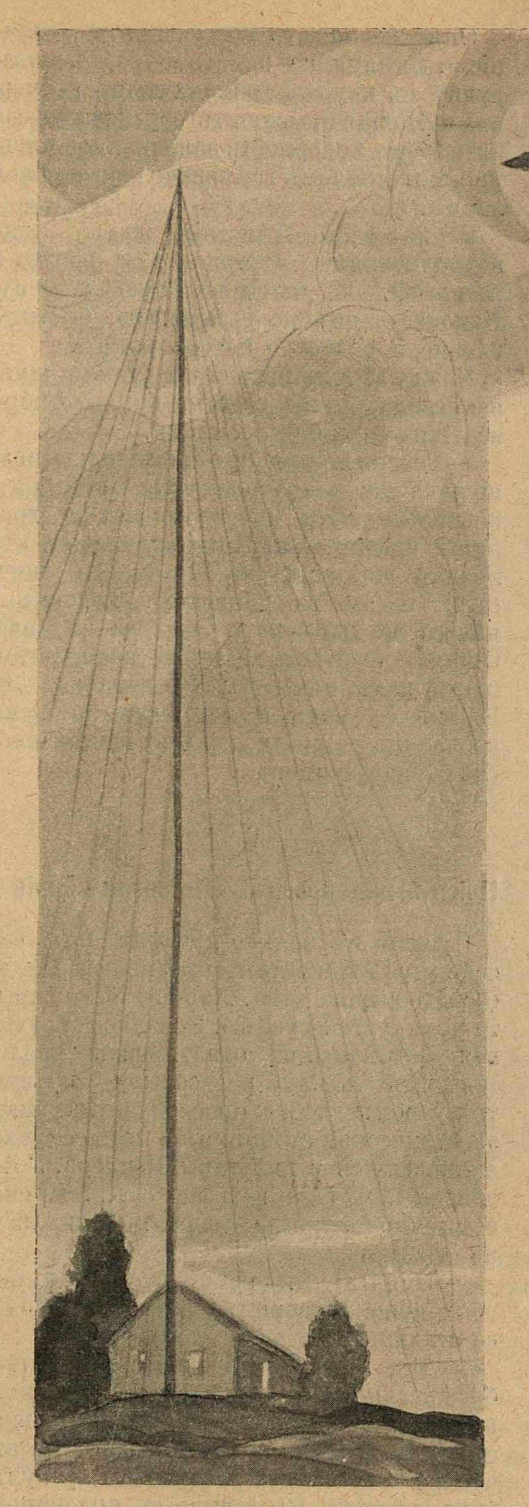
— Если будешь прилежнымъ ученикомъ, мы тебя научимъ въ теченіе недѣли. Вотъ, смотри, какъ дядя телеграфируетъ.

Ничего не объясняя, Меллеръ завладѣлъ аппаратомъ и, быстро работая руками, привелъ его въ движеніе. Глаза его нѣсколько разъ чего-то искали и устремлялись на то мѣсто, гдѣ прежде, повидимому, лежалъ Кодъ.

Милоевскій ждалъ, и когда терпѣніе его начало приходить къ концу, всталъ, хлопнулъ увлеченнаго Меллера по плечу и сокрушенно произнесъ:

— Штука интересная, но все-таки въ интересахъ вашей, Августъ Карловичъ, безопасности, я долженъ ее забрать. Господа машинисты!—раскрывъ дверь, позвалъ онъ рабочихъ.—Снимите вотъ эту штуку, провода отъ нея уберите, а также находящуюся на крышѣ мачту, вторая такая же мачта находится на другомъ концѣ крыши. Все это отнесите въ мой кабинетъ при канцеляріи...

— Теперь,—продолжалъ Милоевскій,— обратившись къ Меллеру,— идемте къ вамъ, Августъ Карловичъ. Тотъ второй аппаратъ я поставлю у себя на квартирѣ, чтобы, находясь при исполненіи служебныхъ обязанностей, можно было, между прочимъ, учиться и безпроволочному

Аэропланъ налетѣлъ въ темнотѣ на мачту радіостанціи и разбился.

телеграфированію. Надѣюсь, ты ,Эмилія, не откажешься быть моимъ учителемъ.

Сторонясь отъ выносившихъ аппаратъ рабочихъ, ротмистръ Милоевскій щелкнулъ шпорами, затѣмъ въ сопровожденіи жены и Меллера направился въ квартиру послѣдняго, находившуюся рядомъ съ электрической станціей.

IV.

Воздушная контрабанда.

Едва пробило 12 часовъ ночи, какъ въ кабинетъ подполковника, завѣдующаго радіостанціей въ Б..., вбѣжалъ старшій телеграфистъ.

— Опять шпіонская радіотелеграмма, но на этотъ разъ не шифрованная, а на чистомъ нѣмецкомъ языкѣ. Вотъ, прочтите, — и тонкая бумажка упала на столъ передъ подполковникомъ.

На ней было написано по-нѣмецки: «Меня выслѣдили. Телеграфирую въ послѣдній разъ. Сейчасъ снимутъ аппаратъ. Сегодня чрезъ Тихорѣцкую прошли 2 поѣзда...

На этомъ телеграмма обрывалась.

— Странно,—вслухъ подумалъ подполковникъ.—Его выслѣдили и аппараты отбираютъ, а онъ все-таки телеграфируетъ... Впрочемъ, хорошо хоть то, что послѣдній разъ... Однако, нужно приняться установленіемъ личности этого ловкаго фрукта... Если въ Н., то не трудно узнать, у кого сняли аппараты...

Не дождавшись никакихъ распоряженій, телеграфистъ рѣшилъ пойти обратно на радіостанцію.

Ночь на этотъ разъ была одной изъ самыхъ темныхъ. Массы облаковъ заслоняли небо, въ воздухѣ чувствовалось скопленіе электричества. Напряженная тишина ничѣмъ не прерывалась.

Телеграфистъ уже былъ на срединѣ пути, когда до него донеслось отдаленное жужжаніе. Остановившись, онъ прислушался. Сначала казалось, что жужжитъ большая муха, попавшая въ тенета паука, но черезъ минуту звуки стали до того сильными и ясными, что относительно ихъ происхожденія не осталось сомнѣній.

Первымъ желаніемъ телеграфиста было бѣжать и сообщить подполковнику, но его остановила мысль, что невѣдомый аэронавтъ можетъ скрыться, не давъ себя опознать... И потому телеграфистъ остался стоять.

Жужжаніе приближалось. Наконецъ, надъ головою телеграфиста низко пролетѣло темное пятно и ударилось объ мачту радіостанціи.

— Ну и дуракъ же,—не вытерпѣвъ, выругался телеграфистъ.—Такая темь, а онъ летитъ наобумъ... Да и зачѣмъ его нелегкая ночью вынесла. Нужно бѣжать съ докладомъ къ подполковнику.

Минутъ черезъ двадцать вокругъ разбившагося аэроплана, освѣщая его фонариками, стояли военные. Летчикъ оказался мертвымъ, съ раздробленнымъ черепомъ. Весь грузъ его воздушной машины заключался въ небольшомъ кожаномъ чемоданѣ. Пара револьверовъ составляла вооруженіе.

— Нѣмецъ, австріецъ, румынъ, турокъ,—не разберу,—обижался подполковникъ.—Тащите чемоданъ въ мой кабинетъ, тамъ разсмотримъ.

Въ чемоданѣ оказались прокламаціи и около двухсотъ писемъ, адресованныхъ въ разные концы Россіи. Большинство адресатовъ были съ нѣмецкими фамиліями. На конвертѣ одного письма стоялъ такой адресъ: Августу Карловичу Меллеру, механику центральной электрической станціи, гор. Н—скъ... губерніи».

Часть писемъ подполковникъ вскрылъ и къ немалому изумленію нашелъ въ нихъ самое невинное содержаніе, къ тому же написанное по-русски. Однако, содержаніе было таково, что нельзя было опредѣлить, откуда письма посланы.

Онъ уже началъ приходить въ отчаяніе и, досадуя на одно письмо, бросилъ ручку съ перомъ, обмакнутымъ въ чернила. Желая высушить образовавшееся пятно, онъ подержалъ запачканное письмо надъ стекломъ горѣвшей керосиновой лампы.

И по мѣрѣ дѣйствія жары, лицо подполковника ширилось, росло и расплывалось въ довольную улыбку. Наконецъ, онъ не выдержалъ, бросилъ письмо и радостно потеръ руки...

Между строкъ письма выступили раньше невидимыя желтоватыя буквы. Скоро все письмо покрылось ими.

— Теперь понимаю,—проговорилъ подполковникъ. — Аэропланъ занимался контрабанднымъ провозомъ изъ-за границы писемъ, для представителей нѣмецкаго шпіонажа въ Россіи...Но вотъ бѣда, письма-то написаны шифромъ... ничего не разберу... Эхъ, да что мнѣ самому возиться. Пошлю начальству, пусть надъ ними голову ломаетъ. Довольно съ насъ и того, что во-время аэропланъ накрыли, раньше непріятельскихъ лазутчиковъ...

V.

Контръ-миноносецъ «Пеленгри-Дерія».

Прошло нѣсколько дней. Въ пять часовъ утра изъ квартиры ротмистра Милоевскаго вышла дама. Лицо ея было скрыто подъ густой вуалью. Боязливо оглядывая встрѣчныхъ, она прошла пролегающимъ между рельсовыми путями тротуаромъ, тихо проскользнула мимо электрической станціи и на пять секундъ остановилась у квартиры Меллера. Убѣдившись, что за нею не слѣдятъ, она безшумно открыла дверь и поднялась по лѣстницѣ.

— Эмилія! Такъ рано... что-нибудь необычайное. Говори скорѣе,—встрѣтилъ ее механикъ.

— На, вотъ, читай,—жена ротмистра бросила на столъ пакетъ съ казенной печатью. Мой мужъ вернулся изъ общественнаго собранія сильно навеселѣ въ четыре часа и, едва раздѣвшись, уснулъ какъ убитый. Въ четыре съ половиной его потребовалъ къ телефону генералъ,

командующій войсками. Придавъ голосу грубый тонъ, я выдала себя за Евменія и получила приказъ немедленно арестовать тебя и въ твоей квартирѣ произвести обыскъ, о результатахъ лично донести. Генералъ добавилъ, что форменный приказъ объ арестѣ и обыскѣ съ объясненіемъ причинъ послали съ разсыльнымъ. Его я получила двадцать минутъ назадъ и поспѣшила къ тебѣ.

Выслушавъ это, Меллеръ бросился къ пакету и вскрылъ его.

— Какое несчастье!—воскликнулъ онъ. — Въ Бессарабію упалъ и захваченъ нашъ аэропланъ съ контрабандной почтой... Обнаружены невидимыя до спеціальной обработки химическія записи, раскрытъ условный шифръ, триста семьдесятъ нашихъ освѣдомительныхъ организацій въ Россіи раскрыты! Вотъ въ чемъ пораженіе Германіи!

Нѣмецкій шпіонъ рвалъ на себѣ волосы, его племянница бѣгала по комнатѣ.

— Бѣжимъ!—продолжалъ Меллеръ.— Сейчасъ же бѣжимъ... Иначе насъ ждетъ одинъ приговоръ—смертная казнь. Меня, тебя, твоихъ сестеръ и даже твоего дурака мужа повѣсятъ!

Эмилія остановилась.

— Но какъ бѣжать-то? — спросила она. — Въ поѣздѣ поймаютъ, въ горахъ съ голоду умрешь, бѣжать некуда...

— Ахъ, да,—перебилъ ее Меллеръ.— Провода-то изъ станціи въ мою квартиру не убрали... Я сдѣлалъ новый аппаратъ и вчера установилъ его въ потайномъ мѣстѣ, въ моемъ погребѣ. Передъ твоимъ приходомъ телеграфировалъ и удачно. Въ настоящій моментъ въ ста миляхъ отсюда находится турецкій контръ-миноносецъ «Пеленгри-Дерія», подъ командой

Милоевскій перешелъ на носовую часть лодки, которая шла по направленію къ контръ-миноносцу.

германскаго капитана. Обмѣнялся съ нимъ радіотелеграммами...

— Ну, и что же изъ этого,—торопила Эмилія.

— То, что, протелеграфировавъ «Пеленгри-Деріи» мы сейчасъ же сядемъ въ лодку и отправимся въ море... Онъ насъ подождетъ.

Словно тяжесть спала съ плечъ механика, но Эмилія попрежнему была мрачна.

— Насъ изъ бухты не выпустятъ,— возразила она.

— Это правда,—согласился Меллеръ.

— Тогда вотъ что. Немедленно отправляйся къ мужу и уговори его не позже какъ черезъ часъ поѣхать кататься на лодкѣ. Его, какъ ротмистра, должны пропустить. Но прежде чѣмъ будить мужа, разбуди сестеръ, объясни имъ, въ чемъ дѣло, и поставь на дежурства: одну у телефона и одну у двери, чтобы Евменія Никифоровича никто не потревожилъ. Поняла? Скорѣе. Съ собой ничего, кромѣ сестеръ, не брать: жизнь дороже.

Черезъ часъ съ небольшимъ отъ одной изъ пристаней отчалила большая моторная лодка, принадлежавшая желѣзной дорогѣ и находившаяся въ распоряженіи Меллера. Механикъ управлялъ машиной, ротмистръ Милоевскій шептался съ женой, сестры Винтеръ принуждали себя улыбаться.

Прекрасный моторъ работалъ исправно. Оставляя широкій слѣдъ, лодка подходила къ выходу изъ порта. На концѣ волнолома стояли два солдата. Увидѣвъ ротмистра, они отдали ему честь и пропустили лодку. Шпіонъ далъ полный ходъ.

Былъ полнѣйшій штиль. Майское солнце игривыми лучами заливало поверхность зеркальнаго моря и колеблющимся дискомъ отражалось въ глубинѣ водъ; кое-гдѣ вздымаясь причудливыми утесами, красавицы горы зеленымъ бархатомъ окаймляли берега. Прыгали веселыя рыбки.

Вдыхая полной грудью чистый воздухъ, Евменій Никифоровичъ восхищался, лица же его спутницъ и спутника по мѣрѣ удаленія отъ порта мѣняли выраженіе. Словно многослойная маска лицемѣрія и притворства снималась съ нихъ, и они изъ поддѣльно-привѣтливыхъ и добрыхъ становились естественнозамкнутыми и злыми.

Когда ротмистръ неожиданно замѣтилъ это, что-то холодное и рѣжущее схватило его за сердце.

— Не пора ли повернуть назадъ,— спохватился онъ.

Меллеръ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ.

— Эмилія, скажи ему, что нужно ѣхать обратно, — повторилъ ротмистръ, но Эмилія вмѣсто отвѣта ядовито засмѣялась и пересѣла на другой бортъ лодки.

Съ минуту продолжалось тягостное молчаніе. Вылѣзающими изъ орбитъ глазами смотрѣлъ Евменій Никифоровичъ на жену, на механика и на сестеръ и не узнавалъ ихъ.

Меллеръ неторопливо вынулъ изъ бокового кармана револьверъ и, направивъ его на ротмистра, скомандовалъ:

— Подымите ваши руки, господинъ Милоевскій. Эмилія! Обыщи его.

Милоевская безцеремонно подошла къ безпомощному мужу, изъ ноженъ вытащила его шашку и сказала по-нѣмецки:

— Больше у него ничего нѣтъ. Патроны въ револьверѣ я еще дома разрядила.

— Прекрасно. Господинъ Милоевскій!—продолжалъ шпіонъ. — Человѣкъ вы добродушный, къ намъ всегда хорошо относились и потому мы желаемъ стѣснять васъ возможно меньше. Вы военноплѣнный его величества императора Германіи! Въ настоящемъ положеніи васъ слѣдовало бы связать, но во вниманіе къ вашему возрасту мы не сдѣлаемъ этого. Пересядьте на самый носъ и не двигайтесь съ мѣста. Элиза и Вильгельмина будутъ держать наготовѣ револьверы и пристрѣлятъ васъ при малѣйшемъ движеніи. Эмилія, садись къ рулю.

Переходя въ носовую часть лодки, ротмистръ осмотрѣлъ море. Поблизости не было ни одного судна. Далеко, верстъ за двадцать, у берега бѣлѣли паруса баркасовъ добывавшихъ песокъ. Отъ порта отъѣхали не меньше 25 верстъ.

Подавленный переживаніемъ случившагося, Евменій Никифоровичъ не про-

ронилъ ни слова. Изрѣдка глаза его устремлялись на жену, но Эмилія, смотрѣла въ даль, избѣгая взгляда мужа. Лодка быстро неслась на юго-западъ.

Около 10 часовъ утра на горизонтѣ появился столбъ чернаго дыма. Меллеръ досталъ германскій флагъ и водрузилъ его на единственной мачтѣ. Столбъ дыма сталъ быстро расти; лодка шла прямо къ нему.

Черезъ 15 минутъ Евменій Никифоровичъ узналъ военное судно, а черезъ полчаса всѣхъ ихъ приняли на турецкій контръ-миноносецъ «Пеленгри-Дерія».

VI.

Тревога въ воздухѣ.

Пригрѣтая золотистыми лучами солнца, атмосфера надъ Чернымъ моремъ умѣрила передвиженіе своихъ частицъ и къ 3-мъ часамъ дня уже близка была къ состоянію почти полной неподвижности, какъ вдругъ нѣкто невѣдомый далъ сигналъ тревоги. Быстро одна за другой электро-волны забѣгали по атомамъ газовъ и всей толщѣ воздушнаго поля сообщили характеръ состоянія передъ приближающейся бурей.

Радіотелеграфы на судахъ черноморскаго флота приняли неизвѣстно кѣмъ посланную безъ условнаго пароля депешу, сообщавшую о нахожденіи на 44-й параллели турецкаго военнаго судна, направляющагося къ западу. Вслѣдъ за этимъ была перехвачена шифрованная радіотелеграмма, посланная, повидимому, съ этого судна.

Черезъ полчаса отъ неизвѣстнаго снова пришла депеша, на этотъ разъ опредѣленно называвшая судно контръ-миноносцемъ «Пеленгри-Дерія». Депеша обрывалась на сообщеніи о нахожденіи на контръ-миноносцѣ бѣжавшихъ изъ Н. шпіоновъ и захваченнаго ими...

Кто или что именно захвачено, радіотелеграммы не уловили, вѣрнѣе это не было досказано. Повидимому, телеграфировавшій неожиданно принужденъ былъ прервать свое сообщеніе...

Языкомъ, полнымъ тайны и условностей, суда заговорили между собою. Имъ отвѣчали радіотелеграфы съ береговъ Бессарабіи, Крыма, Кавказа, Закавказья. Прислалъ молніеносныя вѣсти и англо-французскій флотъ, блокирующій Дарданеллы. И, словно въ отвѣтъ на это, заговорили турко-нѣмцы. На непонятномъ, хитромъ шифрѣ телеграфировали непріятельскіе шпіоны, утвердившіеся гдѣ-то на черноморскихъ берегахъ...

Гдѣ именно?! Въ Болгаріи, Румыніи... Электро-волны не всегда могли точно сказать это...

Черноморская эскадра вышла въ море. Въ предшествіи гидроаэроплановъ легкія развѣдочныя суда шли впередъ, за ними слѣдовали броненосцы. Черное море взбороздилось, нестройные ряды поднятыхъ волнъ толкали клочья взбитой винтами пѣны, массы дыма быстро развертывающимися лентами ложились въ воздухѣ и медленно таяли.

Наступалъ вечеръ... Край солнца на далекомъ горизонтѣ коснулся лазоревой поверхности воды, и лучезарное свѣтило быстро погрузилось въ море. Дохнувъ тонкими ароматами расцвѣтавшей весны, съ горъ Анатоліи принесся теплый вѣтерокъ.

Въ сгущавшихся сумеркахъ моряки усилили бдительность. Прислуга у пушекъ и минныхъ аппаратовъ стала наготовѣ. Гидроаэропланы снизились, упали въ море и были приняты на палубы броненосцевъ. Зоркій глазъ дозорныхъ искалъ врага, радіотелеграфы продолжали работу... Ночь пришла тихая, безлунная, звѣздная.

Въ 12 часовъ 15 минутъ боковой слѣва корабль замѣтилъ на юго-востокѣ неизвѣстное судно и, переговоривъ съ командующимъ эскадрою, открылъ огонь. Отвѣтивъ нѣсколькими выстрѣлами, судно сдѣлало полуоборотъ и быстро направилось къ югу. Преслѣдующая эскадра тотчасъ же перестроилась: суда пошли въ разныхъ направленіяхъ.

Гонка продолжалась около 10 часовъ. Когда солнце уже было высоко, два крейсера и контръ-миноносецъ, перейдя 42 параллель у пересѣченія ея 3-мъ на западъ отъ Пулкова меридіаномъ, между ними и портомъ Ерегли увидѣли спѣшившій къ Босфору турецкій контръ-

миноносецъ «Пеленгри-Дерія». Быстро направившись ему на перерѣзъ, крейсера открыли убійственный огонь изъ своихъ орудій. Приблизившись къ берегу и изрѣдка отвѣчая, «Пеленгри-Дерія» продолжалъ путь.

Снаряды, осыпая палубу, продырявили борты, взвился столбъ пламени. Страшный взрывъ снесъ капитанскій мостикъ и двѣ трубы. Но, несмотря на это, «Пеленгри-Дерія» уходилъ. Рискуя наткнуться на турецкія мины, русскіе крейсеры не могли приблизиться къ нему на дистанцію, допускающую обстрѣлъ изъ всѣхъ орудій.

Подойдя подъ защиту босфорскихъ укрѣпленій, изнемогающій контръ-миноносецъ замедлилъ ходъ и, лавируя между рядами минныхъ загражденій, скрылся въ проливѣ... Началась бомбардировка Босфора.

VII.

Во время боя.

Принятый въ качествѣ военноплѣннаго на контръ-миноносецъ «Пеленгри-Дерія» ротмистръ Милоевскій не скоро овладѣлъ собою. Сознаніе, что его жена, которую онъ безумно любилъ, ради которой переносилъ оскорбленія и даже прекратилъ знакомство со старыми друзьями, оказалась шпіономъ нынѣ воюющаго съ Россіей государства, больно жгло мозгъ.

На палубѣ они разстались. Меллеръ, Эмилія и ея сестры пошли съ капитаномъ, а Милоевскаго матросы заперли въ крошечную каюту. Въ припадкѣ отчаянія бросился Евменій Никифоровичъ на койку и около часа лежалъ на ней неподвижно. Доносился ритмическій стукъ машинъ, изрѣдка слышались голоса экипажа.

Въ третьемъ часу дня въ пріоткрытую дверь просунулась голова человѣка, въ формѣ младшаго офицера турецкаго флота.

Заговоривъ съ нимъ по-нѣмецки, Милоевскій узналъ, что эта каюта—его, что офицеръ очень недоволенъ помѣщеніемъ въ ней военноплѣннаго и что онъ состоитъ при радіотелеграфѣ на миноносцѣ.

У Милоевскаго мелькнула мысль подкупить турка. Задавъ еще нѣсколько вопросовъ, ротмистръ узналъ, что спрашиваемый уже нѣсколько мѣсяцевъ не получалъ жалованья, что кормятъ у нихъ отвратительно—однѣми кукурузными лепешками и что въ общемъ онъ испытываетъ нужду.

Узнавъ это, плѣнникъ вынулъ свой кошелекъ съ деньгами и сталъ считать золото и бумажки. У турка загорѣлись глаза.

— Хочешь? — показывая золотой, спросилъ Милоевскій.

Турокъ вошелъ въ каюту и закрылъ за собою дверь.

— Я отдамъ тебѣ все, если ты пошлешь мою телеграмму, — предложилъ плѣнникъ.

Къ великому удивленію, турокъ, немедля, согласился.

— А ты меня не обманешь?

Турокъ призвалъ Аллаха въ свидѣтели.

Тогда Милоевскій на клочкѣ бумаги набросалъ нѣсколько строкъ и вмѣстѣ съ деньгами передалъ турку. Поблагодаривъ, тотъ вышелъ.

Послѣ этого плѣнникъ снова растянулся на койкѣ, но до наступленія темноты заснуть не могъ.

Снова явился турокъ-телеграфистъ и сообщилъ, что телеграмма послана въ два пріема, такъ какъ ему мѣшали. Забылся Евменій Никифоровичъ, когда наступила ночь, и спалъ нѣсколько часовъ.

Разбудили его пушечные выстрѣлы и, хотя они скоро прекратились, но больше онъ уже не могъ сомкнуть глазъ... Мучила темнота въ каютѣ и неизвѣстность мѣстонахожденія судна. Но вотъ въ иллюминаторѣ забрезжилъ свѣтъ, сквозь толстое стекло показался далекій скалистый берегъ. Евменій Никифоровичъ былъ дальнозоркимъ и скоро опредѣлилъ, что это берега Анатоліи.

— Идемъ къ Босфору,—подумалъ онъ.

На палубѣ раздались тревожные свистки, послышалась бѣготня, затѣмъ быстро одинъ за другимъ гдѣ-то близко стали падать снаряды и со страшнымъ грохотомъ взрываться. Вотъ одинъ изъ нихъ попалъ въ бортъ выше ватеръ-линіи. «Пеленгри - Дерія» вздрогнулъ, что-то разорвалось внутри его, машины стали

Милоевскій выбѣжалъ на палубу и едва успѣвъ взглянуть на стрѣлявшія въ «Пеленгри-Дерію» суда, ступилъ въ пустоту, сорвался и упалъ въ какую-то яму.

давать перебои. Новый снарядъ произвелъ страшныя разрушенія: часть палубы разлетѣлась вдребезги, уголъ занимаемый плѣнникомъ каюты исчезъ.

Евменій Никифоровичъ выскочилъ на палубу и, едва успѣвъ взглянуть на стрѣлявшія въ «Пеленгри-Дерію» суда, ступилъ въ пустоту, сорвался и упалъ въ какую-то яму. Въ ту же минуту наверху раздался адскій трескъ, показалось пламя, обрушились трубы и мостикъ... Ушибленный и опаленный Евменій Никифоровичъ прижался къ грудѣ обломковъ и, находясь въ полномъ сознаніи, широко и радостно улыбнулся.

Выстрѣлы прекратились. Подумавъ, что контръ-миноносецъ тонетъ, Милоевскій покинулъ свое убѣжище и вскарабкался на то, что раньше называлось палубой.

Исковерканные куски желѣза, брусья, листы, и части передаточныхъ механизмовъ представляли себой безформенную груду. Весь контръ-миноносецъ выше ватеръ-линіи былъ приведенъ въ полную негодность. Кое-гдѣ висѣли клочья одежды и куски разорваннаго человѣческаго мяса. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, Евменій Никифоровичъ увидѣлъ груду исковерканныхъ тѣлъ. На обезображенномъ тѣлѣ капитана лежали сестры Винтеръ, между ними упала оторваная отъ туловища голова Эмиліи.

Евменій Никифоровичъ поднялъ ее за опаленныя волосы, взглянулъ въ открытые, съ печатью ужаса, глаза и бросилъ въ море. Вокругъ не было ни души; все живое смелъ огонь русскихъ крейсеровъ. Двигалось судно какимъ - то чудомъ, ежеминутно рискуя напороться на собственную мину. Команда, находившаяся въ трюмахъ и машинныхъ отдѣленіяхъ, не осмѣливалась показаться наверхъ.

Воспользовавшись этимъ, Евменій Никифоровичъ быстро сбросилъ съ себя форму русскаго офицера и остался въ одномъ нижнемъ бѣльѣ...

Отъ азіатскаго берега къ «Пеленгри-Деріи» отчалила шлюпка. Босфорскія батареи открыли стрѣльбу по русскимъ крейсерамъ.

VIII.

Въ Константинополѣ.

Былъ пятый часъ дня. Отъ европейскихъ зданій, мечетей и тонкихъ колоннъ минаретовъ протягивались тѣни; воды Босфора и Золотого Рога темнѣли; на улицахъ Стамбула, Галаты и Перы увеличилось число красныхъ фесокъ.

По набережной между главнымъ вокзаломъ и мысами Серай-Бурну прохаживались военные: турецкіе и германскіе офицеры. У воротъ Багче разгружался прибывшій изъ Дарданеллъ транспортъ раненыхъ. Около моста султана Валидэ шла спѣшная работа, поднимались проволочныя загражденія, устроенныя для защиты Золотого Рога отъ нападенія англо-французскихъ подводныхъ лодокъ.

Слышался сдержанный говоръ. Правовѣрные и христіане, изъ опасенія насилія со стороны турокъ, одѣвшія красныя фески, шопотомъ говорили о результатахъ сегодняшняго боя у входа въ Босфоръ.

Въ половинѣ пятаго солдаты получили приказъ гнать невоенныхъ съ набережныхъ и прилегающихъ къ нимъ улицъ и прекратить движеніе по обоимъ перекинутымъ черезъ Золотой Рогъ мостамъ. Въ пять часовъ на Босфорскомъ рейдѣ показался пароходъ, буксировавшій разбитый, исковерканный контръ-миноносецъ.

«Пеленгри-Дерія»—это былъ онъ— къ наступленію темноты провели черезъ мосты Султановъ Валидэ и Магомета. Войдя въ военную гавань, контръ-миноносецъ ошвартовался у морского арсенала. Тотчасъ же приступили къ уборкѣ съ него испорченныхъ частей и труповъ.

Въ томъ, что раньше было переднимъ кубрикомъ, оказалось около десятка раненыхъ, которымъ уже была сдѣлана перевязка. Между ними былъ пожилой мужчина, въ одной рубашкѣ и татарскихъ шароварахъ. Голова и лицо этого раненаго была забинтована такъ, что виднѣлся одинъ только лѣвый глазъ да кончикъ носа.

Ему предложили носилки, но онъ знаками объяснилъ, что самъ можетъ

итти, взялъ принесенное санитарами покрывало, закутался въ него и вмѣстѣ съ другими легко ранеными сошелъ на берегъ.

Ихъ провели мимо желѣзнаго завода, затѣмъ направили паркомъ. Дорогу указывали солдаты.

Въ паркѣ было очень темно. Описанный выше раненый нѣзамѣтно отсталъ отъ другихъ и спрятался въ чащѣ деревьевъ.

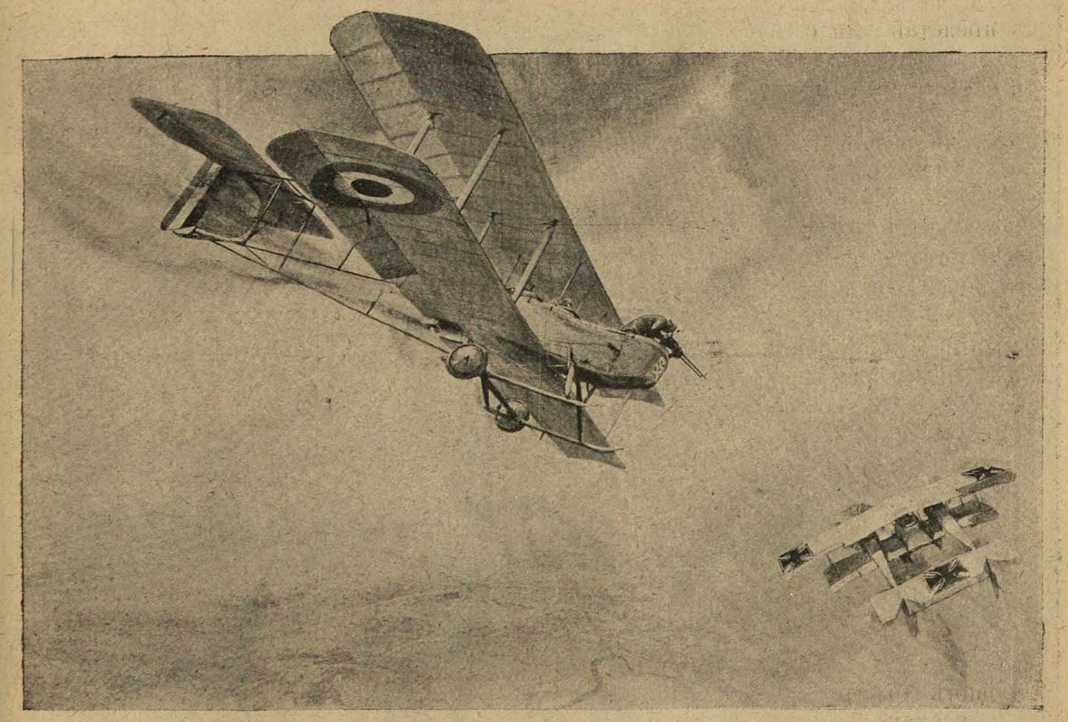
— Слава Богу!—вырвалось у него, когда отрядъ ушелъ далеко.—Лишь бы дождаться разсвѣта, а тамъ ужъ я разыщу моихъ константинопольскихъ друзей... Авось, они не забыли ротмистра Милоевскаго, помогутъ ему бѣжать...

Евменій Никифоровичъ сорвалъ съ лица и головы повязку, одѣлъ захваченную имъ феску и, плотно закутавшись въ пестрое покрывало, пошелъ въ глубь парка, вскорѣ перешедшаго въ кладбище.

. . . .

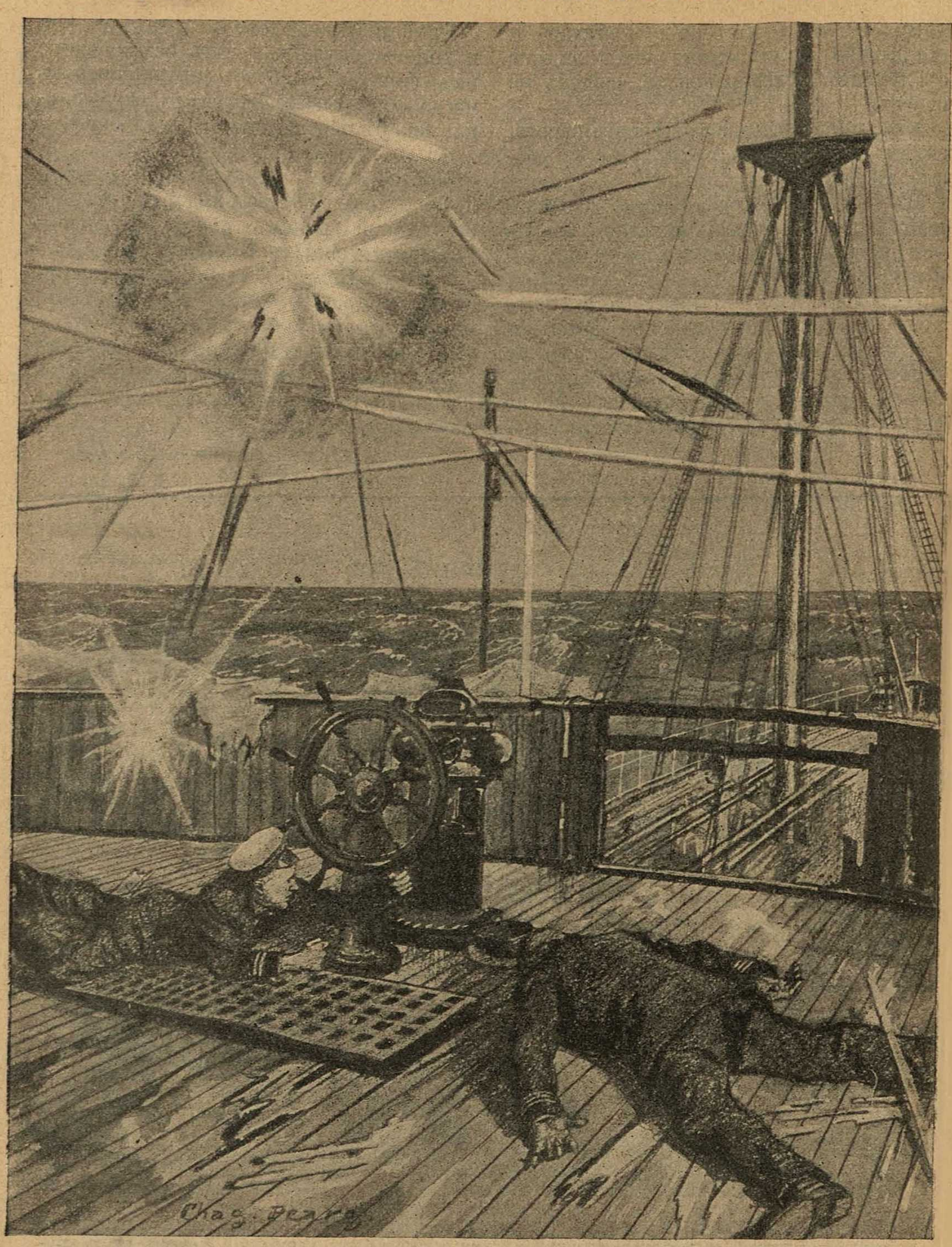
Черезъ двое съ половиною сутокъ, чрезъ станцію Мустафа-паши на турецко-болгарской границѣ, послѣ исполненія ряда таможенныхъ формальностей, изъ Турціи въ Болгарію прошелъ пассажирскій поѣздъ. Въ одномъ изъ вагоновъ, одѣтый въ штатское, съ феской на головѣ, сидѣлъ постарѣвшій на десятокъ лѣтъ, но съ бодрымъ взглядомъ голубыхъ глазъ, ротмистръ Евменій Никифоровичъ Милоевскій...

БОИ НА ВЫСОТѢ ВЪ 400 ФУТОВЪ.

Производя развѣдку надъ Полькапелле, британскіе летчики замѣтили большой германскій бипланъ съ двойной оснасткой, съ двумя двигателями и двумя прожекторами. Германскій бипланъ сталъ кружить надъ англичанами, стрѣляя изъ автоматической пушки. Англичане отвѣчали и послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, машины непріятеля остановились, и онъ полетѣлъ внизъ сильно накренившись впередъ. Но онъ выровнялся и сталъ медленно опускаться, повидимому, сильно поврежденный, такъ какъ не могъ сохранить равновѣсія.

„КУПЕЦЪ“ ПРОТИВЪ ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ.

Пароходъ «Англо-Калифорнія» возвращался изъ Квебека и въ Ирландскомъ морѣ подвергся нападенію нѣмецкой подводной лодки. Капитанъ Парслау, человѣкъ хладнокровный и смѣлый, не ушелъ съ мостика, а съ саркастической улыбкой смотрѣлъ на усилія врага. Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ убитъ осколкомъ. Его сынъ, который стоялъ рядомъ съ нимъ, былъ опрокинутъ ударомъ, но не растерялся, подползъ къ рулю и продолжалъ управлять судномъ, лежа на палубѣ. Когда на помощь пароходу явилось военное судно, подводная лодка исчезла.

На часахъ.

Разсказъ *Теодора Робертса*.

I.

Нужны рекруты.

69-й полкъ получилъ изъ Оттавы (въ Канадѣ) приказъ вербовать добровольцевъ. Это случилось 5 августа. Погода стояла прекрасная, и фермеръ Джонъ Смайлеръ косилъ свои луга. То-есть большую часть работы выполнялъ Билль, его племянникъ-сирота. Биллю было девятнадцать лѣтъ и любой фермеръ охотно платилъ бы ему тридцать долларовъ въ мѣсяцъ, не считая «харчей». Но старый Джонъ, въ качествѣ дяди, не платилъ ему ни гроша, харчи же тоже часто оставляли желать многаго.

6-го августа Билль работалъ съ половины пятаго утра до половины девятаго вечера, косилъ, сгребалъ сѣно, наметывалъ стога. Потомъ, послѣ торопливаго ужина, Джонъ Смайлеръ обнаружилъ, что дома нѣтъ патоки, и Билль взялъ кувшинъ и отправился за милю въ лавку Сэма Бленъ.

Въ то время, какъ Сэмъ наливалъ патоку въ кувшинъ, усталые глаза Билля замѣтили бѣлое объявленіе, прибитое къ двери.

Нужны рекруты въ 69-й полкъ.

Канцелярія для записи въ роту В. открыта въ деревнѣ Келли. Спросить капитана Келли, лейтенанта Карсона или лейтенанта Джонса.

По приказу командующаго 69-мъ полкомъ.

Боже храни короля!

Билль медленно, по складамъ прочелъ эти странныя слова.

— Они опять хотятъ устроить лагерь этимъ лѣтомъ, да, м-ръ Бленъ?—спросилъ онъ. — Я всегда хотѣлъ записаться въ лагерь, да дядя не пускалъ.

Лавочникъ Бленъ грузно подошелъ къ нему и съ минуту молча глядѣлъ на объявленіе.

— Лагерь! — вскричалъ онъ, наконецъ.—Игра въ солдаты! Нѣтъ, Билль, на этотъ разъ не то. Вѣдь ты слышалъ о войнѣ?

Билль покачалъ головой.

— Нѣтъ. О какой войнѣ?—спросилъ онъ.—Китайцы что ли опять рѣжутъ миссіонеровъ, да, м-ръ Бленъ?

— Какое тамъ китайцы,—съ неудовольствіемъ отвѣтилъ лавочникъ. — Неужто ты никогда не читаешь газетъ, Билль?

— Нѣтъ. Дядя любитъ, чтобы я спалъ, когда я не работаю. Онъ не любитъ, чтобы читали газеты.

— Такъ я тебѣ скажу, Билль. Австріи (это страна такая) захотѣлось поживиться другой маленькой страной, забылъ, какъ ее зовутъ. Та не стала ждать спокойно, чтобы ее сожрали. За нее заступилась Россія. Тогда германскій императоръ вмѣшался въ дѣло. Онъ давно точилъ зубы на Францію, а чтобы добраться до нея, перешелъ черезъ маленькую страну, которую зовутъ Бельгіей. Но бельгійцы оказались малые да удалые, какъ собачка у Ната Робинзона, и они скоро заставили германскаго императора запрыгать на мѣстѣ. Тѣмъ временемъ Францiя купила дроби и пошла на этого императора, да кстати напомнила королю Георгу — нашему королю, королю Англіи и Канады,—что у нихъ вѣдь былъ уговоръ помогать другъ дружкѣ.

— «Правильно!» — говоритъ король Георгъ. «Нельзя ему позволить разбойничать. Я дамъ ему часъ на то, чтобы

одуматься». Но императоръ германскій не одумался. Такъ что нашъ король Георгъ съ нимъ воюетъ теперь, и русскіе тоже, и Томъ Келли тоже будетъ воевать съ нимъ теперь. Онъ вѣдь у насъ такой воинственный, Томъ Келли, что только держись. Недавно еще собирался ѣхать въ Ирландію и воевать съ ольстерцами. А теперь поѣдетъ воевать съ нѣмцами. Я былъ въ Келли вчера по дѣлу. Капитанъ Келли и сквайръ Петерсъ вездѣ понавѣшали тамъ «Боже, храни короля» и работа у нихъ такъ и кипитъ. Докторъ Мартинъ тоже тамъ, осматриваетъ рекрутовъ и измѣряетъ ихъ.

Какая-то внезапная мысль засвѣтилась въ туповатыхъ глазахъ Билля Смайлера и краска проступила на его бронзовомъ лицѣ.

— Дядя велѣлъ еще взять содовыхъ лепешекъ, — сказалъ онъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ.

Лавочникъ далъ ему пакетикъ содовыхъ лепешекъ.

— Патоку я не возьму съ собой. Дядя самъ зайдетъ за ней.

Съ этими словами Билль покинулъ лавку.

Ферма дяди находилась къ сѣверу, но Билль Смайлеръ пошелъ къ югу. Радостныя, хотя и смутныя мысли роились у него въ головѣ, сердце бурно колотилось въ груди, а ноги двигались такъ легко-легко, точно на нихъ выросли крылья.

— Я никогда не былъ въ лагеряхъ,— говорилъ себѣ Билль.—Никогда нигдѣ не былъ. Но теперь, какъ Богъ святъ, я поѣду помочь королю Георгу, хотя бы дядя убилъ меня за это.

До деревушки Келли было пятнадцать миль пути. Первыя пять миль Билль прошелъ меньше, чѣмъ въ часъ, вторыя пять миль—въ часъ съ четвертью, а послѣднія пять миль—въ полтора часа. Когда впереди показались первые дома, онъ свернулъ съ дороги, чтобы поискать родникъ или ручеекъ. Онъ скоро нашелъ, что искалъ, легъ животомъ на землю и жадно напился студеной воды. Потомъ съѣлъ половину содовыхъ лепешекъ, медленно жуя ихъ, и закусилъ горстью дикой малины. Утоливъ такимъ образомъ жажду и голодъ, онъ легъ на траву и моментально заснулъ, какъ убитый.

Когда онъ проснулся, солнце уже стояло довольно высоко на небѣ.

Цейхгаузъ капитана Келли былъ деревянное, похожее на ригу строеніе, которое стояло въ центрѣ деревни, у самой дороги. Въ немъ находилось нѣсколько кладовыхъ, гдѣ грудами громоздились винтовки, палатки, одѣяла и амуниція, въ количествѣ достаточномъ на полтораста человѣкъ; далѣе тамъ были гимнастическая зала и канцелярія капитана. На большомъ десятиакровомъ огороженномъ полѣ, разстилавшемся позади этого строенія, уже стояло штукъ двѣнадцать палатокъ. Капитанъ Келли былъ зажиточный фермеръ и преданный своему дѣлу офицеръ милиціи.

Билль Смайлеръ минутъ десять постоялъ у проволочной ограды, глазѣя на бѣлыя палатки, на шеренгу людей, продѣлывавшихъ ружейные пріемы, и на часового въ красномъ мундирѣ, который расхаживалъ взадъ и впередъ со штыкомъ на ружьѣ. Неужели этотъ бравый солдатъ въ самомъ дѣлѣ Джонни Скоттъ изъ Гринриджа? Веснушчатое лицо подъ военной фуражкой безусловно было похоже на лицо Джонни, но Билль никогда не слыхалъ, чтобы Джонни былъ солдатомъ.

Около двери въ канцелярію стоялъ человѣкъ небольшого роста, но съ очень прямой осанкой и въ тѣсно облегающей его станъ военной формѣ зеленовато-сѣраго цвѣта. Биллю онъ показался незнакомымъ.

— Здорово, Билль!—дружески привѣтствовалъ его этотъ незнакомецъ.— Если ты пришелъ записаться въ полкъ, то иди смѣло и скажи объ этомъ капитану.

Билль поглядѣлъ на него внимательнѣе и чуть не подскочилъ отъ изумленія.

— Будь я проклятъ, если это не Джерри Гэйвордъ изъ Гринриджа!— вскричалъ онъ.

— Унтеръ-офицеръ Гэйвордъ, братъ,— отвѣтилъ тотъ.—Въ эту дверь, если ты пришелъ записаться.

Капитанъ Келли пытливо посмотрѣлъ на Билля, здороваясь съ нимъ за руку.

— Какъ дѣло съ сѣнокосомъ у твоего дяди?—дружелюбно спросилъ онъ.—Все сѣно свезли?

— Не знаю и знать не хочу,—отвѣтствовалъ Билли.—Я покончилъ съ дядей и его сѣномъ.

— Хочешь поступить въ армію?

— Да, я хочу быть солдатомъ.

— Для службы въ предѣлахъ королевства или для заграничной службы?

— Куда пошлете, мнѣ все равно. Я хочу воевать за короля Георга.

Капитанъ записалъ имя и возрастъ Билля на разлинованномъ листѣ бумаги.

— Подожди здѣсь,—сказалъ онъ и вышелъ.

Спустя четверть часа онъ вернулся съ докторомъ Мартиномъ, который измѣрилъ Билля, осмотрѣлъ его съ головы до ногъ, выстукалъ, выслушалъ, провѣрилъ зрѣніе.

— Выкупаться ему надо, а во всемъ остальномъ молодецъ хоть куда,—былъ приговоръ доктора.

Тогда Билль съ трудомъ вывелъ свое имя на бумагѣ, повторилъ за капитаномъ слова присяги, поцѣловалъ открытую Библію и его отправили завтракать. Послѣ завтрака онъ принялъ ванну и подъ наблюденіемъ капрала переодѣлся въ военную форму.

Въ три часа пополудни того же дня, когда Билля и еще пятерыхъ новобранцевъ обучали на дворѣ всѣмъ сложностямъ положенія «смирно!», старый Джонъ Смайлеръ подкатилъ къ цейхгаузу и остановился у проволочной ограды. Его маленькіе зоркіе глазки очень скоро отыскали Билля.

— Эй, ты!—заоралъ онъ.—Вилльямъ Смайлеръ! Сію минуту сбрось этотъ свой дурацкій нарядъ и маршъ домой!

Почти всѣ волонтеры, какіе находились на дворѣ, оглянулись и посмотрѣли на старика въ таратайкѣ, но Билль не обернулся. Унтеръ - офицеръ увидѣлъ, что лицо молодого Смайлера покраснѣло, потомъ поблѣднѣло.

— Слышишь, бездѣльникъ?—продолжалъ орать фермеръ.—Сію минуту ступай сюда, а не то я тебя кнутомъ заставлю послушаться, негодяй ты этакій!

Сержантъ Гэйвордъ, который былъ дежурнымъ въ этотъ день, приказалъ капралу и двумъ солдатамъ арестовать Джона Смайлера и отвести его къ судьѣ, сквайру Петерсу.

— Скажите сквайру, что черезъ десять минутъ придетъ какой-нибудь офицеръ,—сказалъ онъ.

И когда сквайръ Петерсъ и капитанъ Келли поговорили съ Джономъ Смайлеромъ минутъ пять, упрямый фермеръ сталъ какъ шелковый.

— Вы виновны въ оскорбленіи словами одного изъ солдатъ Его Величества во время исполненія имъ своихъ служебныхъ обязанностей въ военное время, а также въ оскорбленіи военнаго мундира. Но такъ какъ это вашъ первый проступокъ, то я вамъ предоставляю на выборъ: или заплатить десять долларовъ штрафу или отсидѣть подъ арестомъ двадцать дней,—сказалъ судья.

Старый Джонъ Смайлеръ заплатилъ десять долларовъ и отправился домой безъ племянника.

II.

У рудника.

Черезъ недѣлю послѣ того, какъ Билль Смайлеръ записался въ полкъ, рота капитана Келли вмѣстѣ съ двумя другими ротами того же полка и четырьмя ротами 75-го полка, т.-е. въ общей сложности около девятисотъ человѣкъ—уже стояла въ лагеряхъ близъ Милльтауна, въ ожиданіи того, что ихъ всѣхъ отправятъ дальше, въ Вальквартье близъ Квебека, гдѣ должно было производиться обученіе.

Милльтаунскіе легери издавна служили мѣстомъ лагернаго сбора для мѣстной милиціи. Они были расположены на хорошо дренированномъ полѣ, а такъ какъ вблизи не было ручья, то воду провели съ помощью трубъ отъ неизсякающаго родника, который находился въ милѣ разстоянія, у подножія высокаго лѣсистаго холма. Часовые день и ночь стерегли этотъ родникъ: одинъ часовой днемъ и двое ночью.

Въ два часа пополудни одного жаркаго безвѣтренаго дня Билль Смайлеръ стоялъ въ свою очередь на часахъ у этого родника. Его ружье было заряжено, и штыкъ привинченъ къ дулу. Онъ стоялъ, смотрѣлъ на воду и мысленно твердилъ данныя ему инструкціи.

Эти инструкціи были слѣдующія:

«Окликай всякаго человѣка, который захочетъ подойти къ роднику, и если, несмотря на твой второй окрикъ и твое предупрежденіе стрѣлять, онъ все-таки приблизится къ роднику на разстояніе ярда, ты долженъ выстрѣлить въ него. Выстрѣлить такъ, чтобы убить!»

Билль нѣсколько разъ повторилъ эти слова, чтобы хорошенько запомнить ихъ. Слова не слишкомъ нравились ему, и онъ отъ всей души надѣялся, что никто не вздумаетъ подходить къ роднику, пока онъ стоитъ на часахъ.

Родникъ находился въ серединѣ небольшой открытой площадки. Онъ былъ частью прикрытъ досками. Солнечные лучи, проникая сквозь верхушки низкорослыхъ сосенъ, освѣщали его прозрачную глубину.

Билль Смайлеръ нѣсколько разъ обошелъ родникъ кругомъ, потомъ остановился выше его, въ тѣни деревьевъ. Воздухъ былъ напоенъ благоуханіемъ нагрѣтой хвои и папоротниковъ. Билль облокотился на свое ружье, смотря изъ-подъ полуопущенныхъ вѣкъ прямо передъ собой, на мерцающій воздухъ. Его мысли перескакивали съ одного предмета на другой.

То онъ думалъ о дядѣ и о своей неблагодарной работѣ на фермѣ, то о своей новой жизни и связанныхъ съ ней обязанностяхъ, но больше всего—о нѣкой дѣвушкѣ по имени Ева Смайтсерсъ. Онъ представлялъ себѣ, какъ онъ вернется съ войны, украшенный медалями и съ кучей разсказовъ о томъ, что онъ видалъ тамъ, въ далекой Европѣ; представлялъ себѣ удивленіе Евы, ея радость, когда она увидитъ его... Вдругъ трескъ сухихъ сучьевъ за его спиной заставилъ его вздрогнуть и быстро обернуться.

— Стой! — крикнулъ онъ съ нервной хрипотой въ голосѣ, беря ружье на прицѣлъ.

Человѣкъ, шаги котораго вырвали часового изъ его мечтаній, остановился и сдѣлалъ шагъ назадъ, когда неожиданно увидѣлъ передъ собой дуло ружья и блестящій штыкъ. Это былъ высокій пожилой мужчина въ хаки. Его лицо было блѣдно и одутловато, а въ глазахъ поражали ихъ странный цвѣтъ и странное выраженіе. Билль никогда не видѣлъ его раньше.

— Чего вамъ нужно здѣсь?—сердито и взволнованно спросилъ онъ.—Къ этому роднику воспрещается подходить.

— Прекрасно, братъ, отлично,—отвѣтилъ незнакомецъ.—Ты хорошо исполняешь свои обязанности. Разъ-два, какъ по писанному.

Слова незнакомца польстили Биллю, однако это не усыпило его сознанія долга.

— Благодарю васъ, мистеръ, но вы лучше уходите отсюда,—сказалъ онъ.—Мнѣ приказано стрѣлять во всякаго, кто будетъ шататься тутъ.

Слабый огонекъ вспыхнулъ въ глазахъ незнакомца.

— Я одинъ изъ твоихъ офицеровъ, братъ,—сказалъ онъ, — полковникъ.

— Слушаю-съ, только я никогда не видалъ васъ раньше, сэръ,—отвѣтилъ Билль.

— Я нарочно прошелъ кустами, чтобы провѣрить, какъ ты исполняешь свои обязанности, а теперь я хочу выпить воды.

— Слушаю-съ, сэръ, только къ роднику вамъ никакъ нельзя подойти и лучше уходите отсюда. У меня строгій приказъ никого не пускать.

— Но я тебѣ говорю, что я одинъ изъ твоихъ офицеровъ.

— Не могу, сэръ. Пока я на часахъ, никто не подойдетъ къ роднику. Я никогда не видѣлъ васъ раньше. Почему я знаю, что вы не шпіонъ.

— Сейчасъ пропусти меня! Или я пожалуюсь полковому командиру на тебя. Тебѣ достанется.

— Не могу, сэръ. Мнѣ приказано такъ. Уходите, или я стрѣляю. Такъ мнѣ приказано.

— Дуракъ! Я бригадный командиръ. Разъ я приказываю тебѣ что-нибудь, ты долженъ меня слушаться.

Билль оторопѣлъ. Если этотъ незнакомецъ съ холодными глазами въ самомъ дѣлѣ имѣетъ право приказывать, если онъ въ самомъ дѣлѣ полковникъ и бригадный командиръ, то что будетъ съ нимъ, Биллемъ?

Онъ боялся послѣдствій того, что онъ уже сказалъ и сдѣлалъ. Онъ не зналъ, что дѣлать дальше. Этотъ человѣкъ могъ въ самомъ дѣлѣ быть полковникомъ— одѣтъ онъ былъ во всякомъ случаѣ, какъ полковникъ. Но съ другой стороны, онъ могъ быть и шпіономъ.

Билль уже собирался пропустить его, когда незнакомецъ, не дожидаясь этого, вдругъ проскочилъ мимо него и побѣжалъ къ водѣ.

— Стой или я стрѣляю!—крикнулъ Билль, прицѣливаясь.

Незнакомецъ остановился, повернулся, съ минуту колебался, потомъ подбѣжалъ къ часовому. Его лицо было блѣдно, глаза горѣли.

— Идіотъ!—крикнулъ онъ.—Какъ ты смѣешь грозиться стрѣлять въ офицера? Ты поплатишься за это! Съума ты сошелъ, что ли? Развѣ ты не видишь, кто я?

— Вамъ нельзя подходить къ этому роднику,—забормоталъ Билль, тяжело переводя духъ.—Если бы я зналъ навѣрное, что вы бригадный командиръ, тогда... тогда я, можетъ-быть, пропустилъ бы васъ. Но я васъ не знаю, сэръ, и я не знаю полковника, который командуетъ нашей бригадой. Я никогда не видѣлъ васъ.

— Такъ теперь видишь,—рѣзко отвѣтилъ тотъ.—Я полковникъ Дэнбаръ. Ты мнѣ вѣришь?

Незнакомецъ упалъ ничкомъ на доски и такъ и остался.

— И вѣрю, и не вѣрю, сэръ,—съ отчаяніемъ отвѣтилъ Билль.

— Хорошо, я тебѣ докажу,—сказалъ незнакомецъ.—Я пріѣхалъ изъ Миллльтауна, но я знаю всю провинцію. Ты откуда?

Билль сказалъ.

— Превосходно, около Келли я бывалъ не разъ, когда ѣздилъ на охоту и на рыбную ловлю. Капитанъ Келли тоже оттуда. Ты въ его ротѣ?

— Такъ точно, сэръ!

— Онъ славный малый, вашъ ротный. Я разговаривалъ съ нимъ минутъ десять тому назадъ. Грубоватый немного, но надѣленъ прекрасными качествами и отлично знаетъ военное дѣло.

Бѣлыя пятна ярости сошли тѣмъ временемъ съ лица незнакомца, и его голосъ звучалъ мягко. Но выраженіе глазъ было мрачное и холодное, и въ изгибѣ поднятой лѣвой брови было что-то ироническое. Онъ улыбнулся. Онъ сталъ перечислять Биллю мѣстечки вокругъ Келли и людей, живущихъ тамъ, называлъ ему офицеровъ и унтеръ-офицеровъ полка. Въ концѣ-концовъ Билль уже не сомнѣвался, что незнакомецъ дѣйствительно тотъ человѣкъ, за кого онъ себя выдаетъ.

— Ну, что, теперь ты вѣришь, что я не шпіонъ?—спросилъ незнакомецъ.

— Такъ точно, господинъ полковникъ,—отвѣчалъ Билли.

— И отлично,—сказалъ незнакомецъ.— Я тебя убѣдилъ. Ты опять вошелъ въ разумъ. Такъ ужъ, смотри, не теряй его больше. Я теперь пойду къ роднику и промочу горло.

— А можетъ-быть, вы бы пошли назадъ, въ лагерь, сэръ? Тамъ вамъ дадутъ воды,—робко попросилъ Билли.— Это близко отсюда.

— Ты все еще сомнѣваешься въ моей личности? Ты все еще думаешь, что я шпіонъ и врагъ?

— Никакъ нѣтъ, сэръ. Но если капитанъ Келли узнаетъ, что я васъ пустилъ къ роднику, онъ навѣрно сильно осерчаетъ.

Незнакомецъ придвинулъ свое лицо совсѣмъ близко къ лицу часового и страшная гримаса исказила его черты.

— Будетъ! Довольно!—рявкнулъ онъ.— Я по горло сытъ этой глупостью. Еще одно слово, и тебя съ позоромъ выгонятъ изъ арміи... Ты останешься въ этой бригадѣ не больше времени, чѣмъ собака съ жирными ногами можетъ гоняться въ пеклѣ за асбестовыми кошками.

При другихъ обстоятельствахъ послѣднія слова полковника разсмѣшили бы Билля. Но теперь, когда онъ видѣлъ передъ собой страшные глаза незнакомца, ему было не до смѣха. У него во рту пересохло. Онъ нервно облизалъ губы и судорожно глотнулъ. Дрожь пробѣжала по его тѣлу съ головы до ногъ. Поблѣднѣвъ, какъ полотно, онъ залепеталъ извиненіе.

Незнакомецъ повернулся и, не оглядываясь на него больше, пошелъ къ роднику, спокойно, не спѣша.

Билль Смайлеръ со страхомъ глядѣлъ ему вслѣдъ. Онъ съ ужасомъ думалъ о томъ, что вызвалъ гнѣвъ офицера, командующаго ихъ бригадой и притомъ человѣка, который, судя по всему, принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, что никогда не прощаютъ и не забываютъ. Какое наказаніе ждетъ его за это? Неужели его выгонятъ изъ роты и изъ полка и съ позоромъ отправятъ назадъ къ дядѣ? Нѣтъ, къ дядѣ онъ не вернется ни за что. Только въ качествѣ героя,— или, по крайней мѣрѣ, солдата, съ честью уволеннаго изъ полка,—вернется онъ въ родную деревню и покажется на глаза людямъ, которые знаютъ его. Особенно Евѣ Смайтсерсъ. А иначе— лучше въ воду. Проститъ ли его полковникъ Дэнбаръ? Можетъ-быть, проститъ, если капитанъ Келли попроситъ за него, Билли. Вѣдь онъ же только исполнялъ свои инструкціи.

Незнакомецъ между тѣмъ дошелъ до родника, сталъ на колѣни на дощатой площадкѣ, которая частью прикрывала воду, и опустилъ руку въ боковой карманъ своего кителя. Тутъ въ мозгу Билли опять съ силой вспыхнуло подозрѣніе и дрожь охватила его. Такъ-то онъ исполняетъ свою присягу?

Онъ поднялъ ружье и попытался крикнуть «Стой!» но только хриплый шопотъ вырвался изъ его пересохшей глотки. Незнакомецъ наклонился впередъ надъ водой.

— Назадъ!—взвизгнулъ Билли прерывающимся голосомъ.—Назадъ, во имя Бога, или я застрѣлю васъ!

Онъ приложилъ ружье къ плечу, но мушка поплыла передъ его глазами, такъ что онъ не могъ нацѣлиться. Все ружье плясало въ его рукахъ. Отчаяннымъ усиліемъ воли онъ поборолъ свою дрожь.

— Я застрѣлю васъ!—опять взвизгнулъ онъ.—Вы—шпіонъ!

Незнакомецъ выпрямился и оглянулся черезъ плечо. Въ это мгновеніе мушка ружья ясно встала передъ глазомъ Билля, и его пальцы нажали собачку. Рѣзко и гулко прогремѣлъ выстрѣлъ, но Билль почти не слыхалъ его. Онъ увидѣлъ, что незнакомецъ повалился ничкомъ на доски и остался лежать такъ. Колѣни Билля подкосились, онъ выронилъ ружье изъ рукъ, опустился на землю и закрылъ лицо руками. Онъ застрѣлилъ человѣка!

Изъ лагеря на выстрѣлъ прибѣжали люди. Лежа ничкомъ въ травѣ, Билль слышалъ топотъ ихъ ногъ, трескъ сучьевъ подъ ихъ ногами, ихъ голоса. Онъ приподнялся на четвереньки. У родника столпилось человѣкъ двѣнадцать. Они возбужденно жестикулировали, что-то говорили. Какъ сквозь сонъ Билль слышалъ свое собственное имя, переходившее изъ устъ въ уста. Онъ притянулъ къ себѣ ружье и приподнялся, шатаясь, на ноги. И сразу съ десятокъ лицъ повернулось къ нему, всѣ что-то закричали, и нѣсколько человѣкъ бросилось вверхъ по косогору— впереди нихъ молодой офицеръ.

Добѣжавъ до Билля, онъ схватилъ его за плечо и приблизилъ къ нему возбужденное, пылающее гнѣвомъ лицо.

— Это ты сдѣлалъ? Зачѣмъ ты это сдѣлалъ?—крикнулъ онъ.

Билль зашевелилъ губами, но не могъ произнести ни звука.

— Ты убилъ офицера!—опять крикнулъ тотъ.

— Я его предупреждалъ,—наконецъ, выговорилъ Билль.—А онъ не слушалъ. Онъ сказалъ, что онъ полковникъ Дэнбаръ, но мнѣ вдругъ показалось, что онъ шпіонъ.

Офицеръ выпустилъ плечо Билля.

— Полковникъ Дэнбаръ? Командующій бригадой!—съ ужасомъ вскричалъ онъ.

— Нѣтъ. Это не полковникъ Дэнбаръ,—вмѣшался одинъ сержантъ.—Человѣкъ, котораго застрѣлилъ часовой, называется Питеръ Бенсонъ. Онъ мѣстный житель, какъ и я. Онъ не Дэнбаръ, но и не шпіонъ.

Билль Смайлеръ тяжело сѣлъ на землю, опять выронилъ ружье и закрылъ лицо руками.

— Я... я сдѣлалъ, что мнѣ было приказано!—простоналъ онъ и разразился истерическими сухими рыданіями.

— Кто этотъ Бенсонъ?—спросилъ офицеръ у сержанта.

— Странный какой-то субъектъ,—отвѣчалъ тотъ.—Немного не въ своемъ умѣ. Сидѣлъ нѣсколько лѣтъ въ сумасшедшемъ домѣ за попытку отравить жену. Но это было давно, а теперь онъ безобидный, какъ младенецъ. Смайлеръ не долженъ былъ стрѣлять такъ быстро.

— Я вовсе не стрѣлялъ быстро!—всхлипнулъ Билль.—Я ему твердилъ-твердилъ, что не могу пустить его къ роднику. Потомъ я почти совсѣмъ повѣрилъ, что онъ полковникъ, да только въ послѣднюю минуту точно что-то толкнуло меня, и я не могъ не выстрѣлить.

Тѣмъ временемъ у родника столпилось еще больше людей. Одинъ рядовой, съ мокрымъ по плечо правымъ рукавомъ, и военный врачъ отдѣлились отъ толпы и направились вверхъ по косогору къ Биллю. Возлѣ офицера врачъ остановился и показалъ ему небольшой крѣпко закупоренный пузырекъ, который онъ держалъ въ рукѣ. Пузырекъ былъ наполненъ какимъ-то бѣлымъ порошкомъ.

— Мышьякъ! — сказалъ врачъ. — Слава Богу, что часовой выстрѣлилъ раньше, чѣмъ этотъ человѣкъ успѣлъ вытащить пробку!

На слѣдующій день Билля Смайлера произвели въ капралы, а къ тому времени, когда канадскій отрядъ былъ отправленъ въ Англію, Билль уже былъ однимъ изъ старшихъ офицеровъ въ ротѣ капитана Келли.

Но онъ не считаетъ своей личной заслугой, что онъ спасъ лагерь отъ отравленія, убивъ сумасшедшаго отравителя раньше, чѣмъ тотъ успѣлъ откупорить свой пузырекъ съ мышьякомъ.

— Это не я сдѣлалъ,—всегда говоритъ онъ.—Я думалъ только о себѣ, я боялся остановить его, а тутъ что-то подняло мою винтовку къ плечу и заставило мой палецъ нажать собачку. Можетъ-быть, присяга это сдѣлала, или, можетъ-быть, духъ какого-нибудь прежняго солдата...

НА КАВКАЗСКОМЪ ФРОНТѢ.

Плохо одѣтые, плохо вооруженные, лишенные современныхъ орудій и часто голодные, турки, сражающіеся на Кавказѣ, дерутся какъ львы. Но, уступая превосходнымъ силамъ нашихъ войскъ, они сдаютъ постепенно одну за другою всѣ свои позиціи и бѣгутъ, преслѣдуемые нашими войсками, оглашая ущелья дикихъ скалъ дикимъ воплемъ «Кисметъ!» въ которомъ выражается весь ихъ фанатизмъ. Слово *кисметъ* означаетъ судьба, предопредѣленіе, въ которое такъ слѣпо вѣрятъ мусульмане. И дѣйствительно, въ настоящее время рука этой судьбы особенно низко нависла надъ больной Турціей.

I.

Поздній гость.

КЪ ПОЛУНОЧИ дождь прекратился, но сразу точно стало гораздо холоднѣе. Рѣдкій туманъ поползъ по равнинѣ и окуталъ своей сѣрой пеленой бельгійскую деревушку, которая, подобно безчисленнымъ другимъ бельгійскимъ селеніямъ, недавно пострадала отъ безсмысленной бомбардировки. Все было тихо. Только разлившаяся рѣка шумѣла, да издали доносились глухіе отголоски канонады.

Въ кухнѣ одного изъ домовъ, въ которомъ еще можно было жить, хотя передняя стѣна была сильно повреждена снарядами, стояла молодая дѣвушка и при свѣтѣ двухъ свѣчей читала—не въ первый разъ—письмо, которое, судя по виду, было первоначально сложено въ крошечный квадратикъ.

Это была красивая дѣвушка, стройная и хорошо сложенная, и даже блѣдность щекъ и явная тревога, написанная на лицѣ, не уменьшали прелести ея миловидныхъ чертъ.

Ея губы шевелились, въ то время какъ она читала, точно она заучивала письмо наизусть, хотя она уже давно знала каждое слово въ немъ. Наконецъ, она опять сложила письмо, тщательно спрятала его на груди и прошептала, качая головой:

— Одиннадцать уже давно пробило. Онъ не придетъ. Не смѣетъ, видно. Дай Господи только, чтобы онъ не попался имъ въ руки...

Опустивъ голову и стиснувъ руки, она начала взволнованно ходить изъ угла въ уголъ.

Кухня была большая, въ два окна, но скудно обставленная. Пруссаки, занимавшіе деревню вотъ уже три недѣли, основательно очистили ее отъ всего лишняго. Большой шкапъ съ посудой, столъ, покрытый красный скатертью, нѣсколько стульевъ, да швейная машина—изъ тѣхъ, которыя можно приводить въ движеніе по желанію рукой или ногой—составляли всю меблировку. Въ глубинѣ, за плитой, маленькая дверь вела въ комнаты. Между окнами, занавѣски которыхъ не были, разумѣется, спущены, находилась другая дверь, которая вела во дворъ. Грубый коврикъ прикрывалъ середину выстланнаго плитками пола. Въ стѣнахъ и оконныхъ рамахъ виднѣлись трещины.

Но дѣвушка недолго прохаживалась взадъ и впередъ. Внезапно она вздрогнула и остановилась, вся насторожившись. Но ея взглядъ опоздалъ на полсекунды и не увидѣлъ въ ближайшемъ окнѣ прильнувшее было мужское лицо.

Пока она стояла и прислушивалась, кто-то осторожно отворилъ дверь, и въ кухню вошелъ молодой солдатъ, изношенная синяя одежда котораго была вся мокрая и въ грязи.

— Жюль! — прошептала дѣвушка, наполовину радостно, наполовину со страхомъ.

Онъ быстро оглядѣлся, притворилъ дверь такъ же тихо, какъ и открылъ ее, опустилъ на полъ какой-то свертокъ, завернутый въ холстъ, и положилъ въ карманъ револьверъ, который держалъ въ рукѣ. Послѣ этого онъ однимъ прыжкомъ очутился рядомъ съ дѣвушкой и заключилъ ее въ свои объятія.

— Луиза! Луиза! Наконецъ-то, послѣ этихъ безконечныхъ недѣль разлуки...

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, такихъ краткихъ,—увы!—они обмѣнивались ласковыми словами. Но затѣмъ дѣвушка рѣшительно отодвинула его отъ себя.

— Жюль, нельзя терять ни секунды. Разъ ты не пришелъ въ одиннадцать, какъ писалъ...

— Сколько времени я еще въ безопасности здѣсь?

— О, никакой безопасности здѣсь нѣтъ для тебя. Въ любую минуту...

— Изъ твоей записки я понялъ, что эти двое нѣмцевъ никогда не возвращаются раньше полуночи. Я знаю, что я запоздалъ.... очень запоздалъ. Трудно было итти въ темнотѣ. Они, повидимому, удвоили число своихъ часовыхъ.

— Сейчасъ уже почти полночь, Жюль. Смотри! — Она показала на часы.—И вдругъ они придутъ немного раньше, чѣмъ обычно...

Онъ попѣловалъ ее и засмѣялся успокаивающимъ смѣхомъ.

— Пяти минутъ достаточно, если ты сдѣлала все, о чемъ я тебя просилъ въ письмѣ.

— Все сдѣлано, хотя, признаться, я не понимаю...

— Разумѣется. — Онъ опять засмѣялся. — Но теперь пора за дѣло. Первымъ долгомъ, Луиза, запри дверь и спусти занавѣски на окнахъ.

Говоря это, онъ поднялъ свертокъ и откинулъ коверъ, прикрывавшій плиты пола.

Луиза сдѣлала шагъ къ двери, но затѣмъ остановилась въ нерѣшительности.

— Это запрещено, Жюль, запирать двери и задергивать занавѣски. И они жестоко наказываютъ тѣхъ, кто смѣетъ ихъ ослушаться.

— Ихъ жестокости скоро конецъ, — мрачно отвѣтилъ солдатъ, опускаясь на колѣни и принимаясь развязывать свертокъ.— Сдѣлай, что я прошу, дорогая. Ради родины можно рискнуть собой.

Не колеблясь больше, она исполнила, что онъ сказалъ, и опять вернулась къ нему и встала возлѣ него, наблюдая за тѣмъ, что онъ дѣлалъ. Онъ, между тѣмъ, вынулъ изъ свертка нѣсколько инструментовъ и продолговатый ящичекъ, на одномъ концѣ котораго находилось колесо съ желобкомъ.

— Это электрическая батарея!—пояснилъ онъ. Внимательно оглядѣвъ пыльныя плиты пола, онъ поднялъ одну изъ нихъ. Его лицо просвѣтлѣло.

— Эго проводъ, который мы проложили, прежде чѣмъ нѣмцы пришли сюда,—отвѣтилъ Жюль.

— Все въ порядкѣ!—замѣтилъ онъ, вынимая изъ этого потайного мѣста свернутый кольцомъ тонкій каучуковый кабель.

— Что это такое, Жюль?—спросила дѣвушка.

— Проводъ, который мы проложили, Жакъ и я, раньше чѣмъ нѣмцы пришли сюда!

— О, Жакъ, мой бѣдный братъ!—вздохнула Луиза.

— Онъ умеръ за Бельгію,—тихо отвѣтилъ Жюль.— Но его доброе дѣло осталось.

Онъ положилъ камень на прежнее мѣсто (въ краю камня былъ сдѣланъ желобокъ для прохода кабеля) и сталъ прикрѣплять концы провода къ батареѣ.

— А гдѣ же Марія?—вдругъ спросилъ онъ.—Спитъ у себя наверху?

Луиза не сразу отвѣтила.

— Старая Марія лежитъ наверху... мертвая,—сказала она, наконецъ, дрожащимъ голосомъ.—Сегодня утромъ, до разсвѣта, она пошла за водой. Ее застрѣлили—по ошибкѣ, приняли ее за шпіона, какъ говорятъ они.

— Черти!.. А мальчикъ, который носилъ наши письма все-таки пробирался благополучно мимо нихъ. Бѣдная старая Марія! Но она тоже будетъ отомщена.

Онъ опять гладко положилъ коврикъ на середину пола и поднялся.—Ну-съ, теперь дѣло за швейной машиной. Знала бы ты, Луиза, какъ я ломалъ голову, прежде чѣмъ мнѣ пришла въ голову эта блестящая мысль!

— Я тоже ломала голову,—со слабой улыбкой отвѣтила она.—Я не понимаю...

— Скоро поймешь. А пока помоги мнѣ еще разъ.

Они вмѣстѣ перенесли машину отъ окна на середину кухни и поставили ее тамъ на коверъ. Жюль опять опустился на колѣни и принялся за работу: снялъ съ машины подножку, поставилъ на ея мѣсто батарею и крѣпко привязалъ послѣднюю веревкой. Потомъ тщательно соединилъ колесо машины и колесо батареи посредствомъ тонкаго приводнаго ремня. Сдѣлавъ это, онъ откинулся назадъ и оглядѣлъ свою работу съ нескрываемымъ удовольствіемъ.

— Луиза,— сказалъ онъ.— Когда я уходилъ сегодня, нашъ ротный поцѣловалъ меня и сказалъ: «Сдѣлай это, Жюль, и Бельгія не забудетъ твоего имени». Но наши имена будутъ стоять вмѣстѣ, Луиза!

— Но я все-таки не понимаю...—начала Луиза кладя руку на рукоятку колеса.

Съ быстротой молніи онъ вскочилъ и оттащилъ ее отъ машины.

— Не сейчасъ! Еще нельзя! Если слишкомъ рано, все погибнетъ!—вскричалъ онъ. Но тутъ же поцѣловалъ испуганную дѣвушку.—Дорогая, я сейчасъ все объясню тебѣ. А пока надо прикрыть нашу работу. Придать машинѣ самый невинный видъ. Какую-нибудь скатерть... вонъ та, со стола, годится.

Она принесла ему красную скатерть со стола, и они вдвоемъ завѣсили ею машинный столикъ, слегка закрѣпивъ скатерть двумя-тремя булавками.

Юноша отошелъ на шагъ, съ восхищеніемъ глядя на результатъ.

— Дѣйствительно, теперь совсѣмъ невинный видъ!—воскликнулъ онъ.

— Да, только...—Она подбѣжала къ шкапу, достала оттуда ворохъ неподрубленнаго бѣлья и положила его рядомъ съ машиной.—Теперь еще невиннѣе, правда, Жюль?

— Браво! Да здравствуютъ женщины!—Онъ пододвинулъ къ машинѣ стулъ, подобралъ съ полу холстъ и инструменты и бросилъ ихъ подъ шкапъ.—Такъ-съ, теперь совсѣмъ готово.

Въ эту минуту страхъ вернулся къ дѣвушкѣ.

— Уходи, Жюль! Опасность слишкомъ велика.

Онъ обнялъ ее.

— Да, пора. Но сначала я долженъ объяснить. Слушай, дорогая. Вонъ тамъ (онъ сдѣлалъ жестъ въ сторону ближайшаго окна) находится большой мостъ, который былъ нашимъ несчастьемъ три недѣли тому назадъ. А тамъ (онъ сдѣлалъ жестъ въ противоположную сторону) находится наша новая надежда—три тысячи храбрыхъ молодцовъ, которые ждутъ только сигнала.

— Что могутъ сдѣлать три тысячи людей, Жюль?..

— Многое—если германцы, что находятся по эту сторону рѣки, будутъ отрѣзаны отъ своихъ, которые находятся по ту сторону. Они очутятся въ ловушкѣ: люди, орудія, склады, все!.. Но это еще не все,—продолжалъ онъ, лишь съ трудомъ сдерживая волненіе.—Сегодня ночью, не позже какъ черезъ часъ, германцы перевезутъ черезъ мостъ пять

большихъ новыхъ орудій, которыми они хотятъ задать перцу нашимъ союзникамъ англичанамъ. Эти орудія не должны переѣхать черезъ рѣку, по крайней мѣрѣ, какъ германскія орудія. Догадываешься теперь?

Она всплеснула руками.

— Жюль, мостъ минированъ!—прошептала она.

— Да. Его должны были взорвать три недѣли тому назадъ, но сегодня эти мины, пожалуй, обойдутся нѣмцамъ еще дороже. Вотъ смотри.— Онъ повелъ дѣвушку къ машинѣ и слегка дотронулся до ручки колеса.—Разъ двѣнадцать быстро повернуть колесо—вотъ и все, что требуется.

Онъ остановился и заглянулъ ей глубоко въ глаза.

— Луиза, теперь я долженъ пойти и сказать своимъ, что все готово. Если... если я не вернусь во-время... если что-нибудь помѣшаетъ мнѣ вернуться сюда... согласна ты сдѣлать это вмѣсто меня? Для Бельгіи?

Она прижалась къ нему.

— Да, я это сдѣлаю. Ради тебя и ради родины. Но ты, конечно, вернешься ко мнѣ, дорогой!

— Тогда наша побѣда обезпечена! Сигналомъ будетъ служить ударъ въ церковный колоколъ. Одинъ ударъ. Будь готова. Жди. Дѣйствуй быстро. Храни тебя Богъ.

— И тебя тоже, и пусть Господь приведетъ тебя назадъ ко мнѣ! — съ рыданіемъ проговорила она.

Часы начали бить.

— Полночь!—крикнула она въ ужасѣ.—Бѣги, дорогой.

— Прощай, Луиза. Прощай.

Онъ побѣжалъ къ двери, спокойно отперъ ее, выглянулъ.... и дверь закрылась за нимъ.

Луиза стояла не шевелясь, прижавъ руку къ сердцу.

— Храни его.... храни его!—шептали ея губы.

Черезъ минуту она встрепенулась, торопливо отдернула занавѣски, потомъ сѣла на стулъ у машины и подперла голову руками.

Угрожая ему остреемъ сабли, она заставила его отступить.

II.
Въ послѣднюю минуту.

Гдѣ-то невдалекѣ прогремѣлъ ружейный выстрѣлъ. Еще одинъ и еще. Луиза вскочила, словно желая броситься къ двери, но остановилась.

На дворѣ послышались тяжелые шаги, приближавшіеся къ дому. Слишкомъ хорошо знакомый голосъ сказалъ:

— Еще одинъ изъ этихъ дурацкихъ шпіоновъ получилъ должное. Ну-съ, спокойной ночи пока. Спокойной ночи. Спи хорошо.

Луиза опять сѣла, отыскала иголку съ ниткой и сдѣлала видъ, что шьетъ. Другой голосъ отвѣтилъ:

— Спокойной ночи, Блунтеръ,—вслѣдъ за тѣмъ послышались удаляющіеся шаги. Дверь отворилась, и въ кухню вошелъ Блунтеръ, одинъ изъ тѣхъ двухъ прусскихъ офицеровъ, которые остановились въ этомъ домѣ. Это былъ довольно красивый молодой человѣкъ, блондинъ, съ ясными глазами. Его изящный мундиръ не носилъ никакихъ слѣдовъ тяжелой службы.

Онъ съ трескомъ захлопнулъ дверь за собой и прямо направился къ огню, не глядя на дѣвушку у машины.

— Собачій холодъ! — пробормоталъ онъ, снимая перчатки и теплый китель, которые онъ бросилъ на столъ. Туда же онъ положилъ и каску. Потомъ снялъ саблю, повѣсилъ ее на спинку стула, сѣлъ, положивъ ноги на другой стулъ, зѣвнулъ, потянулся, опять зѣвнулъ.

— Вина!—вдругъ приказалъ онъ по-французски.

Луиза рѣзкимъ движеніемъ гордо подняла голову, но тутъ же опять склонилась надъ работой.

— Дай вина, говорю я!—опять крикнулъ офицеръ послѣ небольшой паузы. Но когда онъ повернулъ голову, чтобы усилить ихъ дѣйствіе взглядомъ, онъ немного смѣшался.

— Виноватъ, мадмуазель. Я думалъ, это прислуга... Гдѣ она?

Луиза поднялась. Ея слабость прошла. Она исполнитъ свой долгъ.

— Я вамъ подамъ вина,—глухимъ голосомъ отвѣтила она.—Моя служанка умерла.

— Господи, а я и забылъ,—пробормоталъ онъ и вскочилъ.—Не трудитесь, фрейлейнъ, я самъ достану. Я знаю, гдѣ оно хранится.

Она опять сѣла, а онъ подошелъ къ буфету и досталъ оттуда двѣ бутылки и стаканъ. Вернувшись на свое мѣсто у огня, онъ откупорилъ одну бутылку, наполнилъ стаканъ, сѣлъ и любезно замѣтилъ.

— А вы сегодня поздно засидѣлись, фрейлейнъ. У васъ работа, я вижу?

— Да, у меня работа,—отвѣтила она не поднимая глазъ.—Ваша комната приготовлена на ночь.

— Благодарю васъ. Но это такъ рѣдко случается, чтобы вы сидѣли здѣсь, въ кухнѣ, фрейлейнъ.

— Въ моей комнатѣ крыша протекаетъ, и дровъ у насъ мало. Но завтра я постараюсь найти себѣ комнату у когонибудь изъ сосѣдей.

Она смутно чувствовала, что надо поддерживать разговоръ, удерживать вниманіе офицера на себѣ.

— О, нѣтъ, пожалуйста, не надо,—вѣжливо сказалъ онъ.—Мой товарищъ и я завтра покинемъ это село, и я позабочусь, чтобы вашъ домъ впередъ былъ свободенъ отъ постоя. Вѣдь это вашъ родной кровъ.

Онъ бросилъ на нее взглядъ восхищенія и поднялъ стаканъ, какъ будто хотѣлъ выпить за ея здоровье. Но она казалась совершенно поглощенной своимъ шитьемъ, и, вздернувъ плечами, онъ залпомъ опорожнилъ стаканъ. Потомъ наполнилъ его вновь и продолжалъ:

— Прежде чѣмъ мы уйдемъ завтра, я вамъ дамъ расписку за все, что мы съѣли въ вашемъ домѣ. Германія — честная страна и заплатитъ за все.

Теперь она подняла голову и посмотрѣла на него.—Въ самомъ дѣлѣ? Германія заплатитъ за все?

Ея голосъ звучалъ спокойно, но въ немъ появилась металлическая рѣзкость. Однако, офицеръ не обратилъ вниманія на тонъ, которымъ были сказаны эти слова.

— Разумѣется,—легкимъ тономъ отвѣтилъ онъ.—Когда война кончится, Германія будетъ достаточно богата, чтобы...

Все такъ же спокойно, она прервала его:

— Моего старика-отца пьяные солдаты забили до смерти. Мой братъ убитъ снарядомъ, выпущеннымъ въ незащищенное селеніе. Моя мать и маленькій братъ нищенствуютъ въ Голландіи. Моя младшая сестра... одинъ Богъ знаетъ, гдѣ она. Мой женихъ... Я спрашиваю васъ, господинъ офицеръ, какъ Германія заплатитъ за все это?

Онъ сдѣлалъ жестъ нетерпѣнія.—Война, фрейлейнъ, неизбѣжно связана съ горемъ и страданіемъ. Безъ этого ни одна война не обходится.

— Но у насъ здѣсь одно сплошное горе и страданіе.—Она слегка повысила голосъ.—Правда это, что вамъ, германскимъ солдатамъ, приказано, не оставлять намъ ничего, кромѣ глазъ, чтобы плакать?

— Это слова одного изъ нашихъ величайшихъ людей.

— Вашего императора?

— Нѣтъ, но...

— Ничего, кромѣ глазъ, чтобы плакать!.. Это все, что вашъ императоръ и его военные совѣтники оставятъ... германскому народу.

Блунтеръ чуть не подскочилъ, но моментально овладѣлъ собой.

— Побѣда осушитъ всѣ глаза въ Германіи,—надменно сказалъ онъ.

— Вы надѣетесь на побѣду? — Она опять принялась за свое шитье.

— Наша побѣда уже обезпечена. Клянусь вамъ честнымъ словомъ германца.

— Честнымъ словомъ германца? Какую цѣну оно имѣетъ нынѣ?

Уязвленный, онъ воскликнулъ.

— Вы заходите слишкомъ далеко!

— Дочь Бельгіи имѣетъ право задать этотъ вопросъ.

— Будь вы мужчина...

— Тогда одинъ изъ насъ умолкъ бы навѣки... Нѣтъ,—спокойно продолжала она.

— Я уже ничего не боюсь. Я пресытилась страхомъ передъ вами, германцами, и теперь вы не можете больше запугать меня. Вы умѣете только убивать, жечь, грабить...

— Я приказываю вамъ молчать!

Луиза вдѣла нитку въ иголку—или сдѣлала видъ, что вдѣваетъ.

— О, я знаю, вы храбры по-своему. Я не отрицаю, что у васъ есть твердость и храбрость. Но вы обладаете также несчастной способностью, покрывающей всѣ ваши подвиги стыдомъ и позо...

— Еще одно слово!..

— На сушѣ, на морѣ, въ воздухѣ, всѣ ваши подвиги храбрости запятнаны подлостью. Если рыцарство обречено навѣкъ исчезнуть съ земли, то это Германія изгонитъ его изъ міра.

Онъ вскочилъ взбѣшенный, уронивъ бутылку на полъ.

— Сумасшедшая! Долженъ я силой заставить тебя замолчать?

— Въ буфетѣ есть еще вино,—спокойно сказала она, словно не слышала его словъ.

Онъ подошелъ къ ней.

— Вы не боитесь?

Его рука опустилась и грубо схватила ее за плечо. Она вздрогнула.

— То-то,— засмѣялся онъ.

— Да,—съ поразительнымъ спокойствіемъ отвѣтила она.—Вы можете причинить боль, вы можете убить меня... Но...

— Ба!—Онъ повернулся на каблукахъ и возвратился на свое мѣсто у огня. Объ уголъ печки онъ разбилъ горлышко второй бутылки. Наливая себѣ стаканъ, онъ пробормоталъ:—Времени еще много.

Потомъ сказалъ вслухъ:—Вы храбрая, фрейлейнъ. Но это не хорошо быть и храброй и красивой въ одно и то же время.—Онъ поднялъ стаканъ.—Фрейлейнъ, я выпью за болѣе близкое знакомство съ вами.

Она опять склонилась надъ своимъ шитьемъ.

— Слушайте! — крикнулъ онъ. — За наше болѣе близкое знакомство, красавица моя. Вотъ какъ!—Онъ грубо засмѣялся.—Горда и неприступна... горда и холодна, какъ мраморная статуя. Но мы увидимъ! Увидимъ!

Онъ осушилъ стаканъ. Потомъ поднялся, улыбаясь, заперъ дверь на засовъ и задернулъ занавѣски. Глаза дѣвушки слѣдили за нимъ, но она не пошевельнулась. Подкрѣпившись еще однимъ стаканомъ, онъ подошелъ къ машинѣ и остановился передъ дѣвушкой. Онъ все еще улыбался.

— Ну-съ! — сказалъ онъ тихо и насмѣшливо.

Она не обращала на него вниманія.

— Что я сейчасъ дѣлалъ, фрейлейнъ, а?

— Нарушили ваши собственныя правила.

— Что человѣкъ самъ установилъ, онъ можетъ и нарушить. Слушайте, фрейлейнъ. Я вамъ скажу кое - что. Мой товарищъ раньше утра не вернется.

Онъ сегодня на посту. Хотите, я скажу вамъ, гдѣ?

— Онъ закурилъ папироску и продолжалъ.—Онъ на мосту; поджидаетъ прибытія нашихъ новыхъ великолѣпныхъ пушекъ. А для чего предназначены эти великолѣпныя пушки? Чтобы разбить впухъ и прахъ вашихъ друзей, проклятыхъ англичанъ, на побережьѣ. О, я прекрасно знаю, что вы здѣсь, бѣдные невѣжественные люди, еще питаете всякія надежды. Но лучше забудьте ихъ. Всѣ онѣ тщетны. Здѣсь нѣтъ ни одного вашего солдата на разстояніи десяти миль.

Онъ наклонился впередъ и шутливо потрясъ дѣвушку за плечо:

— Такъ вы все еще увѣряете, фрейлейнъ, что не боитесь? Не пускайте мнѣ пыли въ глаза. Меня не проведешь, красавица моя.

— А развѣ еще осталось что-нибудь, чего я могла бы бояться?—устало отвѣтила она.

Онъ придвинулся ближе.

— Только... только меня!

Съ подавленнымъ крикомъ она отшатнулась отъ него.

— Но я не такой страшный,—успокаивающимъ тономъ продолжалъ онъ,—если мнѣ не противятся. Понимаешь? Если мнѣ не противятся!

— Негодяй!—Она вскочила со стула и попятилась отъ него.

Онъ, не спѣша, послѣдовалъ за ней.

— Помогите! О, помогите!

— Пожалѣй свой голосокъ. Кто здѣсь обращаетъ вниманіе на женскій крикъ ночью.

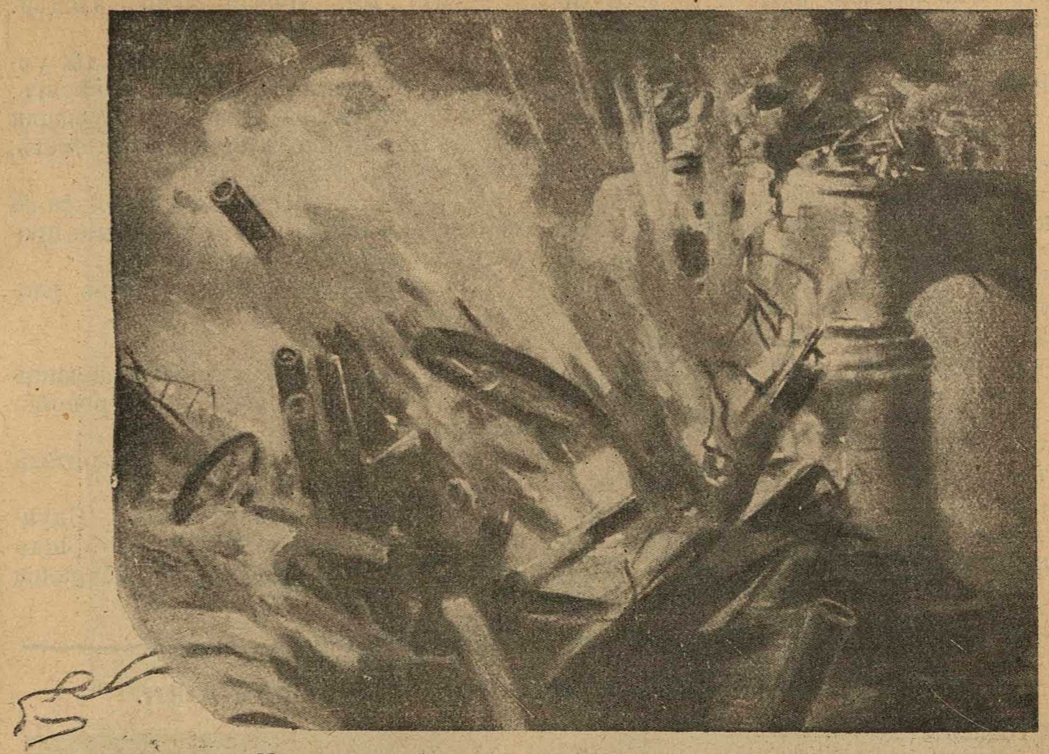
— Жюль! Если ты еще живъ...—закричала она въ своемъ отчаяніи, прижавшись спиной къ шкапу съ посудой.

— Меня зовутъ Карлъ.—Онъ сдѣлалъ шагъ къ ней, чтобы схватить ее.

Увернувшись отъ его руки, она бросилась къ стулу, на которомъ онъ раньше сидѣлъ, быстрѣе молніи выхватила его саблю изъ ноженъ и повернулась, тяжело дыша, къ своему врагу какъ разъ въ то мгновеніе, когда онъ опять приблизился къ ней.

Угрожая ему остреемъ сабли, она принудила его отступить къ двери. Прохо-

Онъ отпрянулъ, ослѣпленный на мгновеніе и въ это мгновеніе дѣло было сдѣлано.

Мосты, великолѣпныя германскія пушки,—все погибло.

дя мимо окна, она схватила лѣвой рукой занавѣски и отдернула ихъ. Глаза германца тщетно искали что-нибудь, чѣмъ выбить у нея оружіе изъ рукъ. Продолжая угрожать ему, она заставила его отступить еще дальше, а сама быстрымъ движеніемъ отодвинула засовъ и настежь распахнула дверь.

— Помогите! Жюль!

Вдругъ глаза нѣмца упали на скатерть, которой былъ завѣшенъ столикъ подъ машиной. Однимъ прыжкомъ онъ очутился возлѣ столика, сорвалъ скатерть, обмоталъ имъ руку, потомъ бросился къ дѣвушкѣ и вырвалъ у нея оружіе.

Тяжело дыша, онъ опять заперъ дверь и приблизился къ дѣвушкѣ. Его голосъ звучалъ хрипло.

— Что теперь, красавица моя?

Вся поблѣднѣвъ, она прислонилась къ буфету, едва удерживаясь на ногахъ. Ея глаза видѣли только одно: раскрытую батарею подъ машиной.

Нѣмецъ, между тѣмъ, швырнулъ скатерть на полъ, вернулся, улыбаясь, къ своему стулу, отпилъ глотокъ вина и вложилъ саблю въ ножны. Продолжая улыбаться, онъ опять направился къ дѣвушкѣ.

Бумъ!

Въ тишинѣ ночи мягко и торжественно прозвучалъ одинокій ударъ колокола.

Улыбка сбѣжала съ лица германца. Онъ выпрямился, весь превратившись въ слухъ.

— Что это значитъ?—невольно вырвалось у него, и онъ побѣжалъ къ двери.

Въ тотъ же мигъ Луиза бросилась къ машинѣ. Но она слишкомъ поторопилась. Еще секунда, и онъ былъ бы за порогомъ. Но теперь что-то въ ея движеніи заставило его повернуться, и онъ увидѣлъ и понялъ—хоть часть, если не все.

— Великій Боже! Мина!—вскричалъ онъ и схватилъ ея руку въ тотъ моментъ, когда ея пальцы готовы были сжать ручку колеса.

Но она вырвала руку и со всей силой, которую придаетъ отчаяніе, ткнула его въ лицо обоими кулаками. Онъ отпрянулъ, ослѣпленный на мгновеніе, и въ это мгновеніе дѣло было сдѣлано...

Пошатываясь, Луиза отошла отъ машины и прислонилась къ двери. Въ тотъ же мигъ яркое пламя освѣтило окно и внутренность дома. Блунтеръ стоялъ, какъ въ столбнякѣ. Черезъ двѣ секунды страшное сотрясеніе заставило домъ задрожать до основанія. Зазвенѣли стекла, посыпалась штукатурка, посуда полетѣла на полъ.

Блунтеръ подскочилъ къ дѣвушкѣ.

— Что это было? Отвѣчай, или я убью тебя!

Она истерически засмѣялась.—Мосты... ваши великолѣпныя пушки... погибли... вы тоже! Да здравствуетъ Бельгія! Да здравствуетъ Англія!

Внѣ себя онъ ударилъ ее по губамъ.

— Что же, убивай меня, злодѣй. Мнѣ все равно!—крикнула она.

Онъ грубо схватилъ ее.—Да, ты умрешь... тебя разстрѣляютъ... повѣсятъ.

Въ темнотѣ за окномъ затрещали выстрѣлы, дробно застучалъ пулеметъ, дико завылъ рожокъ.

— Боже! Атака!—Онъ остановился въ нерѣшительности, но его колебаніе продолжалось лишь одно мгновеніе.

Топотъ ногъ за окномъ. Дверь распахнули.

— Руки вверхъ!

Жюль, съ окровавленной повязкой на лбу, стоялъ на порогѣ, держа револьверъ на прицѣлѣ.

Луиза кинулась къ нему и спрятала лицо на его груди.

Машинальнымъ движеніемъ Блунтеръ неловко поднялъ обѣ руки. У него былъ такой видъ, словно онъ собирался заплакать.

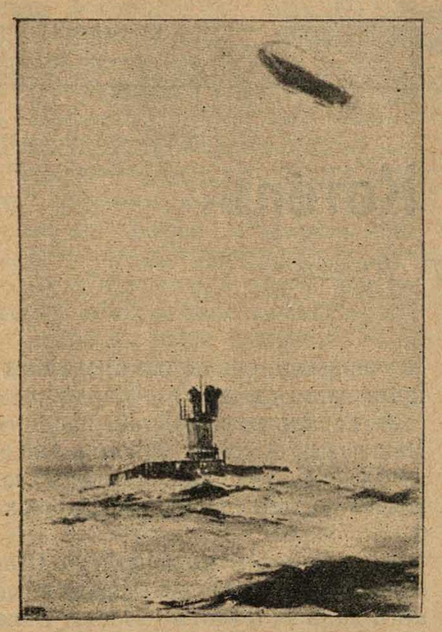

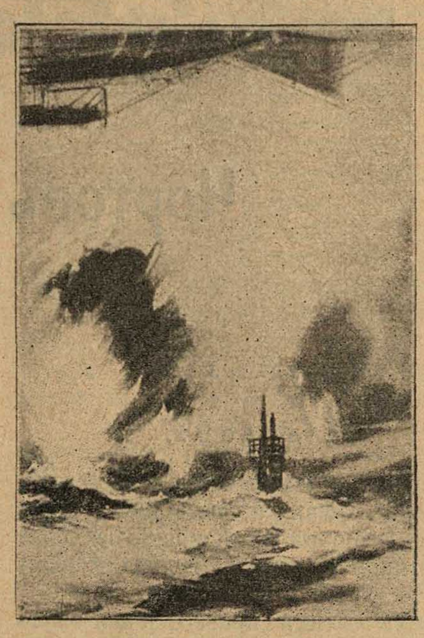
БРОНИРОВАННЫЕ АВТОМОБИЛИ НА ГАЛЛИПОЛИ.

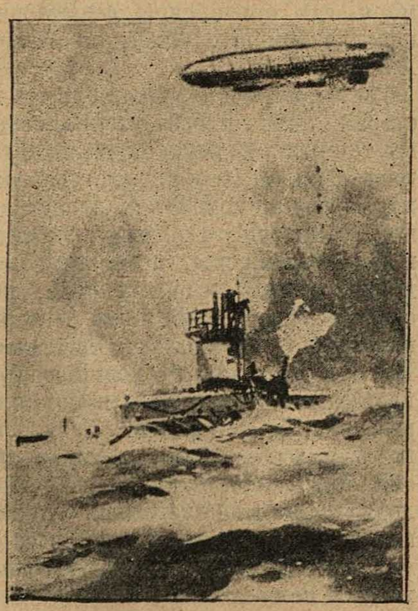

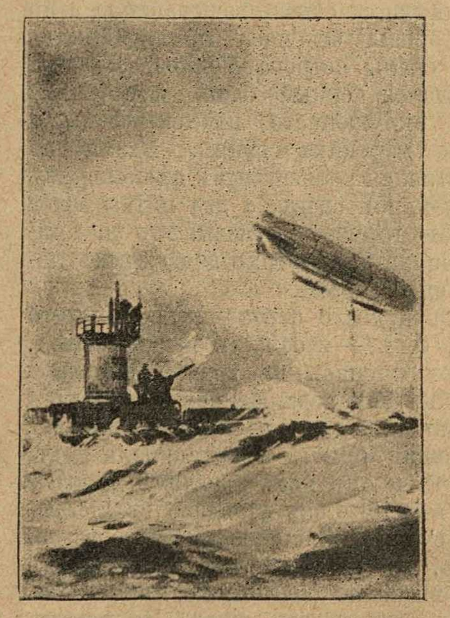
Нашъ рисунокъ изображаетъ эпизодъ боя 4 іюня близъ Ачи Бабы. Нѣсколько бронированныхъ автомобилей было приготовлено для атаки турецкихъ позицій. Когда они подошли къ траншеямъ, черезъ эти послѣднія быстро перекидывались деревянные мостики и они съ грознымъ шумомъ летѣли на непріятельскія траншеи. Тамъ они останавливались и открывали огонь изъ пушекъ максима, помѣщенныхъ спереди. Эти автомобили оказываютъ союзнымъ войскамъ важныя услуги и приближаютъ давно ожидаемый часъ полной побѣды.

ЦЕПЕЛИНЪ ПРОТИВЪ ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ.

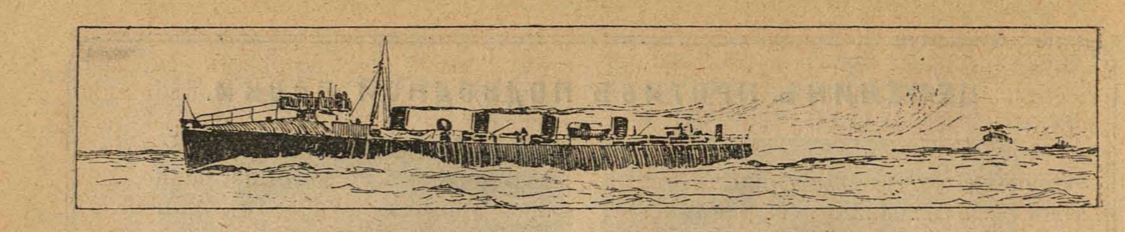

Этотъ поединокъ цепелина съ подводной лодкой представляетъ собою одинъ изъ самыхъ интересныхъ эпизодовъ современной войны. На верхнемъ рисункѣ налѣво изображенъ моментъ, когда враги замѣтили другъ друга. На верхнемъ правомъ цепелинъ, спустившись надъ моремъ, сбросилъ бомбу, поднявшую цѣлый столбъ воды. Подводная лодка погружается, чтобы избѣжать удара. На нижнемъ лѣвомъ рисункѣ лодка, снова появляется на поверхности и стрѣляетъ изъ пушки по цепелину. На послѣднемъ рисункѣ цепелинъ обращается въ бѣгство, сбросивъ грузъ, и спасается благодаря своей скорости, превосходящей скорость подводной лодки.

Чортовъ Котелъ.

Разсказъ *Т. Кросса*.

На дозорѣ.

Подводная лодка «У 3», подъ командой лейтенанта Каванага, разсѣкала сѣрыя волны, омывающія Шотландскіе острова. Ея нефтяной двигатель гудѣлъ и пыхтѣлъ.

Въ трехъ миляхъ справа отъ нея смутно виднѣлись, сквозь вздымавшуюся по обѣ стороны ея носа завѣсу брызгъ голыя скалы острова Мэнленда. Слѣва возвышался черный бастіонъ островка Фуль, окруженнаго каймой пѣны и стаями морскихъ птицъ. Вдали по небу стлался черный дымъ нѣсколькихъ контръ-миноносцевъ, а два пятна пѣны на краю горизонта указывали на присутствіе двухъ другихъ подводныхъ лодокъ, ея товарокъ.

— Съ праваго борта, впереди, что-то видно, сэръ, — сообщилъ штурвальный.

Облокотившись на перила броневой башенки, Рональдъ Меккензи, младшій лейтенантъ, поднесъ къ глазамъ бинокль. Взлетавшія брызги затуманивали видъ, но все-таки онъ могъ разглядѣть, что у входа въ одинъ изъ фіордовъ стоитъ какое-то судно. Въ первую минуту онъ подумалъ, что это какое-нибудь рыбацкое судно, вылавливавшее мины, ищетъ тамъ на ночь защиты отъ волнъ. Но потомъ онъ замѣтилъ, что хотя носъ судна смотрѣлъ въ сторону моря, оно въ дѣйствительности торопливо входило задомъ въ фіордъ, какъ будто его испугалъ дымъ контръ-миноносцевъ на горизонтѣ. Черезъ нѣсколько минутъ судно исчезло за чернымъ скалистымъ мысомъ, прикрывавшимъ входъ въ фіордъ.

— Гаральдовъ фіордъ!—пробормоталъ Меккензи, опуская бинокль.—Хорошее гнѣздышко для всякой птицы, которая хочетъ укрыться отъ нескромныхъ взоровъ.

Родившійся и выросшій на Шотландскихъ островахъ, онъ зналъ какъ свои пять пальцевъ этотъ уголокъ Сѣвернаго моря, гдѣ британской флотъ несъ теперь дозорную службу, охраняя берега Англіи.

Въ продолженіе цѣлыхъ двухъ недѣль старая лодка «У 3» стояла безъ дѣла въ темныхъ водахъ окаймленнаго снѣгомъ фіорда Кромарти, и ея экипажъ могъ только смотрѣть съ завистью, какъ приходили и уходили безчисленные контръ-миноносцы, подводныя лодки и другія мелкія военныя суда, которыя сдѣлали своей базой этотъ негостепріимный и холодный уголокъ Сѣвернаго моря. Мѣсяцъ тому назадъ, всякій разъ, когда подводная лодка «У 3» наполняла свои резервуары, ея экипажъ думалъ съ легкимъ налетомъ сантиментальности, что она это дѣлаетъ въ послѣдній разъ. Вѣдь лодка «У 3» была настоящая «старая калоша», или «жестянка изъ-подъ сардинъ», маленькая, устарѣвшая, съ черепашьимъ ходомъ, полу-изношеннымъ двигателемъ, съ клапанами, страдающими ревматизмомъ, и тѣсными внутренними помѣщеніями, въ которыхъ люди могли работать, только согнувшись въ три погибели.

Когда разразилась война, всѣ, знавшіе ее въ Кромарти и Дэнди, думали, что скоро скажутъ ей прости навѣкъ.

Однако, дни шли, а приказъ выйти въ море и принять участіе въ активной службѣ—приказъ, который былъ бы ея смертнымъ зовомъ — все еще не приходилъ.

Во время этихъ томительныхъ двухъ недѣль вынужденнаго бездѣйствія въ фіордѣ Кромарти много говорили о новомъ подводномъ истребителѣ, съ помощью котораго германцы сдѣлали рядъ смѣлыхъ набѣговъ на дозорные суда восточнаго побережья. Однажды пришло извѣстіе, что двѣ британскія подводныя лодки потоплены, и одинъ контръ-миноносецъ поврежденъ этимъ истребителемъ, который, какъ говорили, былъ послѣднимъ словомъ морскаго строительнаго искусства и соединялъ въ себѣ свойства подводной лодки съ быстроходностью и вооруженіемъ контръ-миноносца. А еще черезъ день старая миноносная канонерка «Гекла» медленно вошла въ фіордъ съ огромной зіяющей дырой въ кормѣ и изрѣшетенными трубами, и сообщила, что едва-едва ушла отъ страшнаго врага, который пустилъ ко дну ея сестру «Кору».

Но вотъ, въ одно холодное утро, пришелъ приказъ, чтобы лодка «У 3» вышла изъ фіорда и направилась къ сѣверо-востоку, чтобы присоединиться къ флотиліи контръ-миноносцевъ, охотившихся за разбрасывателями минъ, которые, по полученнымъ свѣдѣніямъ, оперировали у Шотландскаго архипелага. Вотъ почему сѣрый вечеръ этого короткаго зимняго дня засталъ ее не въ фіордѣ, а въ открытомъ морѣ, обслѣдующей берега этихъ унылыхъ и малонаселенныхъ острововъ.

Меккензи бросилъ кругомъ себя быстрый зоркій взглядъ. Хотя лодка «У 3» офиціально была прикомандирована къ эскадрѣ контръ-миноносцевъ, само собою разумѣлось, что въ случаѣ необходимости она должна была дѣйствовать самостоятельно. Потомъ онъ спустился по лѣстницѣ въ тѣсныя нѣдра лодки, гдѣ стоялъ грохотъ отъ двигателя, и разбудилъ командира.

Тотъ мигомъ вскочилъ на ноги и черезъ двѣ секунды уже стоялъ наверху.

— Да, это надо разслѣдовать,—сказалъ онъ.

Носъ лодки повернулся къ скалистому мысу, за которымъ скрылось загадочное судно, и дымъ контръ-миноносцевъ на горизонтѣ мало-по-малу исчезъ. Начало смеркаться, и остальныхъ лодокъ уже не было видно. Меккензи держалъ курсъ къ длинной бѣлой полосѣ, обозначавшей то мѣсто, гдѣ волны, пѣнясь, обрушивались на скалистый берегъ, и прислушивался, не слышно ли шума Чортова Котла—опаснаго водоворота, который съ страшной силой клокоталъ и бушевалъ въ широкой скалистой бухтѣ, миляхъ въ шести къ югу отъ Гаральдова фіорда. И дѣйствительно, этотъ шумъ достигъ его слуха—глухой, бурлящій рокотъ, который невольно заставилъ его содрогнуться.

— Слышите, Чортовъ Котелъ кипитъ,—сказалъ онъ Каванагу.—Если бы мы попали туда, нашу старую калошу закрутило бы, какъ скорлупку. Лѣтъ пять тому назадъ тамъ чуть не погибла яхта губернатора «Алиса», знаете ее?

Черный скалистый мысъ хмуро выдѣлялся на фонѣ неба на разстояніи двухъ или двухъ съ половиной миль.

— Погрузимся,—сказалъ лейтенантъ Каванагъ.

Меккензи сбѣжалъ по лѣстницѣ и отдалъ краткое приказаніе рослымъ, одѣтымъ въ фуфайки матросамъ, которые сидѣли въ спокойномъ ожиданіи и смотрѣли на грохочущую машину, блестящія части которой окружали ихъ. Трое изъ нихъ бросились къ водянымъ цистернамъ. Одинъ всталъ у руля погруженія. Еще одинъ — у электромоторовъ. Боцманъ занялъ свое мѣсто у внутренняго штурвала.

Машина остановилась внезапно, а затѣмъ опять заработала, и холодный вѣтеръ пошелъ отъ ея движенія по тѣснымъ нѣдрамъ лодки. Каванагъ тоже покинулъ башенку и спустился внизъ, закрывъ за собой подъемную дверь. Онъ сказалъ два слова матросамъ у цистернъ. Пѣвучій звонъ наполнилъ помѣщеніе, когда электромоторы захватили валъ винта. Человѣкъ у руля погруженія медленно сталъ поворачивать его. Стрѣлка прибора, показывающаго глубину погруженія, поползла вверхъ.

На зеркалѣ перископа, надъ которымъ склонился Каванагъ, появилась картина скачущихъ пѣнящихся водъ, за которыми въ отдаленіи чернѣли скалы, отмѣчавшія входъ въ Гаральдовъ фіордъ.

Подводная лодка «У 3» окончательно погрузилась.

Черныя скалы медленно ползли по зеркалу перископа, и зѣвъ фіорда постепенно открывался. Въ погруженномъ состояніи лодка «У 3» могла развить въ лучшемъ случаѣ скорость до семи узловъ въ часъ, а въ этотъ день море было бурное. То и дѣло какой-нибудь зеленый гребнистый валъ перекатывался по зеркалу, скрывая на мгновеніе весь видъ.

— А!—тихо вырвалось у командира.

Когда онъ повернулъ рукоятку перископа, на зеркалѣ появилось миніатюрное отраженіе большого, солиднаго тралера, который неподвижно стоялъ среди спокойной глади фіорда. А рядомъ съ нимъ сѣрое судно, съ палубой въ видѣ спины кита и торчащими жерлами полудюжины 4-дюймовыхъ пушекъ... Это былъ, несомнѣнно, пресловутый нѣмецкій подводный истребитель.

Мекkензи, который тоже смотрѣлъ на зеркало, почувствовалъ, какъ сердце у него застучало. Стиснувъ зубы, онъ не сводилъ взгляда съ этихъ двухъ судовъ, которыя съ каждой секундой становились больше и были видны яснѣе сквозь пелену брызгъ и пѣны, ежеминутно затуманивавшихъ видъ. Не представляло сомнѣнія, что истребитель принималъ съ тралера нефть и запасы. И если тамъ только наблюдали не очень зорко, то ветхая лодка «У 3» могла надѣяться пустить ко дну эту новѣйшую боевую единицу германскаго флота.

Каванагъ поднялъ голову съ какимъ-то особеннымъ огонькомъ въ своихъ сѣрыхъ глазахъ.

— Минные аппараты приготовьте, м-ръ Меккензи, — спокойно сказалъ онъ и опять сталъ смотрѣть въ перископъ, изрѣдка отдавая односложныя приказаніе штурвальному.

Какъ кошка наблюдаетъ за мышью, такъ смотрѣлъ онъ на отраженіе въ зеркалѣ обоихъ вражескихъ судовъ, укрывшихся въ фіордѣ. Лодка «У 3» находилась уже меньше чѣмъ въ милѣ отъ нихъ, а тамъ ее еще не замѣтили. Темная линія въ центрѣ зеркала уже прошла черезъ середину обоихъ судовъ, которыя стояли рядомъ среди спокойныхъ водъ фіорда.

— Готово, м-ръ Меккензи?—спросилъ Каванагъ.

Меккензи, склонившійся съ двумя матросами надъ минометами на носу лодки, быстро обернулся.

— Есть, сэръ,—сказалъ онъ.

Каванагъ сдѣлалъ знакъ головой. Въ тотъ же мигъ рѣзкій звукъ выстрѣла и свистъ торпеды, когда она покинула аппаратъ, прорѣзали глухую стукотню электромоторовъ. Боцманъ повернулъ штурвалъ на нѣсколько дюймовъ. Каванагъ вторично сдѣлалъ знакъ головой, и вторая торпеда покинула миноме тъ.

Каванагъ не сводилъ съ зеркала горящихъ глазъ. Меккензи быстро пробрался мимо стучащихъ моторовъ и присоединился къ нему. Лица обоихъ были напряжены до крайности. Лодка «У 3» повернулась теперь носомъ къ выходу изъ фіорда, но лейтенантъ направилъ перископъ такъ, чтобы видѣть врага, и слѣдилъ за двумя линіями пузырьковъ, которыя быстро бѣжали къ истребителю.

— Вода здѣсь въ фіордѣ слишкомъ спокойная, — проговорилъ Меккензи, смачивая языкомъ пересохшія губы.— И если ихъ вахтенные не дремлютъ...

Прежде чѣмъ онъ успѣлъ договорить, на башенкѣ вражескаго истребителя вдругъ показался человѣкъ. Двое другихъ перегнулись черезъ бортъ палубы, показывая рукой на пузырьки на водѣ. Дрожь пробѣжала по корпусу истребителя, онъ медленно тронулся съ мѣста.

Рональдъ Меккензи стиснулъ зубы, впившись взглядомъ въ зеркало. Первая торпеда находилась отъ истребителя на разстояніи всего нѣсколькихъ сотъ ярдовъ, когда его винтъ началъ вспѣнивать воду. Каванагъ съ усиліемъ перевелъ духъ. Винтъ вертѣлся все быстрѣе и быстрѣе.

— Можетъ-быть, все-таки задѣнетъ хоть винтъ,—пробормоталъ онъ,—или...

Облако дыма и огня внезапно затуманило зеркало, и находившіеся въ лодкѣ

Истребитель быстро настигалъ подводную лодку.

услышали грохотъ взрыва, который для нихъ былъ не громче треска захлопнувшейся двери.

Зеркало прояснилось понемногу. Тралеръ разлетѣлся на кусочки.

Лейтенантъ и Меккензи увидѣли еще, какъ его труба перекувыркнулась и исчезла подъ водой. Истребитель же кружился по фіорду, какъ вспугнутый звѣрь—цѣлый и невредимый.

— Не попали!—съ горечью вскричалъ Меккензи.

— На волосокъ!—процѣдилъ Кавanагъ сквозь стиснутые зубы.—Они, видно, не дремали, и были готовы сорваться съ мѣста въ любую минуту. Они сдѣлали поворотъ кормой къ намъ. Вотъ почему вторая торпеда не попала. А теперь...

Онъ хмуро усмѣхнулся, отходя отъ перископа.

— Теперь мы черезъ нѣсколько минутъ узнаемъ, эта ли махина вручитъ нашей старой жестянкѣ изъ-подъ сардинъ проходное свидѣтельство на тотъ свѣтъ.

Онъ отдалъ людямъ у цистернъ краткое приказаніе. Сжатый воздухъ со свистомъ началъ выталкивать воду изъ резервуаровъ. Трескучій шумъ нефтяного двигателя вновь смѣнилъ глухую стукотню электрическихъ моторовъ, когда лодка «У 3» поднялась опять на поверхность и на всѣхъ парахъ стала уходить изъ фіорда, развивъ свою наибольшую скорость — тринадцать съ половиной узловъ въ часъ.

Когда Каванагъ открылъ подъемную дверь и выбѣжалъ на мокрую башенку, снарядъ со свистомъ пролетѣлъ надъ его головой и ударилъ въ черную скалу, ярдахъ въ ста отъ лодки. Врагъ находился отъ нихъ на разстояніи двухъ миль въ глубинѣ фіорда, когда ихъ старая «жестянка изъ-подъ сардинъ» вышла изъ-за прикрытія чернаго мыса опять въ открытое волнующееся море. Они успѣли выиграть цѣлую милю съ того мгновенія, какъ выпустили торпеды, до мгновенія, когда тралеръ взлетѣлъ на воздухъ. Но молва приписывала этому новому германскому истребителю скорость въ сорокъ узловъ, и въ данномъ случаѣ молва, повидимому, нисколько не преувеличила. А лодка «У 3», сколько бы ни пыхтѣла, при неспокойномъ морѣ не могла дѣлать больше двѣнадцати узловъ.

Когда они огибали Черный мысъ, Меккензи присоединился къ Каванагу. Фло-

тилія контръ-миноносцевъ и лодка исчезла. До самаго горизонта сѣрое море было пустынно. Помощи ждать было неоткуда.

— Минутъ черезъ пятнадцать-двадцать они насъ настигнутъ,—медленно проговорилъ онъ.

Каванагъ кивнулъ головой.

— Да, если только они насъ не пустятъ ко дну еще раньше. У нихъ пушекъ много.

II

Отчаянный планъ.

Въ это мгновеніе до слуха Рональда Меккензи опять донесся рокотъ Чортова Котла, и онъ вздрогнулъ. Ему пришла въ голову безумная мысль.

Онъ вспомнилъ, какъ въ дни его юности въ домѣ его отца гостилъ знаменитый ученый, пріѣхавшій на Шотландскіе острова спеціально для того, чтобы изслѣдовать загадку Чортова Котла. Этотъ ученый говорилъ, что въ полумилѣ разстоянія отъ бухты, гдѣ бурлилъ водоворотъ, на глубинѣ четырехъ саженей отъ поверхности, начинались три страшно сильныхъ теченія, которыя устремлялись въ Котелъ. Поэтому, объяснилъ онъ, когда тамъ затонулъ одинъ пароходикъ, его обломки часъ спустя крутились въ Котлѣ.

Если лодка «У 3» погрузится на этомъ мѣстѣ, то германскій истребитель, безъ сомнѣнія, послѣдуетъ за ней подъ воду—на гибель!

Меккензи повернулся къ лейтенанту и быстро сталъ излагать ему свой планъ. Въ то время какъ онъ говорилъ, одинъ снарядъ разорвался почти прямо надъ ними, и его осколки застучали по бронѣ башенки. Истребитель упорно преслѣдовалъ ихъ, находясь уже на разстояніи одной мили и осыпая ихъ дождемъ снарядовъ. Если бы море не было такъ неспокойно, и если бы не пелена пѣны и брызгъ, которыя взлетали вокругъ обоихъ судовъ, то лодка «У 3» давнымъ-давно была бы пущена ко дну.

Когда Меккензи кончилъ, Каванагъ внимательно посмотрѣлъ на него въ упоръ своими сѣрыми холодными глазами

— А что будетъ съ нашей старой «У 3»?—спросилъ онъ, какъ человѣкъ, который заранѣе знаетъ, что ему отвѣтятъ.

Легкая гримаса искривила губы Меккензи.

— Чортовъ Котелъ дастъ ей увольнительный билетъ, — сказалъ онъ. — Слышите, какъ онъ зоветъ.

Ихъ руки встрѣтились на мгновеніе въ спокойномъ, крѣпкомъ пожатіи. Потомъ Меккензи облокотился на перила и внимательно оглядѣлъ пустынный берегъ, а Каванагъ, стоя рядомъ, закурилъ папиросу. Лодка «У 3» повернула къ берегу, къ темной бухточкѣ, гдѣ бурлилъ водоворотъ. Врагъ послѣдовалъ за ней, продолжая извергать изъ своихъ пушекъ дождь снарядовъ.

Одинъ снарядъ опять разорвался почти прямо надъ ихъ головой. Боцманъ у штурвала безъ крика, безъ звука выпустилъ колесо изъ рукъ, зашатался и упалъ черезъ перила въ море. Штурвалъ завертѣлся было, но Меккензи подскочилъ и сильной рукой остановилъ его. Рокотъ Чортова Котла доносился все явственнѣе сквозь шумъ волнъ и прибоя.

— Пора бы погрузиться, — сказалъ Меккензи, посмотрѣвъ на береговыя скалы, теперь уже близкія и высокія.

Каванагъ смѣнилъ его у штурвала, и Меккензи поспѣшилъ внизъ. Снаряды падали теперь уже болѣе мѣтко, хотя большой сѣрый корпусъ истребителя сильно качался съ боку на бокъ, и время отъ времени большая бѣлая волна перекатывалась черезъ щитъ ея орудійной платформы, обливая и пушки и канонировъ.

Лодка «У 3» начала медленно погружаться. Каванагъ покинулъ башенку, закрывъ за собой люкъ. Меккензи стоялъ внизу у внутренняго рулевого механизма. Каванагъ молча направился къ зеркалу перископа.

— Люди знаютъ, сэръ,—сказалъ Меккензи.

Каванагъ молча кивнулъ головой. Говорить ничего не требовалось. Экипажъ лодки пошелъ бы за своими начальниками даже на худшее, чѣмъ на смерть.

Зеркало показало, что истребитель несется на всѣхъ парахъ за ними, словно ищейка, и что разстояніе между ними уже уменьшилось до полумили. Тамъ

Пока Меккензи излагалъ свой планъ, одинъ снарядъ разорвался прямо надъ мостикомъ лодки.

прекратили огонь. Очевидно врагъ хотѣлъ сшибить перископъ лодки и тутъ же пустить ее ко дну. Меккензи тоже наклонился къ зеркалу. До берега оставалось меньше мили. Лодка «У 3» находилась почти прямо противъ бухты, гдѣ кипѣлъ Чортовъ Котелъ.

Теперь зеркало уже стало только зеленымъ зыблющимся кругомъ, цвѣтъ котораго съ каждой секундой становился темнѣе. Стрѣлка аппарата, показывающаго глубину погруженія, медленно ползла вверхъ. Субмарина приняла небольшой наклонъ носомъ внизъ, продолжая погружаться.

Внезапно темно-оливковый цвѣтъ зеркала сталъ свѣтло-зеленымъ, и на мгновеніе въ центрѣ появилось пятно яркаго свѣта. Это былъ подводный прожекторъ истребителя. Врагъ далъ себя завлечь въ ловушку и слѣдовалъ за лодкой «У 3» къ неизбѣжной гибели, которая ожидала ихъ обоихъ.

— Попались, голубчики,—пробормоталъ Меккензи. Вдругъ что-то подхватило подводную лодку и встряхнуло ее такъ, что люди внутри нея полетѣли въ разныя стороны. Огонекъ непріятельскаго прожектора свѣтящейся полосой скользнулъ по кругу зеркала, и опять этотъ кругъ сталъ темнымъ.

Стоя на четвереулькахъ и цѣпляясь за стойку руля, Меккензи съ сосредоточеннымъ лицомъ машинально слѣдилъ за тѣмъ, какъ стрѣлка указателя глубины взлетѣла до самаго верха своего циферблата и остановилась тамъ. Субмарина «У 3» дрожала, прыгала, подскакивала и ныряла, какъ раненый гарпуномъ китъ. Люди держались, за что могли уцѣпиться. Меккензи смутно думалъ о томъ, много ли секундъ пройдетъ, прежде чѣмъ старая «жестянка изъ-подъ сардинъ» треснетъ, какъ гороховый стручокъ?

Перископъ надъ его головой рухнулъ съ металлическимъ звономъ, и черная мгла пала на зеркало. Рокотъ бурлящей воды покрылъ гудѣніе электромоторовъ. Лодка сильно накренилась, и одно мгновеніе качалась на боку. Электромоторы съ трескомъ сорвались со своихъ мѣстъ, лампочки погасли,—и все погрузилось во мракъ. Макkензи зналъ, что Чортовъ Котелъ захватилъ ихъ суденышко и игралъ имъ, какъ скорлупкой.

— Нашей лодкой—и истребителемъ!—шепнулъ онъ себѣ.

Внезапный рѣзкій толчокъ съ силой швырнулъ его головой о стальную стойку, за которую онъ держался. Ударъ наполовину оглушилъ его. То стойка находилась надъ нимъ, то онъ лежалъ на ней, отчаянно цѣпляясь за нее. Что-то теплое струйкой текло по его лицу со лба, и онъ зналъ, что это кровь.

И вдругъ стальная стойка опять подскочила, словно живое существо, и ударила Рональда Меккензи по головѣ съ такой силой, что онъ лишился чувствъ.

III.

Чудесное спасеніе.

Терпкій запахъ водорослей защекоталъ его ноздри, когда онъ опять вернулся къ жизни, и свѣтъ дня на мгновеніе ослѣпилъ его глаза. Каванагъ стоялъ склонившись надъ нимъ, съ большой раной на щекѣ и мертвенно блѣднымъ лицомъ.

Меккензи медленно приподнялся и сѣлъ. У него кружилась голова. Кругомъ были темныя мокрыя скалы. Лодка «У 3» лежала тутъ же неподалеку, ободранная и истерзанная, носомъ на сушѣ, но кормой въ водѣ. Въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ нея огромная стѣна изъ краснаго песчаника закрывала половину неба. Изъ какого-то отверстія въ ней неслась вода и, крутясь небольшими водоворотами, съ головокружительной быстротой устремлялась къ сѣрому морю, которое съ ревомъ разбивалось о берегъ въ двадцати ярдахъ дальше. А изъ-за стѣны доносился заглушенный рокотъ Чортова Котла.

Меккензи растерянно улыбнулся.

— Чувствуешь?—тихо спросилъ Каванагъ.—Если кто скажетъ мнѣ теперь, что на свѣтѣ не бываетъ чудесъ, я его назову лжецомъ.

— Да,—проговорилъ Меккензи,—я вспоминаю теперь, что еще говорилъ этотъ старичокъ, ученый. Онъ говорилъ, что одно изъ теченій идетъ ниже другихъ въ котелъ и, покрутивъ тамъ немного вы-

ходитъ наружу черезъ большой туннель въ скалѣ. И въ это самое теченіе мы, видно, и попали.

Что-то въ родѣ благоговѣйнаго ужаса появилось въ глазахъ обоихъ, когда они посмотрѣли на изуродованную лодку «У 3» съ разбитой вдребезги башенкой и развороченными боками. Матросы сидѣли кругомъ нея, иные тихо разговаривая, но большинство молча, подперевъ голову руками.

— Всѣхъ насъ встряхнуло,—сказалъ Каванагъ.

— А истребитель....

— Смотрите,—перебилъ его Меккензи, указывая на воду.

Тамъ выскочила изъ невидимаго туннеля на поверхность деревянная круглая коробка, разбитая и изуродованная, и стрѣлой пронеслась мимо нихъ къ морю.

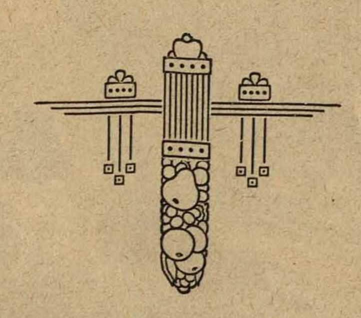
— Крышка компаса,—сказалъ Каванагъ.—Если котелъ не разбилъ истребителя въ щепы, онъ застрялъ въ туннелѣ. Вонъ матросская фуражка плыветъ...

Меккензи поднялся на ноги.

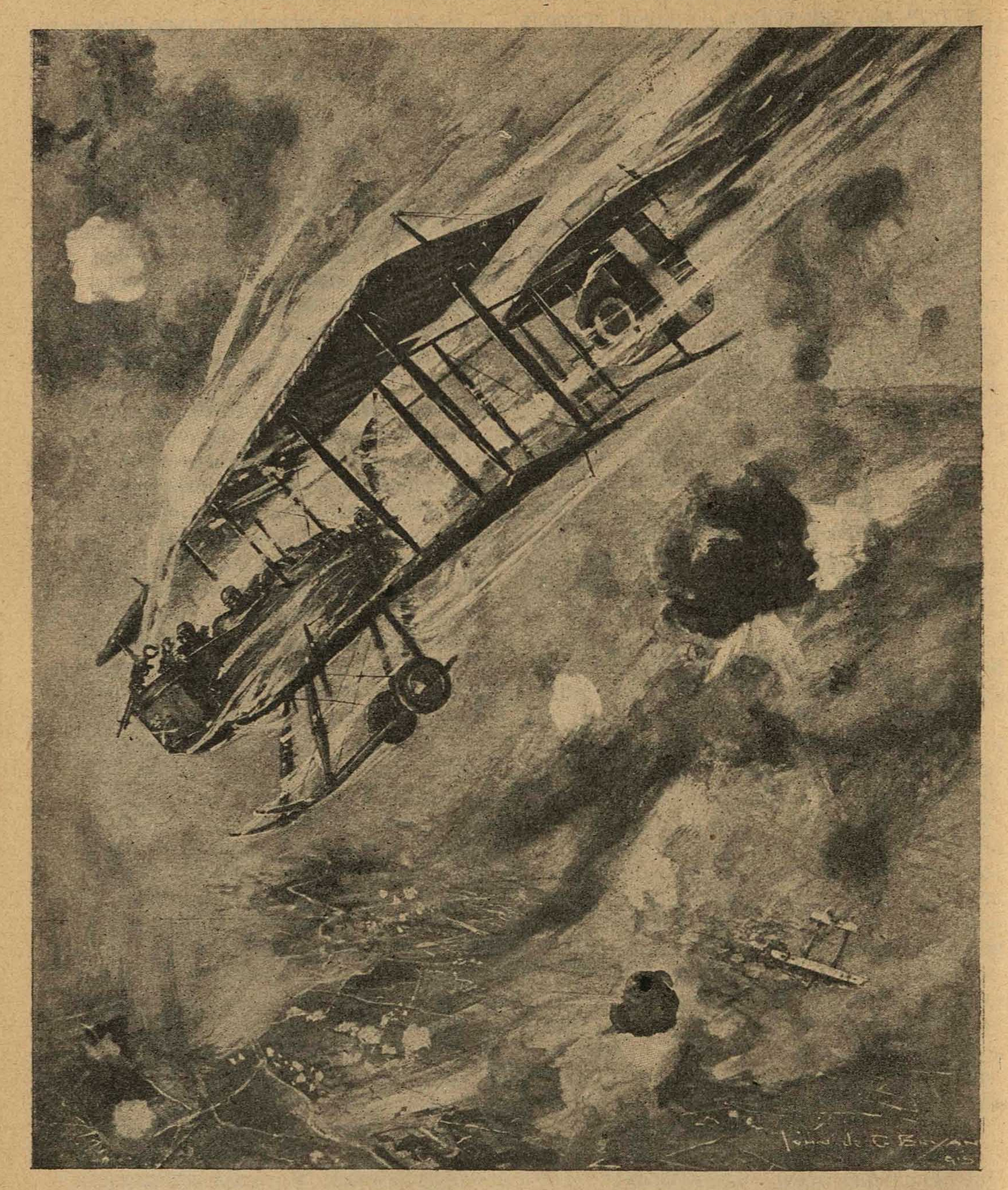
— Пора подумать, какъ намъ добраться до людей,—сказалъ онъ.—Я чувствую порядочный голодъ.

Но это онъ сказалъ только для того, чтобы прогнать странный, нелѣпый клубокъ, который подкатилъ ему къ горлу при видѣ обезображеннаго трупа лодки «У 3», получившей отъ Чортова Котла окончательный увольнительный билетъ.

Только черезъ нѣсколько часовъ они добрались до жилыхъ мѣстъ. А черезъ нѣсколько дней свирѣпое теченіе изъ вѣчно бурлящаго Чортова Котла вышвырнуло черезъ туннель изуродованный остовъ германскаго подводнаго истребителя, и уложило его рядомъ съ останками лодки «У 3». Когда его раскрыли, оказалось, что конструкторъ и изобрѣтатель этой новѣйшей подводной лодки былъ ея командиромъ, и что человѣкъ, усовершенствовавшій ея нефтяной двигатель, такъ что онъ могъ развивать такую поразительную скорость, былъ ея главнымъ машинистомъ. Оба они погибли, вмѣстѣ съ остальнымъ экипажемъ, и ни командиръ Каванагъ, ни лейтенантъ Меккензи не встрѣчали съ тѣхъ поръ ни одного судна, сколько-нибудь похожаго на подводнаго истребителя, погибшаго въ Чортовомъ Котлѣ.

ГИБЕЛЬ ГЕРМАНСКАГО БИПЛАНА.

Въ іюлѣ минувшаго лѣта на западномъ фронтѣ произошла воздушная битва, какія теперь уже не рѣдкость. Сраженіе произошло между британскимъ аэропланомъ и германскимъ бипланомъ надъ германской территоріей. Въ результатѣ боя германскій бипланъ-гигантъ, съ остановившимся двигателемъ, упалъ до высоты въ 2000 футовъ, гдѣ онъ выровнялъ свой полетъ и началъ опускаться медленно и раскачиваясь во всѣ стороны. Подъ сильнѣйшимъ огнемъ непріятельской батареи англійскій аэропланъ повернулъ къ линіи расположенія своихъ войскъ. Но одинъ изъ снарядовъ пробилъ бакъ съ керосиномъ, и содержимое его загорѣлось. Пламя охватило всю машину. Но пилотъ не растерялся и продолжалъ осторожно опускаться, держась принятаго направленія. Когда онъ достигъ земли, большая часть машины была уничтожена. Оба офицера получили серьезные ожоги, но благополучно спустились на своей территоріи.

Товарищи.

I.

Рядовой, который не дѣлалъ чести своему полку.

Я шелъ однажды утромъ по улицѣ Республики, какъ вдругъ, увидѣлъ передъ собой, Сэма Коттона, брата моего шоффера Тома, изящнаго и франтоватаго въ своемъ хаки, съ ярко вычищенными пуговицами и сапогами, сіявшими не меньше, чѣмъ его лицо. Въ первое мгновеніе я не повѣрилъ глазамъ, но тутъ же вспомнилъ, что Сэмъ былъ запасный и въ первые же дни войны былъ призванъ подъ знамена. Вспомнилъ я такъ же, какъ моя жена, горѣвшая желаніемъ тоже «дѣлать что-нибудь для войны», посылала его семьѣ черезъ нашего вѣрнаго Тома разныя вещи и снѣдь.

Сэмъ шагалъ, какъ я уже сказалъ, изящный и щеголеватый, и велъ на привязи небольшую собачку. Впрочемъ, я не такъ выразился. Не онъ велъ ее, а скорѣе она его, потому что она бѣжала впереди и нетерпѣливо дергала за привязь, какъ будто неторопливый шагъ Сэма казался ей слишкомъ медленнымъ.

Относительно ея породы и родословной лучше не спрашивайте меня. Съ несомнѣнностью я могу сказать только одно: что это была маленькая желтовато-коричневая собачка съ умной, острой мордочкой, остроконечными ушами и длиннымъ загнутымъ хвостомъ, который она носила чрезвычайно гордо.

Сэмъ тоже узналъ меня, и мы обмѣнялись сердечнымъ рукопожатіемъ. Потомъ свернули въ ближайшій переулокъ, чтобы поговорить. Передъ отъѣздомъ изъ Англіи я видѣлъ его жену и дѣтей, и мнѣ было о чемъ разсказать ему. Собачка съ покорнымъ видомъ усѣлась возлѣ насъ. Она знала, что за существа люди, и знала, что собака должна ждать со своими дѣлами, какъ бы спѣшны они ни были, когда двое людей останавливаются на улицѣ, чтобы потолковать.

Но, наконецъ, она рѣшила, видимо, что достаточно потворствовала намъ. Она поднялась и начала дергать за веревку, ясно указывая Сэму, что пора трогаться, и что она не намѣрена больше терять время на глупости.

— Ладно, Каштанка, иду, иду,—уступчиво сказалъ Сэмъ.

— Ваша собака?—спросилъ я.

— Нѣтъ, я веду ее на свиданіе къ ея хозяину. Онъ лежитъ въ главномъ госпиталѣ, палата № 12. Прощайте, сэръ, я пойду. У меня не хватаетъ духу дольше задерживать ее, когда у нея такое нетерпѣніе.

— Погодите, я провожу васъ до госпиталя, Сэмъ, — сказалъ я, — а вы мнѣ разскажите, что это за собака.

И вотъ, что Сэмъ Коттонъ разсказалъ мнѣ дорогой:

—Въ первый же разъ, какъ я увидѣлъ Кирка, я понялъ, что это за человѣкъ. Онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые никогда не сдѣлаютъ ни малѣйшаго усилія, чтобы улучшить свое положеніе, а потомъ проклинаютъ и Бога, и судьбу, и людей, когда имъ приходится жить въ грязи и безъ всякихъ удобствъ. Всѣ, кто стоитъ выше ихъ—жестокіе тираны; а всѣ, стоящіе ниже ихъ—подлецы и негодяи. Онъ ходилъ угрюмый, мрачный, съ вѣчно нахмуреннымъ лицомъ. Никогда не держался прямо, какъ подобаетъ солдату, если поблизости не было фельдфебеля или офицера. Ружье у него было всегда грязное, холодное

оружіе—въ позорномъ состояніи, и съ того дня, какъ онъ поступилъ въ полкъ, никто не видѣлъ его одѣтымъ чисто.

У него всегда былъ неряшливый видъ и отталкивающее лицо. Никто въ полку не дружилъ съ нимъ, никто не любилъ его; видимо, это чрезвычайно обижало его, но онъ не дѣлалъ ни малѣйшаго усилія, чтобы измѣнить это. Не имѣя товарищей въ полку, онъ не имѣлъ, насколько я знаю, никакихъ товарищей и близкихъ также и внѣ полка. Онъ ни разу не получилъ ни одного письма и никто не приходилъ прощаться съ нимъ, когда мы покидали Англію.

Когда мы прибыли во Францію, онъ первымъ долгомъ постарался достать коньяку и напился до безчувствія. За это ротный посадилъ его на двѣ недѣли подъ арестъ, и если меня спросятъ, то я скажу, что Киркъ еще очень легко отдѣлался. Но вообще въ эти первые дни къ намъ относились не строго.

Насъ расквартировали въ циркѣ, и Киркъ тамъ же отбылъ свое наказаніе, выполняя всѣ самыя непріятныя и тяжелыя работы, какія фельдфебель могъ придумать для него. Разумѣется, онъ принялъ это «несправедливое» наказаніе очень близко къ сердцу, ходилъ болѣе грязнымъ и хмурымъ, чѣмъ когда-либо раньше, бормоча всякую всячину насчетъ «кровожадныхъ тирановъ», которые скоро узнаютъ-де, какъ сладко получить пулю въ спину.

— Вотъ только дайте срокъ, пошлютъ насъ въ линію огня, тогда увидите,— грозился онъ.

Но съ этимъ ему приходилось волей-неволей повременить, потому что, когда нашъ полкъ отправили на фронтъ, человѣкъ сто оставили въ резервѣ, и въ томъ числѣ меня и Кирка. Мы околачивались вокругъ цирка и всякій, кто хотѣлъ, могъ приходить и требовать насъ на тяжелыя работы. Я лично, скажу по совѣсти, былъ даже радъ оставаться въ тылу, но многіе изъ нашихъ находили это очень скучнымъ, а маленькій лейтенантъ, подъ командой котораго насъ оставили, чуть не плакалъ, когда полкъ уходилъ, а ему пришлось остаться.

II.

Дружба по недоразумѣнію.

Какъ-то разъ мы сидѣли на лавкѣ передъ циркомъ и ѣли свой обѣдъ, что-то въ родѣ рагу изъ говядины. Разумѣется, это рагу было не такое вкусное, какъ его дома приготовляютъ маменьки, но ѣсть можно было, и мы всѣ ѣли и не ворчали. Всѣ, кромѣ Кирка. Этому маркизу изъ сточныхъ канавъ, извѣстное дѣло, ничѣмъ не угодишь.

— Это свинство—такъ кормить людей,— ворчалъ онъ. — Собака не станетъ ѣсть такой гадости, не то что люди. Я вотъ, напишу въ газеты, какъ насъ тутъ кормятъ.

И прочее въ томъ же духѣ.

Въ концѣ-концовъ намъ надоѣло, и мы велѣли ему замолчать. Онъ надулся, отошелъ отъ насъ, сѣлъ въ сторонкѣ и презрительно продолжалъ тыкать вилкой въ мясо, точно капризная барыня, бросая на землю куски, которые ему не нравились.

Возлѣ насъ давно вертѣлась маленькая желтенькая собачка, тощая и голодная на видъ. Я уже раньше нѣсколько разъ замѣчалъ ее. Всякій разъ, когда Киркъ бросалъ кусокъ мяса, она хватала его съ земли и торопливо глотала, не сводя съ Кирка глазъ, чтобы видѣть, куда онъ броситъ слѣдующій кусокъ. Я думаю, въ первый разъ въ жизни на ея долю выпало такое обильное угощеніе. А когда Киркъ опорожнилъ свою жестяную чашку и съ презрительной миной отшвырнулъ ее отъ себя, собачка усѣлась передъ нимъ и благоговѣйно уставилась на него, словно на какое-то божество, которое одѣляетъ голодныхъ собакъ сочными кусками мяса такъ же щедро, какъ другіе люди швыряютъ въ нихъ камнями.

Когда онъ пошелъ назадъ въ циркъ, она послѣдовала за нимъ, усѣлась посреди арены и не спускала съ него глазъ, пока онъ курилъ, развалившись на скамейкѣ и не обращая на нее никакого вниманія. Она, видимо, рѣшила, что такого благодѣтеля нельзя ни на секунду упускать изъ виду.

Черезъ нѣкоторое время она рѣшила приблизиться къ нему и, такъ сказать, закрѣпить свое право на его благоволеніе. Но она сдѣлала это не франтальной атакой, а своего рода фланговымъ обходнымъ движеніемъ, какъ это часто дѣлаютъ собаки. Курьезно было видѣть, какъ она пробиралась къ нему по стѣнкамъ, бочкомъ, такъ робко и осторожно, словно стараясь сдѣлаться совсѣмъ незамѣтной, и какъ легла у его ногъ, попрежнему не отводя отъ него взора. Она напоминала мнѣ негра, котораго я разъ видѣлъ ползающимъ на животѣ въ кумирнѣ передъ безобразнымъ идоломъ.

Киркъ нетерпѣливо отпихнулъ ее ногой, и она отошла, тихо взвизгнувъ. Но черезъ нѣсколько минутъ она опять лежала у его ногъ, свернувшись калачикомъ. На этотъ разъ Киркъ оставилъ ее въ покоѣ. Онъ злился на весь міръ и ему было безразлично. Можетъ быть, онъ даже говорилъ себѣ, что эта собака — лишній крестъ, посланный ему злой мачехой-судьбой.

Мы спали между скамейками и мое мѣсто было рядомъ съ Киркомъ. Когда мы въ тотъ вечеръ ложились спать, желтая собачка опять была тутъ какъ тутъ и видимо желала лечь рядомъ съ Киркомъ. Но онъ этого вовсе не желалъ. Онъ швырнулъ въ нее сапогомъ, за которымъ послѣдовала пара пустыхъ жестянокъ изъподъ консервовъ. Но когда онъ проснулся поутру, собачка всетаки лежала у его ногъ и умильно-благоговѣйно глядѣла на него.

Киркъ приподнялся, сѣлъ и почесалъ затылокъ. Нѣсколько минутъ онъ и собака глядѣли другъ на друга. Онъ съ недоумѣніемъ, она съ обожаніемъ во взорѣ. Потомъ онъ опять почесалъ затылокъ.

— Будь я проклятъ, если я знаю, что что тебѣ понадобилось отъ меня, — услышалъ я. — Если ты думаешь выбрать меня въ товарищи, то ты дала

Киркъ разбиралъ ѣду, какъ капризная барыня, и то и дѣло бросалъ на землю куски мяса, а желтенькая собачка подъѣдала ихъ.

маху. Тебѣ надо выбрать одного изъ этихъ чистенькихъ господъ, у которыхъ такой видъ, словно ихъ только что вынули изъ ящика съ надписью: «Осторожно. Верхъ. Не разбейте!» Тебѣ надо выбрать одного изъ этихъ щелкоперовъ, которые дѣлаютъ честь своему полку и радуютъ сердце начальства. Я не изъ тѣхъ молод-

чиковъ, которыхъ выбираютъ въ товарищи. У меня никогда не было товарищей, да и не нуждаюсь я въ нихъ. Плевать мнѣ на нихъ! И ты, слышь, проваливай и оставь меня въ покоѣ, вотъ мой совѣтъ тебѣ.

Но желтая собачка не намѣрена была «проваливать». Я увидѣлъ, какъ она подползла къ нему — съ какимъ видомъ, Боже, словно весь циркъ готовъ былъ обрушиться и раздавить ее—и стала лизать его руку. Киркъ даже ахнулъ.

— Будь я проклятъ! — пробормоталъ онъ опять, а потомъ поднялся и сталъ одѣваться.

Киркъ все еще находился подъ арестомъ и не могъ поэтому уходить изъ цирка. Всѣ эти дни собака не отходила отъ него ни на шагъ. Что бы онъ ни дѣлалъ, она садилась немного поодаль, склонивъ голову набокъ и умильно поглядывая на него, словно не могла налюбоваться его некрасивымъ лицомъ.

Киркъ былъ одинъ изъ тѣхъ курьезныхъ людей, которые умѣютъ разговаривать сами съ собой или съ животными, или даже съ ружьемъ, штыкомъ и другими неодушевленными предметами гораздо лучше и естественнѣе, чѣмъ съ человѣкомъ. Одинъ разъ, когда онъ мылъ полъ, я случайно стоялъ за угломъ и слышалъ, какъ онъ опять разговаривалъ съ собакой.

— Клянусь Богомъ, смѣшная ты животина. Не могу я понять, что у тебя на умѣ. Никогда никто не привязывался ко мнѣ, какъ вотъ ты теперь. Никогда у меня не было товарища. И ни одна дѣвушка не любила меня. Я, поди, слишкомъ некрасивъ для дѣвушекъ — онѣ любятъ пригожихъ. Но если ты на самомъ дѣлѣ рѣшила быть моимъ товарищемъ, то такъ и быть, попробуй. Но только, чуръ, уговоръ дороже денегъ: не смѣй потомъ говорить, что я тебя не предостерегалъ.

Когда я услыхалъ эти слова, у меня появилось даже какое-то теплое чувство къ нему, я вдругъ увидѣлъ его въ новомъ свѣтѣ.

Не скажу, чтобы дружба съ Киркомъ выгодно отразилась на собакѣ. Ни разу въ жизни я не видѣлъ, чтобы какое-нибудь животное такъ чванилось, какъ она; а когда Киркъ, случалось, наклонится къ ней и погладитъ ее, тогда ея поведеніе было прямо-таки возмутительно. Я видалъ, какъ иные ефрейторы ходили гоголемъ, получивъ вторую нашивку, но никто изъ нихъ не могъ и отдаленно сравниться по самодовольству съ этой собакой, когда Киркъ, бывало, удостоитъ ее своего вниманія.

Когда срокъ наказанія Кирка кончился, онъ получилъ разрѣшеніе сходить въ городъ. Когда собака увидала, что онъ одѣвается, она сразу пронюхала, что дѣло идетъ о прогулкѣ—она смѣтливая, шельма!—и всячески начала выражать свою радость.

— Нѣтъ, это ужъ ты оставь,—проворчалъ Киркъ. — Ты вовсе не пойдешь со мной. Когда просидишь двѣ недѣли подъ арестомъ, то надо разгуляться во всю, какъ это сдѣлаю сегодня я, и ни ради какой собаки я не допущу, чтобы мнѣ испортили мое удовольствіе. Такъ и знай, Каштанка. (Онъ окрестилъ ее Каштанкой).

Съ этими словами онъ привязалъ ее къ ножкѣ скамейки и направился къ двери. Она не протестовала, но ея взглядъ, взглядъ... О, ея взглядъ былъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Когда Киркъ дошелъ до двери, она тихо вздохнула или, скорѣе, всхлипнула, точно говорила: «Я не буду приставать къ тебѣ, потому что я не хочу портить тебѣ вечеръ. Но если бы ты зналъ, какъ мнѣ тяжело оставаться!»

Киркъ (я наблюдалъ за нимъ) вдругъ обернулся, словно противъ воли, и посмотрѣлъ на Каштанку, а она на него.

— Пусть меня повѣсятъ, если ты не хуже всякой бабы,—пробормоталъ онъ, грубо выругался, вернулся къ скамейкѣ, отвязалъ Каштанку и взялъ ее съ собой.

Видѣли бы вы, какъ она вышагивала по бульвару впереди него! Гордо—это слишкомъ слабое слово. Никогда въ жизни я не видалъ, чтобы собака выпячивала грудь, а она выпячивала, честное слово! И ноги выкидывала какъ-то по особенному. Правой-лѣвой! Правой-лѣвой! Ни дать ни взять сержантъ британскій арміи, прогуливающійся по Королевскому бульвару въ Лондонѣ подъ

ручку со своей расфранченной невѣстой!

Когда мы въ тотъ вечеръ ложились спать, я опять услыхалъ, какъ Киркъ разговаривалъ съ ней.

— Удивляюсь я, Каштанка, какъ тебѣ не стыдно было показываться на людяхъ вмѣстѣ со мной? Ты такая ладная собачка, пригожая и все прочее, а я... И еще хочешь увѣрить людей, будто гордишься мной. Мной, Каштанка, никто никогда не гордился. На меня всѣ всегда смотрѣли, какъ на мразь какую-то. Да, Каштанка. Я и сталъ мразью. И ничѣмъ другимъ быть не стоитъ, разъ никому нѣтъ дѣла до того, каковъ ты есть. Что, скажешь, не правда, Каштанка? То-то. Эхма! Говорилъ я тебѣ, не связывайся со мной. Ты стоишь лучшаго человѣка, чѣмъ я. Провалиться мнѣ на мѣстѣ, если не стоишь!

И, повѣрите ли, вѣдь съ того дня Кирка точно подмѣнили. Онъ началъ обращать вниманіе на свою внѣшность, началъ одѣваться чище и аккуратнѣе, началъ чистить себѣ сапоги до глянца, держаться прямѣе. Купилъ себѣ даже, не знаю для чего, шикарную тросточку. Чудно, правда? Человѣкъ старается быть достойнымъ собаки! Но вѣдь, дѣйствительно, Каштанка сдѣлала изъ Кирка человѣка, какъ бываетъ, женщина дѣлаетъ изъ мужчины настоящаго человѣка, говоря, что гордится имъ.

Къ тому времени, когда пришелъ приказъ отправить и насъ на фронтъ, Киркъ началъ уже дѣлать честь своему полку. Товарищи понемногу нашли, что, въ концѣ-концовъ, когда узнаешь его поближе, онъ не такой плохой парень, и повѣрите ли, несмотря на свое безобразіе, Киркъ вѣдь тоже нашелъ себѣ, наконецъ, «душеньку». И вѣдь не какую-нибудь, а очень миловидную. Она служила въ молочной, гдѣ мы обыкновенно покупали молоко. Но и то сказать, чего Кирку недоставало въ смыслѣ красоты, то онъ восполнялъ, такъ сказать, стильностью, выправкой и щеголеватостью, и Каштанка много помогала ему въ этомъ. Они были парочка, хоть куда, т.-е. Киркъ и Каштанка.

Когда мы сидѣли въ окопахъ, Каштанка бѣгала по грязи отъ одного къ другому и; смотрѣла на насъ съ недоумѣніемъ; когда мы смѣялись надъ ней, она принималась неистово лаять.

Когда мы уходили, эта дѣвушка изъ молочной пришла проститься съ Киркомъ. Она принесла ему шоколаду и

печенья на дорогу и подарила ему красивую открытку. На ней былъ изображенъ солдатъ, весь окутанный дымомъ и протыкающій штыкомъ германца, а наверху, въ маленькомъ кружкѣ среди дыма, была нарисована хорошенькая барышня, которая смотритъ на небо, прижавъ руки къ щекѣ. Киркъ ужасно гордился этой картинкой... Какъ это называютъ въ книгахъ? Романтизмомъ, кажется? Такъ вотъ и Киркъ получилъ свою долю романтизма въ жизни...

III.

На фронтѣ.

Разъ попавъ на фронтъ, намъ уже не пришлось долго ждать, чтобы принять участіе въ дѣлѣ. Первую ночь мы спали въ какомъ-то сараѣ, а на вторую ночь уже заняли мѣсто въ окопахъ.

Собаку нельзя было взять въ окопы, и Киркъ попросилъ поэтому санитаровъ отряда Краснаго Креста приглядѣть за ней. Онъ привязалъ ее къ столбу и положилъ передъ нею сытное угощеніе.

— Оставайся тутъ, дружище,—сказалъ онъ. — Я недолго пробуду. Ты ложись тутъ и веди себя хорошо, пока я не вернусь.

Но Каштанка даже не понюхала угощеніе. Она только сидѣла и смотрѣла на Кирка съ тревогой и страхомъ.

— Чего же ты не ѣшь?—разочарованно сказалъ Киркъ.—Вѣдь я тебѣ говорю, что ухожу ненадолго и скоро вернусь.

Но собака знала лучше. Я видѣлъ это по ея глазамъ. Она точно говорила: «Скажи мнѣ, въ чемъ дѣло? Я знаю, что затѣвается что-то, а ты отъ меня скрываешь. Ты не привязалъ бы меня къ столбу и не далъ бы мнѣ полтора фунта мяса ни за что ни про что. Въ чемъ дѣло? Неужели ты мнѣ не довѣряешь?»

Киркъ молчалъ, и уже не пытался ее разувѣрить. Собакамъ нельзя лгать. Въ этомъ отношеніи онѣ какъ женщины. У кого хватитъ духу солгать женщинѣ, которую любишь?

Когда мы пошли, собака завыла. Она выла такъ жалобно, что сердце разрывалось слушать ее. Я посмотрѣлъ украдкой на Кирка. Онъ шелъ очень прямо, но я видѣлъ, что его губы подергивались. Когда онъ покидалъ Англію, у него не было никого, съ кѣмъ бы онъ могъ проститься. Теперь и онъ начиналъ понимать, что значитъ разлука. Но онъ старался не показывать своихъ чувствъ, какъ это дѣлалъ и я, когда мы уходили изъ родного города, а жена кивала мнѣ головой.

Мы уже пробирались гуськомъ по подступамъ къ нашему окопу, осторожно, согнувшись въ три погибели, когда вдругъ кто-то позади меня испуганно вскрикнулъ и выругался.

— Ахъ, ты чортъ, я наступилъ на что-то живое.

Произошла какая-то сумятица, люди спотыкались и ругались. Затѣмъ какой-то живой шаръ липкой грязи метнулся между моихъ ногъ, и я увидѣлъ Каштанку, которая радостно прыгала вокругъ Кирка, стараясь лизнуть его въ лицо. Она, видимо, сорвалась съ привязи или ее кто-нибудь отвязалъ.

Отослать ее назадъ мы не могли, а разъ очутились въ окопѣ, мы уже не видѣли причинъ, почему бы ей не оставаться съ нами.

Сначала она все бѣгала взадъ и впередъ и подозрительно обнюхивала все, какъ собаки дѣлаютъ, попавъ въ незнакомое мѣсто. Но видя, что Киркъ по какимъ-то невѣдомымъ соображеніямъ рѣшилъ остаться въ этомъ грязномъ рвѣ, съ вязкой глиной и тинистыми лужами на каждомъ шагу, она рѣшила, что и для нея здѣсь достаточно хорошо. Большую часть времени она лежала на кускѣ парусины у ногъ Кирка, но изрѣдка вскакивала и совершала прогулку по окопу, чтобы посмотрѣть, какъ мы всѣ поживаемъ и нельзя ли поживиться чѣмъ-нибудь.

Боже, на что она стала похожа! Два черныхъ живыхъ глаза да кончикъ краснаго языка, вотъ и все, что можно было видѣть отъ нея. Остальное же было сплошной корой грязи. Часто она садилась и смотрѣла на насъ съ недоумѣвающимъ видомъ, точно удивлялась, не сошли ли мы всѣ съ ума. Мы всѣ покатывались со смѣху, глядя на нее, а она тогда гнѣвно вскакивала и яростно лаяла

на насъ. Засохшая кора грязи трескалась на ея спинѣ отъ этого лая, она пугалась и лаяла еще яростнѣе. Всѣ мы были рады, что она пришла. Она поддерживала въ насъ бодрость.

Вторая ночь была на исходѣ, когда мы получили приказъ вышибить нѣмцевъ изъ окопа, что находился напротивъ нашего. Я никогда не забуду этой ночи! Тихо выкарабкались мы изъ своей норы и поползли.

Сперва все шло хорошо. Только въ отдаленіи все время рвались снаряды. Но затѣмъ нѣмцы замѣтили и давай по насъ палить, да такъ палить, что чертямъ въ аду, вѣрно, стало жарко. Всѣ мы хотѣли только одного: поскорѣе юркнуть назадъ въ свой окопъ. Въ эту минуту мы вдругъ слышимъ голосъ маленькаго лейтенанта, котораго мы такъ хорошо узнали, пока стояли въ циркѣ.

—Ну, ребята, живѣй впередъ! Задайте имъ встряску!

Мы видѣли, что онъ вскочилъ и побѣжалъ впередъ, и намъ ничего не оставалось дѣлать, какъ тоже вскочить и бѣжать за нимъ.

Мнѣ раньше уже приходилось участвовать въ штыковыхъ атакахъ, но только противъ чернокожихъ, и я тогда былъ молодъ и не былъ женатъ. Теперь все было совсѣмъ иначе. Я видѣлъ бѣлыя лица моихъ враговъ, ихъ голубые глаза. Каждый разъ, когда я вонзалъ штыкъ въ человѣка, я чувствовалъ, что пронзаю сердце женщины, разрушаю семью, такую же, какъ моя, дѣлаю дѣтей сиротами. Я не находился въ изступленіи и чаду, какъ въ былые дни. Я все сознавалъ и понималъ. И это было въ сто разъ хуже. Но я зналъ, что выбора нѣтъ; что либо они, либо я... Когда я вернулся въ свой окопъ, я сѣлъ и закрылъ лицо руками, чтобы уйти отъ всѣхъ этихъ страшныхъ картинъ. Больше я ничего не помню объ этой атакѣ. Нѣмцы получили подкрѣпленіе, и намъ пришлось вернуться къ себѣ.

Когда Каштанка подбѣжала къ Кирку, онъ поднялся и погладилъ ее. Мы видѣли его, но не могли ему помочь.

IV.

Истинный другъ.

Мы оставили, разумѣется, немало своихъ въ германской траншеѣ, а когда мы находились уже ярдахъ въ пятнадцати или двадцати отъ своего окопа, шальная пуля попала въ Кирка, и

онъ упалъ. Никто не замѣтилъ этого, пока мы не очутились въ окопѣ, а тогда уже было поздно. Германцы оправились отъ нападенія и открыли такую пальбу, что нельзя было носу высунуть изъ-за бруствера. Если бы мы и рискнули пойти за Киркомъ, это было бы безполезно. Малѣйшее движеніе привлекало градъ пуль.

Мы видѣли, что Киркъ только раненъ, и тяжело было думать, что ему придется лежать тамъ, пожалуй, до вечера, пока не стемнѣетъ, терпя, можетъ-быть, адскія муки... Но что же мы могли сдѣлать?

И вотъ тутъ случилось нѣчто странное, чего я никогда не видѣлъ. Во время атаки мы, понятное дѣло, совершенно забыли о Каштанкѣ. Никто не зналъ, ходила ли она съ нами или нѣтъ. Теперь мы вдругъ увидѣли, что она бѣшено носится взадъ и впередъ по окопу, разыскивая своего друга. И прежде чѣмъ кто-нибудь успѣлъ остановить ее, она выскочила изъ окопа. Пробѣжавъ нѣсколько шаговъ, она оглядѣлась, увидѣла Кирка и съ радостнымъ лаемъ кинулась къ нему.

Мы видѣли, какъ бѣдный Киркъ поднялъ руку и погладилъ Каштанку по спинѣ. Собака его лизнула, потомъ обнюхала всего. Она, казалось, недоумѣвала. Усѣлась передъ нимъ, постаралась понять положеніе, посмотрѣла на него, потомъ назадъ на траншею, поднялась, опять обнюхала Кирка. Наконецъ она словно рѣшилась. Она стрѣлой помчалась назадъ къ нашему окопу и принялась бѣгать по краю его, заглядывая намъ въ лица и точно говоря: «Что же вы, братцы? Неужто никто изъ васъ не придетъ помочь моему хозяину?»

Это было ужасно. Худшему врагу своему я не пожелаю перечувствовать, что чувствовали мы въ ту минуту. Мы не смѣли смотрѣть собакѣ въ глаза, и когда она просовывала мордочку черезъ бруствѣръ, мы отворачивались. Я часто удивлялся послѣ, почему нѣмцы не стрѣляли, но потомъ я сообразилъ, что она была такъ похожа на комъ земли, что они, должно-быть, и не видѣли ея.

Итакъ, повторяю, мы не могли смотрѣть ей въ глаза. Мы отвернулись, сѣли и постарались забыть о ней. Тогда она начала лаять. Боже, до сего времени я еще слышу этотъ ея лай! Онъ хлесталъ, какъ бичомъ, а звучавшій въ немъ укоръ билъ по сердцу какъ молоткомъ. Онъ заставлялъ думать о томъ, что всѣ мы хотѣли забыть: что нашъ товарищъ лежитъ въ двадцати шагахъ отъ насъ и, можетъ-быть, умираетъ, оттого что никто изъ насъ не можетъ притти къ нему на помощь. Ну, да, мы не могли, въ этомъ и былъ весь ужасъ. Но этотъ лай... о Господи!

Наконецъ одинъ изъ насъ, ирландецъ Микки, не могъ дольше выносить эту пытку.

— Владычица святая! — воскликнулъ онъ. —Не могу я сидѣть и слушать, какъ собака укоряетъ меня!

Съ этими словами онъ выскочилъ было изъ траншеи, но сразу покатился назадъ, раненый въ плечо. И лейтенантъ долженъ былъ, скрѣпя сердце, запретить намъ показываться изъ окопа. Насъ было мало, и нельзя было такъ жертвовать людьми.

Въ концѣ концовъ собака оставила насъ въ покоѣ и опять побѣжала къ Кирку. Мы видѣли, какъ она его лизала въ лицо и какъ онъ гладилъ ее.

Черезъ нѣкоторое время она вернулась и сдѣлала новую попытку позвать насъ на помощь къ своему другу. И такъ продолжалось весь день. Она все носилась взадъ и впередъ, между своимъ хозяиномъ и его товарищами, которые не могли ничего сдѣлать. Бѣдная собака! Какъ ей было понять, почему мы ему не можемъ помочь?.. Наконецъ одному изъ насъ пришла въ голову мысль. Послѣ долгихъ усилій намъ удалось поймать Каштанку и затащить ее въ окопъ. У лейтенанта была фляжка съ водой. Онъ привязалъ ее къ шеѣ Каштанки, и мы опять выпустили ее. Она прямехонько побѣжала къ Кирку. Это спасло ему жизнь, какъ намъ позже сказалъ лейтенантъ.

Когда Каштанка вернулась, мы послали съ ней немного горячаго чая въ бутылкѣ, потомъ бинтъ для перевязки раны и записку, въ которой написали, что сходимъ за нимъ, какъ только стемнѣетъ.

У Каштанки какъ будто полегчало на душѣ,—если такъ можно выразиться про

собаку,—когда мы начали посылать съ ней вещи, и она все продолжала бѣгать взадъ и впередъ, не пошлемъ ли мы еще чего-нибудь.

Около полудня Киркъ нацарапалъ кое-какъ записку и прислалъ ее намъ съ Каштанкой. Записка была слѣдующая: «Пришлите мнѣ немного папиросъ и покормите Каштанку». Папиросы мы послали, но ѣсть Каштанка ничего не стала.

Часовъ около четырехъ нѣмцы замѣтили, наконецъ, нашу собаку и давай палить въ нее. Киркъ лежалъ, къ счастью, за небольшимъ пригоркомъ, такъ что они не могли попасть въ него. Но въ Каштанку они попали въ концѣ концовъ, подлецы! Оцарапали ей лѣвую заднюю лапу. Мы слышали, какъ она взвизгнула и видѣли, какъ она упала. Въ первую минуту мы думали, что она убита, но потомъ она медленно поползла къ Кирку, положила голову къ нему на грудь и такъ и осталась лежать. Какъ только стемнѣло, двое изъ насъ поползли къ нимъ и доставили ихъ въ окопъ, Кирка и Каштанку...

— Но вотъ мы и дошли. Тише, Каштанка, погоди. Дай же мнѣ досказать.

Мы дѣйствительно дошли до госпиталя, и собака нетерпѣливѣе прежняго дергала за привязь.

— Ну, и что же дальше?—спросилъ я Сэма, который остановился у подъѣзда.

— Кирка отправили въ тылъ.

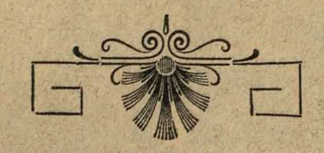
— А Каштанка?

— Она осталась съ нами, но она такъ тосковала по Кирку, что... Только, чуръ, это между нами, потому что если узнаютъ, то пожалуй... Словомъ, нашъ лейтенантъ попросилъ врача сказать, что я по состоянію здоровья не гожусь для окоповъ—я, видите ли, былъ единственный женатый въ нашей ротѣ, вотъ почему именно меня... Ну, и меня тоже отправили въ тылъ.

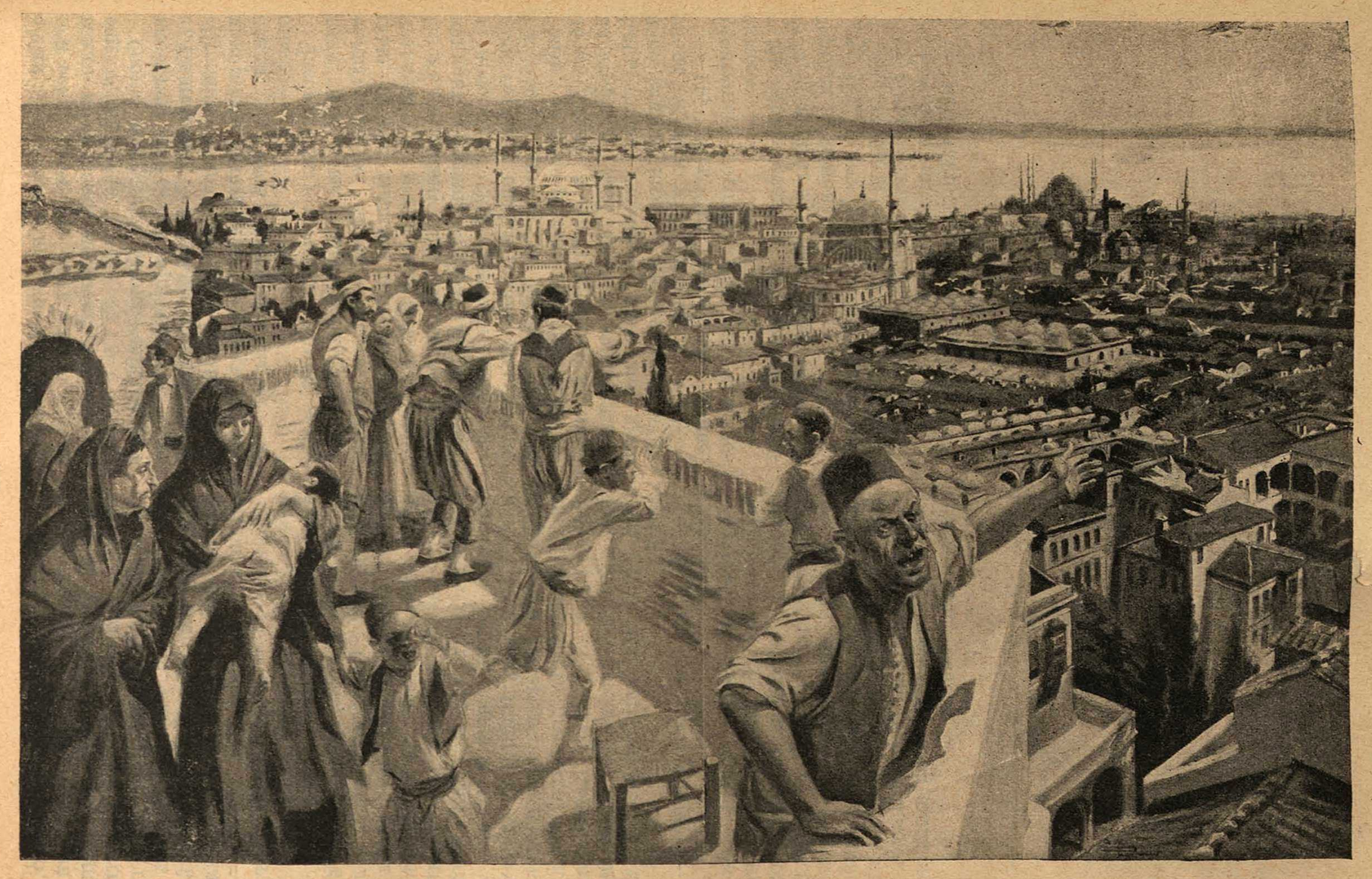
Какимъ-то образомъ лейтенантъ устроилъ такъ, что меня назначили вѣстовымъ къ здѣшнему начальнику тыла, полковнику Генсону. Я привезъ съ собой и Каштанку. Сказать правду, я думаю, что полковникъ знаетъ обо всемъ этомъ дѣлѣ гораздо больше, чѣмъ онъ показываетъ. Когда къ нему приходятъ его товарищи, онъ зоветъ меня: «Коттонъ, покажите этимъ офицерамъ вашу собачку». И я привожу Каштанку въ комнаты, и офицеры надѣваютъ пенснэ и ухмыляются. Каштанкѣ это нравится, и она очень важничаетъ... Да, да, Каштанка, сейчасъ иду! Вы бы не подумали, что она ранена въ ногу, глядя на нее, не правда ли?

— А какъ здоровье Кирка? — спросилъ я.

— Онъ сержантъ теперь. Со вчерашняго дня. И, вѣрьте мнѣ, онъ еще дойдетъ до офицерскаго чина, раньше чѣмъ кончится эта война. И вѣдь все это сдѣлала Каштанка, въ родѣ того, какъ моя жена сдѣлала изъ меня человѣка. По крайней мѣрѣ, я всегда старался быть настоящимъ человѣкомъ ради нея. Ну, прощайте, Каштанкѣ невтерпежъ больше ждать.

Союзные аэропланы надъ Константинополемъ.

Вовлеченная Германіей въ невыгодную и ненужную для нея войну, Турція переживаетъ въ настоящее время тяжелые дни. Надъ столицей ея, гдѣ около четырехъ вѣковъ царствовали ея грозные султаны, не знавшіе границъ своей власти, уже летаютъ зловѣщія птицы—аэропланы союзниковъ, вызывая панику среди населенія и безъ того напуганнаго положеніемъ дѣлъ на Галлипольскомъ полуостровѣ.

НЕЙТРАЛИТЕТЪ АМЕРИКАНЦА.

Разсказъ

Ральфа Стока.

Американецъ Коббъ, англичанинъ Чисхольмъ и нѣмецъ Цваргъ подошли къ берегу канала, — Цваргъ, по обыкновенію погруженный въ размышленія, Коббъ—живой и рѣшительный, Чисхольмъ—флегматичный и добродушно небрежный.

Нѣкоторое время они стояли, закрывъ глаза отъ ослѣпительнаго блеска моря, потомъ стали смотрѣть на бѣлый, красивый баркасъ, скользившій по заливу по направленію къ каналу.

— Почему это онъ опоздалъ на три дня?—проговорилъ Цваргъ въ раздумьи.

— Сейчасъ узнаемъ, — сказалъ Коббъ.

Чисхольмъ зѣвнулъ.

— На этотъ разъ я нагружу копры тонны двѣ, — заявилъ Цваргъ, искоса взглянувъ на Чисхольма.

Онъ не могъ забыть, что уже три раза подърядъ англичанинъ перебивалъ у него копру. На этотъ разъ Чисхольмъ не сталъ спорить—во-первыхъ, было слишкомъ жарко, а во-вторыхъ, ему не хотѣлось сознаваться, что на этотъ разъ ему дѣйствительно не повезло.

Спокойное самообладаніе Чисхольма всегда раздражало Цварга. Флегматичный и хладнокровный британецъ велъ свои дѣла съ такимъ успѣхомъ, о которомъ Цваргъ не смѣлъ и мечтать. Если бы Чисхольмъ соблюдалъ всѣ правила южно-американской торговли, какъ это дѣлалъ Цваргъ съ своей чисто нѣмецкой пунктуальностью, онъ никогда не преуспѣвалъ бы такъ въ торговлѣ. Чисхольмъ велъ свои дѣла совершенно иначе. Два раза въ недѣлю онъ съ утра запиралъ свою контору и цѣлый день игралъ съ своимъ сосѣдомъ, негромъ-начальникомъ Були и его подчиненными въ дурацкій мячъ. Очень часто онъ отправлялся съ неграми въ рифъ удить рыбу или присутствовалъ на какомъ-нибудь торжествѣ чернокожихъ.

Цваргу казалось, что такая система не можетъ привести къ успѣху, и онъ долго подозрѣвалъ, что Чисхольмъ занимается тайной продажей грога, строго преслѣдующейся властями. Но такъ какъ ему ни разу не удалось встрѣтить на островѣ пьянаго негра, ни даже найти валявшейся пустой бутылки отъ вина, то онъ оставилъ эту мысль и приписалъ весь успѣхъ Чисхольма особому счастью, которое всюду сопровождаетъ англо-саксонскую расу.

Онъ не зналъ,—и никто не могъ бы сказать ему этого,—что Чисхольмъ былъ проникнутъ глубочайшимъ уваженіемъ къ познаніямъ своего конкурента. Онъ часто жалѣлъ, что не обладаетъ знаніями Цварга въ торговыхъ дѣлахъ и пробивалъ себѣ дорогу единственнымъ оружіемъ, которымъ онъ обладалъ—умѣніемъ пріобрѣтать друзей. Вѣдь не для здоровья же онъ возился цѣлыми днями съ тупоголовыми туземцами, уча ихъ игрѣ въ футболъ или ловилъ съ ними рыбу въ коралловыхъ рифахъ. Онъ съ удовольствіемъ бросилъ бы эти забавы, но... онѣ приносили ему выгоду. Чисхольма знали и любили на островѣ всѣ негры, мудрено ли, что они несли копру сначала ему, а потомъ уже всякому другому скупщику.

Помимо этого соперничества въ торговлѣ, Чисхольмъ и Цваргъ жили дружно. Это, впрочемъ, было всецѣло заслугою Кобба, американца - плантатора. Каждый вечеръ всѣ трое собирались на его большой верандѣ, и, сидя въ камышовыхъ креслахъ, курили и болтали какъ добрые друзья.

Цваргъ считалъ Чисхольма «наименѣе непріятнымъ изъ англичанъ, которыхъ онъ когда-либо встрѣчалъ», а Чисхольмъ смотрѣлъ на Цварга, какъ на вполнѣ порядочнаго нѣмца. Они думали, что желаютъ другъ другу добра, а между тѣмъ баркасъ, на который они оба смотрѣли, везъ имъ доказательство того, что они ошибались.

На мостикѣ баркаса стоялъ старый и довольно грязный капитанъ, а рядомъ— почтовый чиновникъ изъ Сувы.

— Здравствуйте, здравствуйте!—крикнулъ имъ Коббъ, но не получилъ отвѣта.

Обыкновенно общительный чиновникъ на этотъ разъ не обратилъ вниманія на три бѣлыя фигуры, стоявшія на берегу.

— Почта! — крикнулъ онъ и, выбросивъ на берегъ толстую сумку, сдѣлалъ знакъ капитану продолжать путь.

— Что случилось? — крикнулъ Коббъ, когда баркасъ сталъ тихо удаляться отъ берега, вспѣнивая синюю воду своимъ винтомъ.

— Найдете все тамъ! — крикнулъ чиновникъ, указывая на почтовый мѣшокъ. — Къ сожалѣнію, не могу остановиться! Долженъ добраться до Маго къ ночи.

Трое стоявшихъ на берегу съ удивленіемъ посмотрѣли на мѣшокъ, потомъ другъ на друга.

— Что такое съ нимъ?—проговорилъ Коббъ.

— Куда-то спѣшитъ! — проговорилъ Чисхольмъ.

Цваргъ хранилъ молчаніе.

— Все узнаемъ отсюда! — проговорилъ американецъ, поднимая мѣшокъ.—Пойдемте, посмотримъ что такое.

Они молча вошли на веранду, обступили соломенный столъ и стали разбирать почту. Больше всего было газетъ. Но сначала они жадно накинулись на письма, спѣша прочесть новости изъ другой части свѣта, которымъ былъ ужъ цѣлый мѣсяцъ.

Нѣсколько минутъ никто не произносилъ ни слова, слышался только шелестъ бумаги. Собака Чисхольма—Роко—била хвостомъ по полу, стараясь привлечь вниманіе своего хозяина, но ея старанія были безуспѣшны, и она принялась ловить мухъ. Солнце закатывалось. Какъ будто по общему безсознательному импульсу, всѣ трое бросились въ свои кресла, продолжая читать.

«Благодаря войнѣ, — читалъ Чисхольмъ въ письмѣ своего патрона,— нельзя ожидать прибытія въ срокъ товара. Цѣна стоитъ около двадцати фунтовъ за крупную копру. Совѣтую вамъ продолжать дѣла, скупать и хранить до слѣдующаго парохода. Стройте побольше амбаровъ, если въ этомъ будетъ необходимость».

Онъ не сталъ читать дальше. Война! Неужели это правда? Онъ быстро развернулъ одну изъ газетъ. Она была уже старая, но первая, которую онъ имѣлъ за два мѣсяца.

Война! война! ничего другого кромѣ войны! Объявленіе войны, телеграфныя извѣстія съ фронта, наступленія, отступленія!

Война была въ разгарѣ! Чисхольмъ смотрѣлъ передъ собой невидящими глазами, стараясь понять все значеніе этого мірового кризиса. Было трудно, почти невозможно понять происходящее, сидя на верандѣ у Кобба, гдѣ онъ привыкъ мирно проводить время въ продолженіе двухъ лѣтъ. Его родина была вовлечена въ міровую борьбу! Онъ вдругъ почувствовалъ потребность остаться наединѣ и, поднявшись съ кресла, сталъ собирать почту.

— Я хочу пройтись,—сказалъ онъ разсѣянно, и его взглядъ случайно упалъ на Цварга.

Цваргъ читалъ газету, наклонившись впередъ, широко открывъ глаза и разинувъ ротъ. Лицо его было блѣдно.

— Хорошо, — сказалъ Коббъ не глядя на Чисхольма. —Увидимся вечеромъ.

Чисхольмъ, придя домой, бросилъ почту на полъ и сталъ читать газету съ начала до конца. Это заняло два часа. Когда онъ кончилъ и вышелъ на веранду, чтобы разогнуть спину, стало ужъ темно.

Онъ стоялъ и смотрѣлъ на сгущающіяся сумерки и ему вспомнился Цваргъ, склонившійся надъ газетой съ разинутымъ ртомъ и вытаращенными глазами, читающій о наступленіи своихъ соотечественниковъ на Парижъ.

Чисхольму показалось, что онъ бормоталъ что-то въ родѣ: «Der Tag!» и имъ вдругъ овладѣла такая бѣшеная злоба на этого человѣка, которая удивила его самого. Онъ не могъ вспомнить, чтобы когда-нибудь до тѣхъ поръ онъ злился бы такъ на кого-нибудь. Это чувство было ново для него. Онъ сошелъ къ берегу и сталъ ходить взадъ и впередъ по твердому песку, оставленному приливомъ.

«Совѣтую вамъ продолжать дѣла, скупать и хранить до ближайшаго парохода»—вспомнилъ онъ письмо патрона. Чисхольмъ засмѣялся. Патрону, конечно, слѣдовало давать такіе совѣты и ему было жаль разочаровывать его, но на очереди было только одно дѣло, необходимое для каждаго здороваго человѣка, и онъ намѣревался сдѣлать его.

— Право, не думаю, чтобы патронъ сталъ самъ заниматься этимъ въ такіе дни! — воскликнулъ онъ, схвативъ Роко за уши и пристально смотря въ его старые умные глаза.—Это только доказываетъ...

Но Роко не дослушалъ его. Увидя пролетавшую невдалекѣ птицу, онъ вырвался изъ рукъ хозяина и погнался за ней. Чисхольмъ громко разсмѣялся, глядя, какъ собака дѣлала высокіе прыжки, чтобы поймать птицу, летавшую высоко надъ ней. Ему вдругъ стало такъ легко на душѣ, какъ давно уже не бывало, и легкими шагами онъ направился къ себѣ домой.

Приблизительно за милю отъ его дома, на другомъ концѣ пристани, у себя на верандѣ сидѣлъ Цваргъ и игралъ на кларнетѣ. Онъ игралъ нѣмецкій гимнъ Die Wacht am Rhein и игралъ его хорошо. Онъ сыгралъ его два раза. Потомъ со своимъ обычнымъ сосредоточеннымъ видомъ снялъ со стѣны ружье и пошелъ къ ручью. Черезъ полчаса онъ вернулся. Прогулка доставила ему удовольствіе. Онъ кинулся въ свое кресло и долго сидѣлъ въ немъ, сложивъ руки въ блаженномъ настроеніи человѣка, впавшаго въ полудремоту.

«День» насталъ и «отечество» было готово.

Какъ гигантскій магнитъ притягивало оно къ себѣ различныя части своего механизма. Цваргъ былъ одной изъ такихъ частей. Онъ высчитывалъ, черезъ сколько времени онъ можетъ добраться до германскихъ владѣній на своемъ катерѣ, а оттуда до Берлина; надо спѣшить, иначе въ Сувѣ онъ будетъ задержанъ въ качествѣ военноплѣннаго. Онъ вспомнилъ о Чисхольмѣ и ему стало жаль этого «наименѣе непріятнаго изъ всѣхъ англичанъ». Цваргъ размечтался. Міату и весь архипелагъ Фиджи будутъ скоро подъ властью Германіи. Онъ вспомнилъ флегматичнаго Чисхольма, представилъ себѣ, какъ онъ будетъ негодовать, и снисходительно улыбнулся.

* * *

Чисхольмъ былъ уже на верандѣ Кобба, когда туда пришелъ Цваргъ. Чисхольмъ казался очень возбужденнымъ.

— Дѣло найдется!—говорилъ онъ.— Какое-нибудь нужное полезное дѣло!

— Это — ужасная вещь! — говорилъ Коббъ, отвѣчая на поклонъ Цварга.— Ужасная!

— Конечно, ужасная,—согласился Чисхольмъ, стряхивая пепелъ со своей сигары.—Но ужасныя вещи иногда бываютъ необходимы, эта была необходима. Все время чувствовалась гроза, громъ и молнія безъ капли дождя. Теперь пошелъ дождь, онъ разсѣетъ тучу.

Цваргъ наклонился впередъ на своемъ стулѣ.

— Могу я спросить, о чемъ вы говорите?—сказалъ онъ, дѣлая видъ, будто очень заинтересованъ разговоромъ.

— О войнѣ! — сухо отвѣтилъ Чисхольмъ.

— А!—Цваргъ отклонился на спинку, Послѣдовало неловкое молчаніе.

— Война—это возвращеніе къ варварству,—объявилъ Коббъ.—Это пережитокъ старины, такой же, какъ дуэль.

— Но война существуетъ. И къ ней прибѣгаютъ, какъ къ послѣднему средству, чтобы разрѣшить споръ,—сказалъ Чисхольмъ.—Вы согласны, Цваргъ?

— Вполнѣ!—заявилъ нѣмецъ.

— Это доказываетъ, Коббъ, что вы уже старикъ. Вы можете только говорить о сраженіяхъ, убійствахъ и смерти,

какъ другіе, а когда дойдетъ до дѣла... А какъ вы думаете, — перебилъ себя вдругъ Чисхольмъ,—кто побѣдитъ?

— Президентъ совѣтуетъ намъ оставаться нейтральными въ мысляхъ и дѣлахъ,—проговорилъ Коббъ торжественно.

— Вашъ президентъ? Ахъ да, этотъ Вильсонъ. Я бы хотѣлъ посмотрѣть, какія усилія нужно будетъ дѣлать Америкѣ, чтобы сохранить нейтралитетъ.

— Да,—протянулъ Цваргъ.—Съ милліономъ нѣмцевъ въ Соединенныхъ Штатахъ!

Чисхольмъ откинулся на спинку, улыбаясь.

Ему было весело.

— И какая польза въ доводахъ? Въ особенности когда нечего доказывать! Нѣмцы кончили говорить и начали дѣйствовать, почему намъ нельзя дѣлать того же? Мнѣ, конечно, жаль только Цварга.

Цваргъ повернулся на своемъ стулѣ.

— А могу я спросить, почему вамъ жаль меня?—спросилъ онъ.

— Вы, конечно, пожелаете уѣхать и вступить въ ряды арміи?

— Ну и что же?

— Да ничего! Только вы этого не можете сдѣлать!

— Не могу? Я не понимаю васъ.

— Такъ дайте я вамъ объясню. Я подразумѣваю вотъ что: вы не можете поѣхать къ себѣ, такъ какъ находитесь въ англійскихъ владѣніяхъ послѣ объявленія войны. Вы будете задержаны въ Сувѣ. Это, конечно, несчастье. Но подумайте о тѣхъ бѣдныхъ англичанахъ, которые задержаны въ Германіи, и вамъ это покажется ужъ не такъ плохо. Не унывайте, Цваргъ!

Кровь бросилась въ лицо нѣмцу.

— Вы шутите! — сказалъ онъ наконецъ.

— Да совсѣмъ нѣтъ!—запротестовалъ Чисхольмъ.—Обращаюсь къ нашему общему другу, держащему нейтралитетъ. Развѣ не такъ, Коббъ?

Американецъ кивнулъ головой и усмѣхнулся.

— Только я не знаю, кто будетъ исполнять здѣсь, въ Міату, военные законы,—прибавилъ онъ.—Кто возьметъ его подъ стражу?

— Если нѣтъ никого другого, то я,— сказалъ спокойно Чисхольмъ.

Коббъ взглянулъ на говорившаго. Въ его глазахъ въ первый разъ мелькнуло выраженіе неудовольствія.

— Не затѣвайте ссоры, Чисхольмъ,— сказалъ онъ строго.—Вы даже не знаете, хочетъ ли вообще Цваргъ уѣзжать изъ Міату и сражаться?

— Этого я не знаю. Но я хочу быть увѣреннымъ, что онъ не можетъ этого сдѣлать,—отвѣтилъ Чисхольмъ.—Я долженъ взять эту обязанность на себя до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь не пріѣдетъ и не освободитъ меня отъ нея.

— Ну, а тогда что?

— Тогда я буду свободенъ.

— Чтобы ѣхать драться?

— Надѣюсь!

Коббъ казался недовольнымъ.

— Изо всѣхъ...—началъ онъ.

Но Чисхольмъ перебилъ его:

— Я увѣренъ, что вы сдѣлали бы то же самое, будь вы на моемъ мѣстѣ, вы, старый лицемѣръ!

— Слушайте,—сказалъ Коббъ.—Вы не должны разрушать гармонію, царящую на этомъ благословенномъ островѣ изъ-за войны, которая происходитъ на другомъ концѣ свѣта. Предположимъ, что Цваргъ дастъ свое слово не...

— Онъ не захочетъ,—перебилъ опять Чисхольмъ.

— Почему вы знаете?

— Спросите его.

Коббъ повернулся къ Цваргу. Тотъ стоялъ суровый и взволнованный.

— Мистеръ Чисхольмъ правъ,—сказалъ онъ съ большимъ достоинствомъ.— Я не даю слова.

— Вотъ видите! — закричалъ Чисхольмъ.—И кто будетъ порицать его за это? Къ тому же я не повѣрилъ бы слову германца.

На лицѣ у Цварга замѣтно надулись жилы. Онъ сжалъ кулаки.

— Посмотрите, какъ мы въ сущности понимаемъ другъ друга! — воскликнулъ Чисхольмъ весело. — Что вы скажете на это, Коббъ?

Американецъ замахалъ руками, какъ будто отбиваясь отъ цѣлаго облака москитовъ.

— Ради Бога!—взмолился онъ.—Вы

не въ Бельгіи. Почему вы не можете притти къ какому-нибудь соглашенію здѣсь, въ Міату, какъ два цивилизованныхъ существа. Пока вы доѣдете до Европы, война кончится, а если и нѣтъ, то что вы тамъ оба измѣните?

— Я думаю, что мы съ Цваргомъ понимаемъ другъ друга лучше, чѣмъ вы понимаете насъ, — отвѣтилъ Чисхольмъ. — Ваши совѣты, можетъ-быть, идутъ отъ самаго сердца, но для насъ это все пустыя слова. Не такъ ли, Цваргъ?

Нѣмецъ кивнулъ головой.

— Какъ бы то ни было, мы не можемъ сидѣть сложа руки. Намъ нужно дѣлать то, что велитъ намъ долгъ. У Цварга справедливое и опредѣленное желаніе ѣхать на фронтъ. Я долженъ противодѣйствовать ему. Что вы можете сказать на это? Мы желаемъ воевать, а вы будете сидѣть смирно и смотрѣть на насъ. Во всякомъ случаѣ благодарю за совѣтъ. Прощайте!

Чисхольмъ всталъ и протянулъ руку.

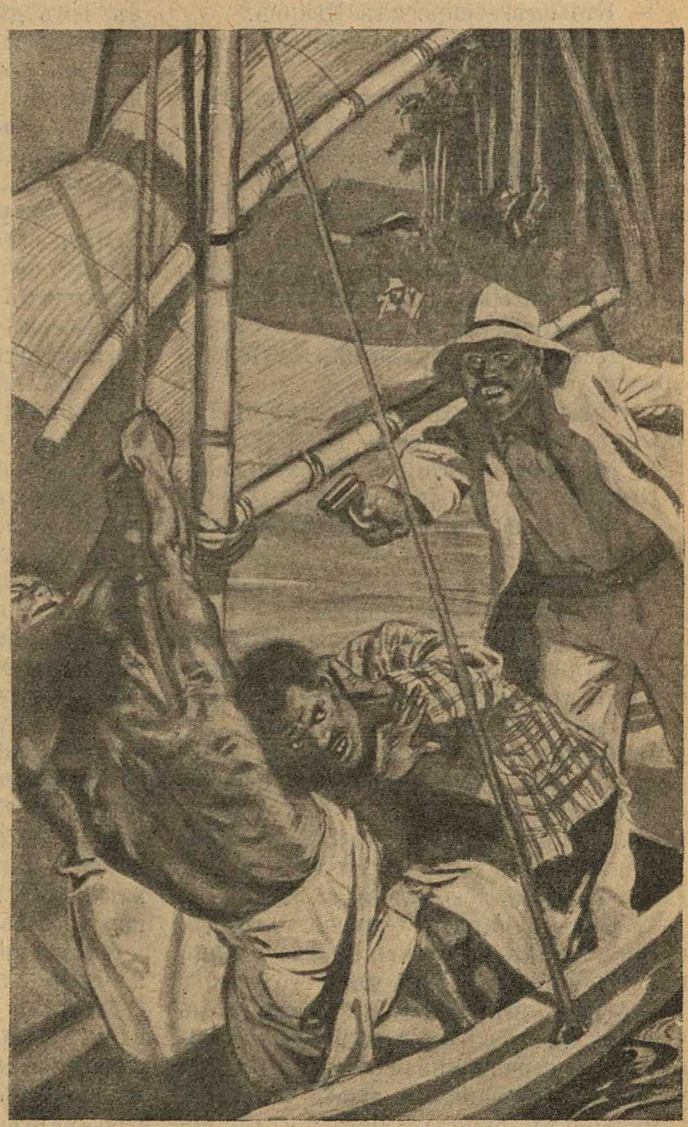
— А что вы предполагаете дѣлать въ ближайшемъ будущемъ? — спросилъ жалобно Коббъ.

— Это ужъ наше дѣло!—отвѣтилъ Чисхольмъ, сходя съ веранды.

Скоро онъ скрылся за пальмами.

Послѣ нѣсколькихъ отрывочныхъ замѣчаній Цваргъ рѣшилъ тоже уйти. Сказать правду, поведеніе Чисхольма безпокоило его больше, чѣмъ онъ сознавался самому себѣ; не потому, что Чисхольмъ хотѣлъ помѣшать его планамъ, — ничто и никто не могъ бы сдѣлать этого — но потому, что онъ не могъ съ увѣренностью сказать, какъ далеко пойдетъ англичанинъ въ своемъ стремленіи стать ему поперекъ дороги. Былъ только одинъ путь избѣгнуть этого.

На другое утро въ шесть часовъ, во время высокаго прилива, Цваргъ

Цваргъ бросился къ рулю и съ ругательствами угрожалъ туземцамъ револьверомъ.

послалъ своего слугу приготовить катеръ къ плаванію. Самъ онъ посматривалъ на берегъ изъ окна своего дома и дѣлалъ послѣднія приготовленія къ отъѣзду. Онъ рѣшилъ бѣжать.

Минутъ пять спустя онъ услышалъ выстрѣлъ; въ ту же минуту къ нему вбѣжалъ испуганный слуга.

— Онъ стрѣляетъ!—едва проговорилъ онъ, запыхавшись.

— Кто онъ?—спросилъ Цваргъ.

— Онъ, мисси Чисхольмъ! Онъ говоритъ, нельзя ѣхать.

Цваргъ поспѣшилъ на берегъ. Чисхольмъ сидѣлъ подъ пальмой съ ружьемъ и съ собакой и курилъ трубку.

— Жалѣю, что напугалъ васъ, — весело сказалъ онъ приближавшемуся Цваргу.—Мнѣ кажется, произошло недоразумѣніе. Они хотѣли приготовить вашъ катеръ и не сразу послушались меня.

— Вы стрѣляли въ нихъ?

— Не совсѣмъ въ нихъ. На цѣлый аршинъ въ сторону.

— И вы будете стрѣлять, если я пойду самъ приготовлять свой катеръ?

— Конечно,—отвѣтилъ Чисхольмъ.

Ни минуты не колеблясь, Цваргъ повернулся и пошелъ къ пристани. Чисхольмъ подождалъ, пока Цваргъ не подошелъ къ берегу, и тогда выстрѣлилъ въ катеръ у ватерлиніи.

Цваргъ посмотрѣлъ на повреждёніе и пошелъ обратно. Онъ прошелъ прямо къ себѣ въ домъ; снялъ ружье и зарядилъ его. Чисхольмъ продолжалъ сидѣть подъ пальмой, наблюдая за катеромъ. Цваргъ снова вышелъ на берегъ, прицѣлился и выстрѣлилъ въ голову Роко. Потомъ вернулся опять къ себѣ.

Минуту Чисхольмъ сидѣлъ молча, глядя на пробитую голову собаки.

— Бѣдный старикъ!—прошепталъ онъ, потомъ всталъ и оттащилъ тѣло собаки подъ бананъ, гдѣ и зарылъ его.

Не успѣлъ онъ покончить съ этимъ, какъ увидѣлъ своего слугу Джонни, бѣжавшаго къ берегу, размахивая руками. Джонни указывалъ на западъ и что-то кричалъ.

Чисхольмъ понялъ. Менѣе чѣмъ черезъ пять минутъ онъ былъ уже въ сѣдлѣ и мчался, какъ бѣшеный по острову. Онъ поспѣлъ какъ разъ во-время. Быстро соскочилъ съ лошади, привязалъ ее къ пальмѣ, а самъ побѣжалъ къ берегу, поросшему тростникомъ.

Цваргъ стоялъ въ лодкѣ, принадлежавшей кому-то изъ туземцевъ, и готовился къ отплытію.

— Назадъ!—крикнулъ Чисхольмъ, приставивъ руки ко рту.

Цваргъ вздрогнулъ, оскорбленный этимъ приказаніемъ, и сталъ оглядываться по сторонамъ. Когда онъ понялъ, въ чемъ дѣло, онъ сталъ торопить матросовъ и приказалъ поднять паруса. Парусъ сталъ медленно расправляться на мачтѣ. Когда онъ надуется, лодка пойдетъ быстрѣе.

— Були приказываетъ вамъ воротиться! — крикнулъ Чисхольмъ матросамъ на туземномъ языкѣ.

Матросы пріостановили работу, но только на минуту. Цваргъ выхватилъ револьверъ и сталъ угрожать туземцамъ. Чисхольмъ услышалъ рѣзкіе гортанные звуки, трескъ блоковъ и увидѣлъ, какъ надулся парусъ на вѣтру. Онъ сталъ раздумывать, какъ бы ему выстрѣлить въ лодку, не попадая въ людей. Но прежде чѣмъ онъ открылъ огонь, на лодкѣ произошло смятеніе, туземцы, толкая другъ друга, столпились въ серединѣ.

Цваргъ стоялъ у руля, произнося нечленораздѣльные звуки и потрясая револьверомъ. Лодка отплывала. Тогда Чисхольмъ выпустилъ весь зарядъ и прострѣлилъ въ лодкѣ большую дыру. Онъ опустилъ ружье и подождалъ, пока негры съ испуганными лицами спускали парусъ. Скоро лодка стала приближаться къ берегу.

Цваргъ былъ взбѣшенъ, но владѣлъ собой. Чисхольму понравилось это. Спокойно и рѣшительно Цваргъ выскочилъ изъ лодки прямо въ воду и смѣло вышелъ на берегъ.

Чисхольмъ слѣдилъ за нимъ, пока онъ не скрылся изъ виду въ концѣ аллеи. Онъ сталъ набивать себѣ трубку, какъ вдругъ услышалъ свистъ пули, прожужжавшей около него и шлепнувшейся въ песокъ. Онъ повернулся, успѣлъ разглядѣть что-то бѣлое въ зеленой чащѣ и тотчасъ же опустился на колѣни, чтобы скрыться въ тростникѣ.

Ему было жаль, что дѣло зашло такъ далеко. Но теперь ужъ нельзя было останавливаться на полдорогѣ. Онъ подползъ къ другому концу тростниковой заросли и увидѣлъ оттуда Цварга, спрятавшагося за деревомъ. Чисхольмъ выстрѣлилъ, но не попалъ.

Цваргъ быстро перемѣнилъ мѣсто и спрятался за другое дерево, скрывшее его совершенно.

Все, что случилось потомъ, Чисхольмъ никогда не узналъ съ достовѣрностью. Его лѣвая рука вдругъ онѣмѣла отъ локтя до кисти. Но у него хватило присутствія духа, чтобы спустить курокъ, прицѣлившись въ кустъ, за которымъ скрывался непріятель. Онъ смутно припоминалъ, что откуда-то вдругъ появилось привидѣніе, длинное, тонкое, бѣлое привидѣніе, которое махало бѣлымъ платкомъ и приближалось къ нему, дѣлая какія-то странныя движенія руками, какъ будто собираясь взлетѣть.

— Сумасшедшій вы человѣкъ!—произнесло привидѣніе.—Слышите, вы застрѣлили его!

— Да? Я и хотѣлъ это сдѣлать!—проговорилъ мрачно Чисхольмъ.

— Но вы убили его—понимаете, убили!

Только сейчасъ Чисхольмъ узналъ въ привидѣніи Кобба — Кобба съ блѣднымъ разстроеннымъ лицомъ, мокраго отъ пота. Потомъ онъ вспомнилъ, что очутился у себя дома. Онъ сидѣлъ на постели, а передъ нимъ стоялъ Коббъ и Джонни съ вѣткой пальмы въ рукахъ вмѣсто вѣера . Американецъ продолжалъ все тотъ же разговоръ.

— Вы убили его, Чисхольмъ,—говорилъ онъ серьезно и печально.

— Очень жаль, — пробормоталъ Чисхольмъ, такъ какъ совершенно не зналъ, что отвѣчать Коббу.

— Я тоже это говорю. Вы можете встать ?

Чисхольмъ моментально очутился на ногахъ и встряхнулся.

— Почему же нѣтъ? Что это такое со мной? — спросилъ онъ.

— Не спрашивайте меня. Случилось достаточно такого, отъ чего можно потерять голову.

— Потерять голову? Ахъ, да!

Чисхольмъ посмотрѣлъ на свою лѣвую руку. Рукавъ былъ въ крови.

— Но я хочу сказать...

— Вамъ нѣтъ надобности что-либо говорить, — перебилъ его Коббъ. — Вы просто уѣдете отсюда. Это вѣдь убійство, и вы должны бѣжать.

— Я не желаю бѣжать,—проворчалъ Чисхольмъ. —Это не убійство — застрѣлить плѣнника, когда онъ... когда онъ стрѣляетъ въ васъ.

Коббъ взмахнулъ руками.

— Вы убили человѣка, здѣсь, въ Міату, — заговорилъ онъ снова убѣжденно. — Я только что вернулся съ его похоронъ, если вамъ это интересно знать, и повторяю: вамъ ничего не остается, какъ только уѣхать. Уѣзжайте! Уѣзжайте на фронтъ. Тамъ вы можете продолжать рѣзню и убійства и тамъ это больше оцѣнятъ.

Чисхольмъ зло улыбнулся.

— Вы хорошій человѣкъ, Коббъ,— сказалъ онъ.—Да, я поѣду теперь.

Черезъ часъ онъ уже сидѣлъ на своемъ катерѣ, а Коббъ мчался вдоль берега.

Цваргъ ходилъ взадъ и впередъ по его верандѣ, равномѣрно постукивая каблуками.

— Все устроилось,—едва выговорилъ запыхавшійся Коббъ, бросаясь въ кресло и вытирая мокрый лобъ.

Цваргъ остановился около него.

— Ахъ! Мнѣ очень жаль,—сказалъ онъ. —Я не желалъ причинять никакого вреда мистеру Чисхольму. Но онъ самъ виноватъ.

— Конечно, — согласился Коббъ.— Но дѣло въ томъ, что вамъ нужно какъ можно скорѣе убираться.

— Я ничего больше и не желаю,— сказалъ Цваргъ.—Вѣдь все дѣло вышло изъ-за того...

— Что вы убили Чисхольма! Да, совершенно вѣрно. А теперь спѣшите!

Ночью Цваргъ законопатилъ отверстіе въ борту катера, а на слѣдующее утро на западѣ виднѣлось тусклое пятно, направлявшееся къ германскому острову Самоа.

Коббъ стоялъ на своей верандѣ и слѣдилъ, какъ пятно понемногу тускнѣло, пока совсѣмъ не исчезло. Тогда онъ бросился въ свое любимое кресло съ невыразимымъ облегченіемъ.

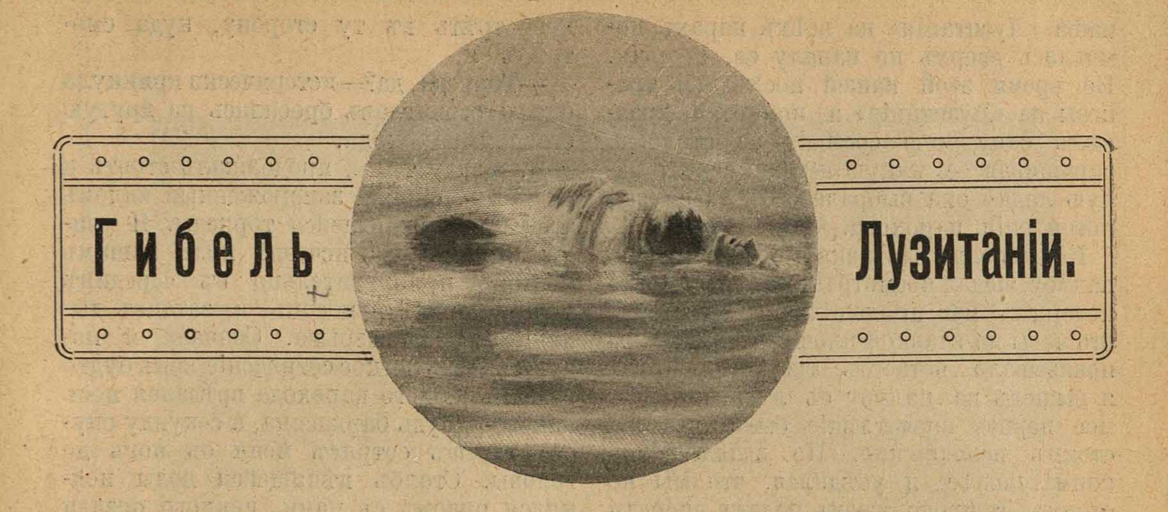
— Ухъ! — вздохнулъ онъ. — Мнѣ кажется, что я достаточно строго соблюдалъ во всемъ этомъ дѣлѣ нейтралитетъ. А хотѣлось бы мнѣ знать, что, если они встрѣтятся тамъ, на фронтѣ?..

Геройскій подвигъ на холмѣ „60".

Въ ночь съ 20 на 21 апрѣля германцы съ особенной силой обстрѣливали высоту «60» и затѣмъ съ наступленіемъ полной тьмы повели на нее атаку. Единственный офицеръ, находившійся въ траншеяхъ, лейтенантъ Воллей съ непоколебимой стойкостью и мужествомъ встрѣчалъ атаки непріятеля и, несмотря на его численное превосходство и жестокій огонь, отразилъ ихъ всѣ. Онъ все время находился впереди солдатъ, ободрялъ ихъ, распоряжался съ необычайнымъ присутствіемъ духа и все время бросалъ въ непріятельскіе ряды ручныя гранаты. Высота «60» продержалась до тѣхъ поръ, пока пришедшее подкрѣпленіе не опрокинуло врага. Мужественный защитникъ ея получилъ крестъ Викторіи за выдающуюся храбрость.

Правда о гибели «Лузитаніи».

(По впечатлѣніямъ очевидца.)

Потопленіе «Лузитаніи», пущенной 7-го мая новаго стиля ко дну германской подводной лодкой вблизи береговъ Ирландіи, вызвало во всемъ мірѣ взрывъ возмущенія и негодованія. Въ нижеслѣдующей статьѣ извѣстный артистъ англійской оперы, мистеръ Оливеръ Бернардъ, бывшій въ числѣ пассажировъ «Лузитаніи», даетъ правдивое описаніе этой ужасной катастрофы.

«Лузитанія» должна была покинуть Нью-Йоркъ 1-го мая въ 10 часовъ утра. Мы переживаемъ тяжелыя времена, и поэтому нашъ отъѣздъ былъ не такимъ веселымъ, какъ обыкновенно бываетъ, когда провожаютъ родныхъ и знакомыхъ въ Европу. И общее напряженное настроеніе еще усилилось, когда намъ пришлось простоять три лишнихъ часа, чтобы принять пассажировъ съ «Камероніи», очередный рейсъ которой пароходное общество неожиданно отмѣнило.

Переѣздъ черезъ океанъ былъ удачный, погода стояла все время тихая, и мы спокойно шли себѣ со скоростью восемнадцати узловъ въ часъ до рокового дня пятницы, когда мы приблизились уже къ берегамъ Ирландіи. Въ этотъ день мы оказались утромъ въ полосѣ тумана, и наша скорость была уменьшена до десяти узловъ въ часъ. Непрерывный ревъ сирены нашего парохода могъ лишь усилить страхи, связанные съ «опасной зоной», въ которую мы теперь вступили, такъ какъ этотъ ревъ возвѣщалъ о нашемъ приближеніи не только друзьямъ, но и врагамъ.

Къ полудню мы вышли изъ тумана и увидѣли очертанія ирландскаго берега. Однако наша скорость не была увеличена настолько, какъ этого со страхомъ и надеждой ожидали пассажиры. Во все время нашего переѣзда черезъ океанъ работали только три топки за разъ. И теперь тоже только изъ трехъ трубъ выходилъ дымъ, хотя паровыя трубы выбрасывали цѣлыя облака пара. Мы подвигались впередъ до странности медленно, и многіе пассажиры, въ томъ числѣ и я, полагали, что мы поджидаемъ военныхъ судовъ, которые должны конвоировать насъ. По моему мнѣнію, мы дѣлали не больше двѣнадцати узловъ въ часъ.

Пассажиры были возбуждены, какъ это всегда бываетъ, когда путешествіе близится къ концу, а въ данномъ случаѣ, вполнѣ естественно, это возбужденіе носило особый характеръ. Во время завтрака за столомъ только и было разговоровъ, что о возможности нападенія подводной лодки, и всѣ жаждали, чтобы

наша «Лузитанія» на всѣхъ парахъ помчалась вверхъ по каналу св. Георгія. Во время этой нашей послѣдней трапезы на «Лузитаніи» я, помнится, дразнилъ одну мою сосѣдку за столомъ, спрашивая ее, какую именно спасательную лодку она выбрала себѣ на случай потопленія парохода.

Когда послѣ завтрака я поднимался на палубу, желая посмотрѣть на берега, мимо которыхъ мы проходили, я замѣтилъ, что часы на главной площадкѣ лѣстницы показывали четверть третьяго. Когда я вышелъ на палубу съ лѣваго борта, мое первое впечатлѣніе было, что мы стоимъ неподвижно. Но вглядѣвшись внимательнѣе, я убѣдился, что мы не стоимъ, а продолжаемъ ползти впередъ параллельно далекому берегу. Досадуя на нашъ медленный ходъ, я перешелъ на правую сторону и зашагалъ къ кормѣ, пока не дошелъ до веранды-кофейни.

Тутъ мое вниманіе внезапно привлекъ какой-то предметъ на водѣ, который находился ярдахъ въ 200 отъ насъ справа. Онъ сверкалъ на солнцѣ и напоминалъ хвостъ дельфина, стоящій торчкомъ въ водѣ. При этомъ онъ дѣлалъ, повидимому, какія-то движенія, вспѣнивавшія воду. А впереди него, на водѣ, внезапно появились пузыри, точно снизу выпустили много воздуху. Тутъ я замѣтилъ, что этотъ предметъ приближается къ намъ, но когда пузыри на водѣ опали, онъ тоже исчезъ.

Я уже рѣшилъ было, что это попросту шалилъ молодой китъ, когда вдругъ увидѣлъ бѣлую линію пѣны, съ той стороны, гдѣ исчезъ этотъ загадочный предметъ. Съ каждой секундой она становилась длиннѣе и яснѣе на темной глади воды, какъ будто быстро приближалась къ намъ. Жуткое предчувствіе сжало мнѣ сердце, когда я узналъ въ этой линіи слѣдъ торпеды. Двое другихъ пассажировъ, которые прогуливались по палубѣ, тоже внезапно остановились какъ вкопанные и уставились на эту зловѣщую линію пѣны, которая уже была видна простымъ глазомъ.

Какая-то дама, шедшая впереди нихъ, ничего не замѣтила, пока не дошла до меня, но тутъ, я думаю, выраженіе моего лица заставило ее повернуться и посмотрѣть въ ту сторону, куда смотрѣлъ я.

—Торпеда, да?—истерически крикнула она и стремглавъ бросилась на другую сторону парохода.

Я, между тѣмъ, продолжалъ стоять и смотрѣть, словно завороженный видомъ этой приближающейся торпеды. Я увидѣлъ, какъ она исчезла подъ нашимъ бортомъ приблизительно въ серединѣ между кормой и носомъ, и, затаивъ дыханіе, ждалъ взрыва. Сначала я почувствовалъ легкое сотрясеніе, какъ будто въ бокъ нашего парохода врѣзался носъ какого-нибудь баркасика, а секунду спустя взрывъ сотрясъ меня съ ногъ до головы. Столбъ пѣнящейся воды поднялся рядомъ съ нами, немного позади капитанскаго мостика. А изъ отверстія въ палубѣ, какъ изъ вулкана, взлетѣлъ къ небу столбъ обломковъ.

Торпеда попала прямо въ наше котельное отдѣленіе.

Зловѣщій гулъ и грохотъ въ нѣдрахъ нашего парохода подтвердилъ это, когда мы тутъ же начали вдругъ крениться на правый бокъ, какъ будто нашъ колоссъ-пароходъ стоялъ въ сухомъ докѣ, и неожиданно обрушились подпоры, поддерживавшія его съ правой стороны.

Изъ огромныхъ вентиляторовъ между дымовыми трубами вырывались паръ и вода. Уголь и всякіе обломки дождемъ сыпались теперь назадъ съ неба на заднюю палубу. Я побѣжалъ въ кофейню, чтобы найти тамъ защиту, когда огромный столбъ воды обрушился на веранду и наполнилъ тентъ, который былъ натянутъ между верандой и кормовыми перилами. Казалось, что крыша кофейни не выдержитъ тяжести этой воды и сейчасъ рухнетъ на людей, которые растерянно бѣгали взадъ и впередъ.

Всѣ кинулись на лѣвую сторону парохода. Слышались крики:

— Вотъ!.. Случилось!.. Насъ взорвали!.. Что намъ дѣлать?.. Что намъ дѣлать?..

Я бѣжалъ по палубѣ, обѣгая толпы, тѣснившіяся вокругъ спасательныхъ лодокъ. Въ одномъ мѣстѣ я замѣтилъ, какъ матросы вышвырнули изъ лодки какого-то темнолицаго субъекта, забравшагося въ нее раньше, чѣмъ ее спустили

Полоса бѣлой пѣны быстро приближалась къ судну.

до уровня палубы для женщинъ и дѣтей.

Видъ того, что происходило у лодокъ, убѣдилъ меня, что трудно надѣяться благополучно спуститься на воду въ одной изъ нихъ. Одну лодку спустили съ такимъ наклономъ, что всѣ, сидѣвшіе въ ней, попадали въ море. Другая сорвалась съ блоковъ и уплыла пустая. У многихъ спускные канаты запутывались, и лодки разбивались о бокъ парохода. Не скажу, чтобы среди пассажировъ и экипажа происходила настоящая паника. Неписанный законъ «дѣти и женщины впередъ» строго соблюдался. Но вслѣдствіе того, что спускъ спасательныхъ лодокъ происходилъ такъ неудачно, дѣло грозило принять для всѣхъ плохой оборотъ.

Во время нашего путешествія мы три раза были свидѣтелями учебныхъ маневровъ съ спасательными лодками. Заключались они въ слѣдующемъ. Въ отвѣтъ на сигнальный призывъ рожка съ десятокъ матросовъ и одинъ боцманъ прибѣгали и выстраивались одни на палубѣ передъ одной изъ спасательныхъ лодокъ, а другіе у спускныхъ канатовъ. Потомъ, по командѣ, первые быстро карабкались по боканцамъ въ лодку, киль которой, когда она висѣла, находился отъ палубы на высотѣ человѣческаго роста.

Въ лодкѣ они стояли одно мгновеніе съ веслами наготовѣ, потомъ садились на гребныя скамейки, готовые къ спуску. Этимъ все кончалось. По новой командѣ они спускались назадъ на палубу и возвращались къ своимъ обязанностямъ. Ни разу во время этихъ «учебныхъ маневровъ» лодки не спускали даже хотя бы до уровня палубы, чтобы принять пассажировъ, поэтому матросы фактически не имѣли никакой практики въ самомъ спускѣ спасательныхъ лодокъ, что важнѣе всего при катастрофахъ.

Среди всего экипажа «Лузитаніи» я замѣтилъ, пожалуй, только трехъ матросовъ, которыхъ можно было по совѣсти назвать настоящими моряками. Остальные же были или слишкомъ стары или не обладали нужными знаніями и сноровкой.

Одна черта, отмѣченная какъ правило при всѣхъ другихъ крупныхъ катастрофахъ съ пассажирскими пароходами, ярко обнаружилась и во время гибели «Лузитаніи». Я говорю о самоотверженности пароходной прислуги, официантовъ и лакеевъ, которые такъ энергично помогали спускать лодки и усаживать въ нихъ пассажировъ, что вполнѣ заслуживаютъ всю похвалу, которую можно присудить за дѣло спасанія людей въ этотъ страшный часъ.

Капитанъ Андерсонъ бѣжалъ по палубѣ, крича матросамъ, чтобы они дѣйствовали осторожнѣе и смотрѣли внимательнѣе. Я лично не сомнѣвался, что мнѣ придется очутиться въ водѣ раньше, чѣмъ въ какой-нибудь лодкѣ. Чтобы лучше сообразить, какъ поступить, я побѣжалъ къ лѣстницѣ, ведущей на верхнюю палубу, откуда можно было лучше видѣть все. Въ дверяхъ столовой я замѣтилъ Вандербильта, который стоялъ и смотрѣлъ на все происходящее съ интересомъ и любопытствомъ. Въ одной рукѣ онъ держалъ красный кожаный нессесеръ, въ какихъ носятъ драгоцѣнности, другою курилъ папиросу, точно спокойно поджидалъ поѣзда.

Мимо насъ прошелъ кочегаръ, шатаясь какъ пьяный... На головѣ у него зіяла огромная рана, глаза смотрѣли безсмысленно, и красныя струйки крови текли по его черному лицу.

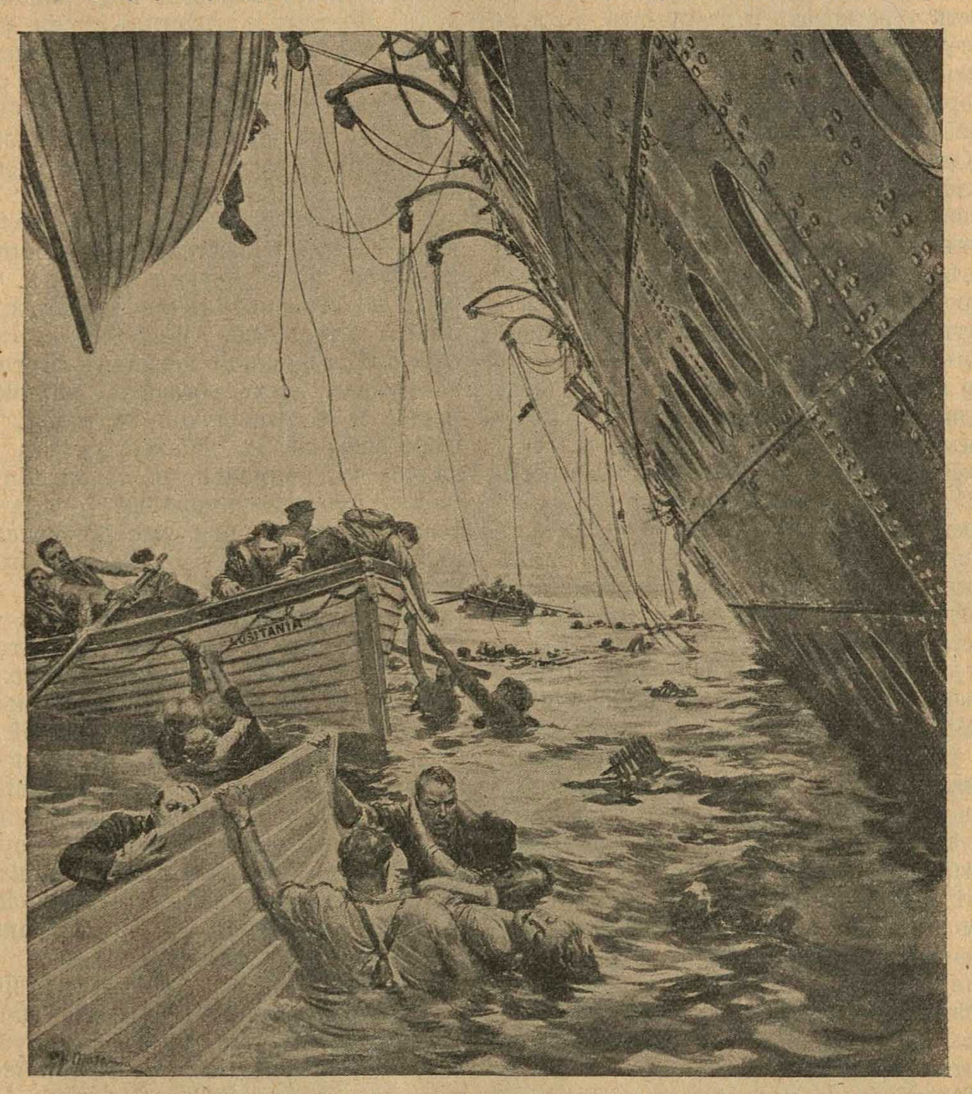
Поднявшись на верхнюю палубу, которая мнѣ показалась совершенно безлюдной, я подбѣжалъ къ периламъ правой стороны. Официанты внизу изо всѣхъ силъ старались спустить лодки на этой сторонѣ, гдѣ людей было меньше. Одна лодка уже висѣла носомъ внизъ, застрявъ въ блокахъ. Другіе были приведены въ негодность иначе. Уголъ крена составлялъ уже около 15^0 и «Лузитанія» значительно погрузилась въ воду съ этой стороны, съ наклономъ къ носу градусовъ на 10.

Въ водѣ, ярдахъ въ двухстахъ отъ насъ, я увидѣлъ человѣка, который спокойно плылъ на спинѣ, безъ всякой одежды, очевидно вполнѣ довольный своей судьбой и поджидая, чтобы съ парохода благополучно спустили какую-нибудь лодку. Вдохновленный его примѣромъ, я тоже быстро

сбросилъ съ себя пиджакъ, жилетъ, воротничекъ и галстукъ, но по какой-то странной силѣ привычки аккуратно сложилъ ихъ у подножія третьей трубы.

Въ эту минуту я увидѣлъ въ кабинкѣ безпроволочнаго телеграфа обоихъ нашихъ «марконистовъ» и подошелъ къ нимъ. Они пользовались запаснымъ аппаратомъ, такъ какъ главный пересталъ дѣйствовать съ момента взрыва, когда хлынувшая вода загасила топки,— всѣ машины остановились, электрическій токъ прекратился, и всѣ огни погасли.

Такимъ образомъ стальной колоссъ въ 40.000 тоннъ былъ пущенъ ко дну одной единственной торпедой. Правда, нѣкоторые свидѣтели утверждали на слѣдствіи, будто видѣли двѣ торпеды, а иные говорили даже о трехъ. Какъ они описывали дѣйствіе этой второй и третьей торпеды, я не знаю. Меня не пригласили дать показанія, хотя я предложилъ это сдѣлать. Но я могу сказать, что я видѣлъ *одну* торпеду, выпущенную на разстояніи ярдовъ полтораста отъ насъ; видѣлъ, какъ она попала въ

Тонувшіе пассажиры цѣплялись за лодки: многіе спасали женщинъ, не умѣвшихъ плавать.

насъ приблизительно на линіи между второй и третьей трубой, и что я ясно почувствовалъ толчокъ удара, а затѣмъ взрывъ, вызванный этой одной торпедой. А такъ какъ я вполнѣ сохранилъ способность чувствовать и наблюдать, то я не могу себѣ представить, чтобы я не замѣтилъ, какъ въ «Лузитанію» попали вторая и третья торпеды, если бы таковыя дѣйствительно попали въ насъ.

Одинъ изъ марконистовъ быстро посылалъ въ пространство призывы о помощи. А его товарищъ, добродушный сынъ сѣвера, сталъ разговаривать со мной, завѣряя меня, что кругомъ здѣсь масса пароходовъ, которые немедленно поспѣшатъ къ намъ на помощь. Утѣшеніе тѣмъ болѣе пріятное для меня, что въ эту минуту нигдѣ на горизонтѣ не было видно ни одного дымка, а я не способенъ былъ проплыть и десятка шаговъ.

«Лузитанія» стояла на томъ же мѣстѣ, гдѣ въ нее попала мина, параллельно берегу, который находился миляхъ въ девяти отъ насъ съ лѣваго борта. Одинъ инженеръ пробѣжалъ черезъ нашу палубу и въ отвѣтъ на вопросъ телеграфиста крикнулъ:

— Непроницаемыя переборки цѣлы, совершенно цѣлы, не безпокойтесь.

Мы съ телеграфистомъ переглянулись съ улыбкой при этомъ категорическомъ заявленіи. Уголъ крена «Лузитаніи» быстро увеличивался по мѣрѣ того, какъ «Лузитанія» погружалась въ воду, носомъ впередъ. Мы напряженно ожидали отвѣта на призывы нашего телеграфа о помощи. Черезъ нѣсколько секундъ, показавшихся намъ цѣлой вѣчностью, одинъ отвѣтъ пришелъ, наконецъ, а затѣмъ аппаратъ пересталъ дѣйствовать, такъ какъ проволока сорвалась съ мачты.

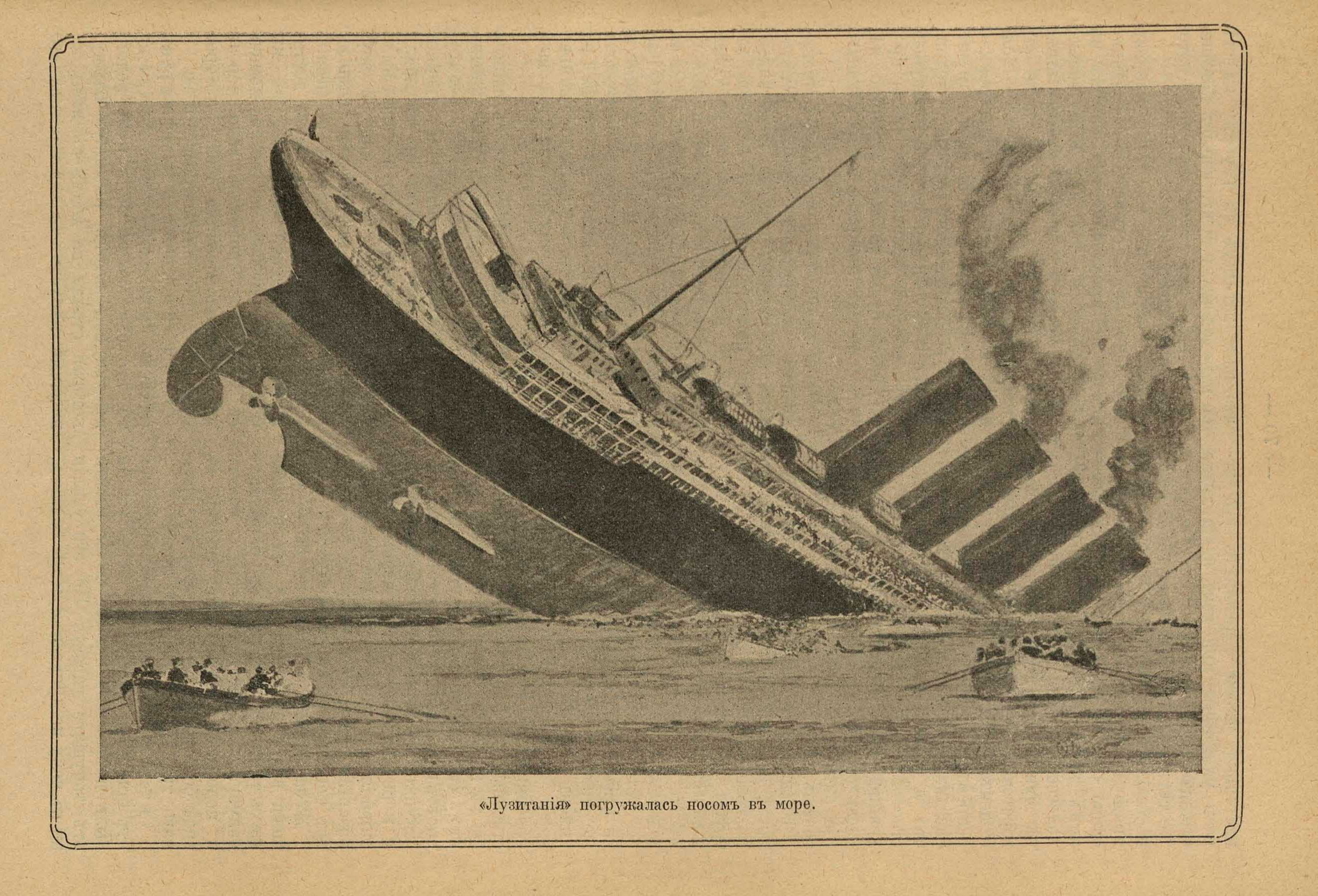
Телеграфистъ поднялся со своего винтового стула и черезъ дверь кабинки толкнулъ его въ мою сторону, какъ будто предлагая его мнѣ, чтобы я могъ спокойно посидѣть послѣднія минуты, которыя намъ осталось пробыть надъ водой. А самъ онъ досталъ небольшой фотографическій аппаратъ; несмотря на неудобный уголъ наклона, ему удалось сдѣлать моментальный снимокъ сцены впереди.

Носъ «Лузитаніи» тѣмъ временемъ уже началъ исчезать подъ водой, и я не чувствовалъ никакого желанія сидѣть. Не вѣрилъ я также, чтобы винтовой стулъ могъ служить хорошей поддержкой въ водѣ. Поэтому я отпустилъ стулъ, и онъ покатился на своихъ ножкахъ внизъ по уклону, а я, будучи не въ силахъ удержаться на мѣстѣ, такъ какъ палуба теперь быстро принимала вертикальное положеніе, волей-неволей послѣдовалъ за нимъ.

Отъ роковото, можетъ-быть, паденія меня спасла балюстрада правобортьой лѣстницы, на которую я налетѣлъ. Сбѣжать по ступенькамъ при такомъ кренѣ было немыслимо, поэтому я сталъ спускаться внязъ по периламъ лѣстницы па рукахъ, какъ обезьяна, спиной къ морю, и благополучно очутился, ногами впередъ, на нижней палубѣ. Эта палуба въ нормальномъ положеніи отстоитъ отъ ватерлиніи на сорокъ футовъ, теперь же она уже погружалась въ воду, когда я повернулся, чтобы кинуться въ море.

Прямо передъ собой я увидѣлъ спасательную лодку. Ее никто не пытался спустить, но благодаря крену парохода она стояла на водѣ, продолжая висѣть на боканцахъ, которые съ каждой секундой все ближе наклонялись къ водѣ. Бумажникъ съ деньгами, лежавшій у меня въ карманѣ, я бросилъ въ эту лодку, прежде чѣмъ самъ кинулся въ море и поплылъ къ ней. Когда я вскарабкался въ нее, тамъ уже было еще нѣсколько человѣкъ, взобравшихся на нее раньше меня. Но одну минуту казалось, что эта лодка, безъ которой я навѣрное погибъ бы, станетъ орудіемъ гибели всѣхъ насъ. Едва мы успѣли перерубить канаты, привязывавшіе ее къ тонущему пароходу—ровно за секунду передъ тѣмъ какъ боканцы окончательно исчезли подъ водой,—когда вдругъ насъ зацѣпилъ одинъ изъ стальныхъ троссовъ, которые держали трубу, между тѣмъ какъ огромная верхняя палуба «Лузитаніи» грозно склонилась надъ нами.

Наше положеніе было отчаянное, и только напрягши всѣ силы намъ удалось кое-какъ освободиться отъ этого щупальца смерти, приподнявъ троссъ

«Лузитанія» погружалась носомъ въ море.

настолько, чтобы перекинуть его черезъ уключины, при чемъ наша лодка страшно накренилась на одну сторону. Но тутъ мы очутились подъ новой опасностью. Третья по счету труба висѣла прямо надъ нашими головами. Никогда слово «труба» не казалось болѣе жалкимъ названіемъ для этихъ черныхъ колоссовъ, чѣмъ въ ту минуту, когда мы чувствовали себя подъ ними какъ горсточка мухъ на пути обрушивающихся башенъ. Такъ и казалось, что труба непремѣнно сорвется съ парохода и раздавитъ насъ подъ собой. Помнится, что я даже испыталъ какое-то чувство облегченія при мысли, что мы, по крайней мѣрѣ, умремъ сразу и будемъ избавлены отъ мучительной долгой агоніи смерти, которая неизбѣжна, когда тонешь.

Наша жизнь висѣла на волоскѣ. Вопросъ заключался въ томъ, выдержатъ ли лѣвобортные троссы тяжесть колосса-трубы. Но и помимо того, если бы «Лузитанія» затонула бокомъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ стояла, она бы неизбѣжно задавила насъ, такъ какъ мы не успѣли бы уйти изъ-подъ нея. Однако этого не произошло. Погружаясь, она въ то же время удалялась влѣво отъ насъ, килемъ впередъ. Я думаю, что это движеніе объясняется огромной боковой поверхностью «Лузитаніи» и соотвѣтственнымъ противодѣйствіемъ воды. Какъ бы то ни было, черезъ нѣсколько жуткихъ секундъ грозныя трубы перестали висѣть надъ нами, а еще черезъ нѣсколько секундъ ихъ верхушки коснулись воды, и море хлынуло въ ихъ черныя пасти, зіявшія какъ отверстія угольныхъ шахтъ, извергая сажу, которую вода выгоняла изъ топокъ вмѣстѣ съ воздухомъ.

Жена одного священника была брошена водой въ одинъ изъ этихъ зіяющихъ туннелей, а когда море наполнило палубу, она была выброшена назадъ и подобрана спасательной лодкой въ видѣ безформеннаго узла мокраго, грязнаго тряпья, но все-таки живая.

Съ того момента, какъ мы освободились отъ стального тросса, всѣ наши усилія были направлены на то, чтобы отойти отъ тонущаго гиганта. Но эти усилія ни къ чему не приводили, и мы боялись, что насъ затянетъ въ глубину вмѣстѣ съ пароходомъ, или что взрывъ котловъ внизу вызоветъ такое волненіе, которое опрокинетъ насъ.

Многіе изъ насъ къ этому времени вели себя какъ сумасшедшіе. Однако ничего не произошло,—ни взрыва ни засасывающаго водоворота. Море только поднялось на нѣсколько футовъ выше своего обычнаго уровня въ видѣ огромной площадки бурлящей воды, волненіе которой какъ бы олицетворяло агонію тонущаго колосса. Ноги, руки, тѣла, всевозможные обломки поднимались и опускались на этой плящущей водѣ, которая производила такое впечатлѣніе, будто шквалъ внезапно началъ хлестать поверхность дремлющаго озера.

Наша лодка была послѣдней, покинувшей «Лузитанію» передъ тѣмъ, какъ она навѣки исчезла подъ водой. Почти половину нашего экипажа составляли кочегары и лакеи, но среди нихъ я замѣтилъ и одного пожилого опытнаго матроса. Мы достали весла и, подобравъ изъ воды всѣхъ, кого мы видѣли кругомъ, медленно направились къ берегу. Наша лодка была нагружена до крайняго предѣла; на кормѣ, на носу людей набралось столько, сколько было возможно только при хорошей погодѣ.

Я сидѣлъ на веслѣ вмѣстѣ съ однимъ официантомъ, маленькимъ тщедушнымъ человѣкомъ, который, однако, обнаружилъ въ эти часы испытанія львиное сердце. Вмѣстѣ съ нимъ мы вытащили изъ воды женщину, лицо которой было такое же зеленое, какъ море, и опустили ее на дно лодки между нашими ногами. Тамъ она лежала съ пѣной у рта въ водѣ, высота которой достигала восемнадцати дюймовъ, но мы фактически ничѣмъ не могли помочь ей. Въ лодку проникала вода черезъ плохо законопаченныя щели, и трое мужчинъ все время вычерпывали ее.

Въ 3 ч. 55 м. по моимъ часамъ на рукѣ (которые продолжали итти, несмотря на то, что одно время были подъ водой) мы увидѣли впереди рыбацкую баржу, которая стояла на мѣстѣ съ вяло обвисшими парусами вслѣдствіе полнаго

отсутствія вѣтра. Къ 5 ч. мы добрались до нея и насъ взяли на бортъ. Еще одна лодка и нѣсколько импровизированныхъ плотовъ присоединились къ намъ и насъ набралось въ общемъ около 140 человѣкъ. Черезъ нѣкоторое время на восточномъ и западномъ горизонтѣ появились дымки, а вскорѣ показались и всевозможные пароходы. Первымъ явился на сцену съ востока одинъ греческій пароходъ, но, не обращая вниманія на наши призывы взять насъ на бортъ, онъ продолжалъ свой путь къ мѣсту катастрофы. Второй пароходикъ, британскій, шедшій на востокъ и тяжело нагруженный, тоже игнорировалъ все—можетъ-быть, разумно.

Наконецъ буксирный пароходъ «Летучая рыба» изъ Квинстауна подошелъ и снялъ насъ съ баржи, которая такъ кстати послужила намъ временнымъ убѣжищемъ. Если бы катастрофа случилась не въ тихій лѣтній день, а ночью и при неспокойномъ морѣ, эта статья не была бы написана и врядъ ли хоть одинъ изъ насъ остался бы въ живыхъ. Многіе получили сильные ушибы. Одна лодка подобрала кочегара, рука котораго висѣла на тонкой полоскѣ кожи. Оказавшійся въ лодкѣ врачъ ампутировалъ ему руку съ помощью занятаго у сосѣда перочиннаго ножа, а неунывающій паціентъ чуть не распѣвалъ черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ отрѣзанная рука была выкинута за бортъ.

Пароходъ снялъ насъ съ баржи въ 6 ч. 55 м. пополудни, и приблизительно въ это же время мы увидѣли четыре миноносца и одинъ вооруженный тралеръ, которые на всѣхъ парахъ спѣшили къ мѣсту катастрофы. Одна женщина воскликнула, когда они пронеслись мимо насъ:

— О, зачѣмъ они не вышли къ намъ навстрѣчу раньше, чѣмъ это случилось!

Одинъ изъ многихъ вопросовъ, которые должны остаться безъ отвѣта.

Необыкновенно пріятно было увидѣть передъ собой огни Квинстоунской гавани и чувствовать, что мы вошли, наконецъ, въ безопасное мѣсто. У пристани произошла небольшая задержка, и любезный старый капитанъ «Летучей рыбы» просилъ насъ имѣть минутку терпѣнія, пока онъ самъ сойдетъ на берегъ и устроитъ нашу дальнѣйшую судьбу.

Этими двумя-тремя минутами задержки одинъ джентльменъ изъ окрестностей Бостона воспользовался для того, чтобы обратиться съ страстной гнѣвной рѣчью къ толпѣ военныхъ и моряковъ, которыхъ мы смутно видѣли на пристани, гдѣ они стояли въ ожиданіи насъ. Краткій отвѣтъ какого-то субъекта въ военной формѣ, лишь подлилъ масла въ огонь. Американецъ взывалъ и къ Небу и къ аду, но чѣмъ неистовѣе и запальчивѣе онъ становился въ своемъ краснорѣчіи, тѣмъ любезнѣе и успокоительнѣе становились отвѣты невидимаго предмета его нападокъ.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого инцидента мы сошли на берегъ. Нѣкоторыхъ, впрочемъ, снесли на берегъ. Мною завладѣлъ флотскій матросъ съ «Венеры», который пожелалъ немедленно стать для меня и отцомъ, и матерью, и братомъ. Представьте себѣ бульдога въ синемъ, помогающаго на главной улицѣ Квинстоуна, передъ толпой глазѣющихъ туземцевъ, вытащенной изъ воды крысѣ!

Сердечнымъ: «Идемте со мною! Смѣлѣй, дружище! Со мной вамъ нечего бояться!» онъ поспѣшилъ влить бодрость въ безпомощнаго и стыдливаго бѣднягу, котораго онъ взялся опекать.

Крѣпко поддерживая меня правой рукой, онъ лѣвой досталъ невѣдомо откуда двѣ папиросы, быстро сунулъ ихъ въ ротъ себѣ и мнѣ, потомъ досталъ изъ тѣхъ же загадочныхъ тайниковъ спички, зажегъ одну обычнымъ пріемомъ моряковъ, и мы продолжали свой путь, энергично попыхивая. Съ такимъ пилотомъ я себя чувствовалъ въ родѣ извѣстной мышки въ сказкѣ, когда она знаетъ, что кошка далеко, и могъ бы даже воскликнуть:

— Ну, гдѣ же эта проклятая подводная лодка? Я ея не боюсь!..

Въ гостиницѣ я нашелъ много другихъ спасшихся пассажировъ съ «Лузитаніи». Нѣкоторые изъ нихъ были въ самомъ плачевномъ положеніи. Жены безъ мужей, мужья безъ женъ, дѣти безъ родителей, даже одна старуха-бабушка, внезапно оказавшаяся совершенно одинокой.

Спать въ эту ночь мы не могли. Многіе изъ насъ сидѣли до утра и разго-

варивали, чтобы убить время. Когда солнце взошло, трое изъ насъ пошли къ пристани. Тамъ мы увидѣли нѣсколько привязанныхъ лодокъ съ «Лузитаніи», но въ общемъ ихъ было такъ мало, что можно было подумать, будто наканунѣ свирѣпствовалъ ураганъ необычайной силы. Побродивъ немного по набережнымъ, я рѣшилъ навѣстить временные морги, гдѣ лежали жертвы.

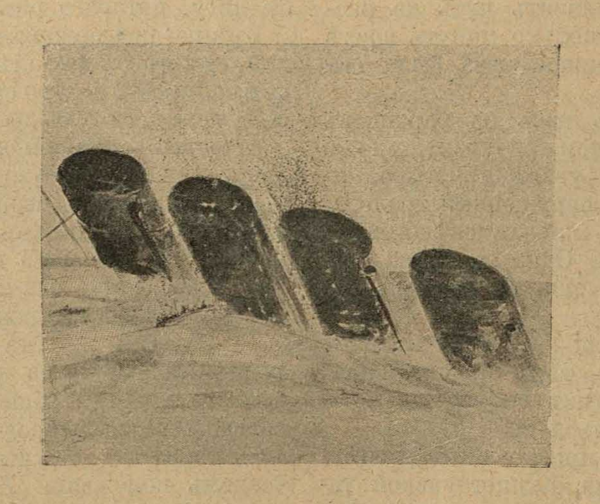
Этихъ морговъ было три. Когда я вошелъ въ первый, я увидѣлъ прежде всего цѣлыя груды дѣтей, голыхъ и полуголыхъ, съ зеленоватыми личиками, разбитыми, искаженными, обезображенными. Тутъ же рядами лежали женщины и дѣвушки—все чьи-нибудь матери, жены и дочери—тоже обезображенныя до неузнаваемости, съ разбитыми, переломанными членами, къ которымъ прилипла мокрая одежда.

Пройдя опять нѣсколько залитыхъ солнцемъ улицъ, я вошелъ вмѣстѣ съ однимъ знакомымъ, который присоединился ко мнѣ, во второй моргъ. Солнце, проникая черезъ запыленное окно, играло на золотомъ галунѣ, украшавшемъ обшлага кителя одного изъ лежавшихъ тамъ мертвецовъ. Если бы не этотъ галунъ, мы врядъ ли узнали бы черты капитана Андерсона подъ маской пѣны и запекшейся крови, которая покрывала его лицо.

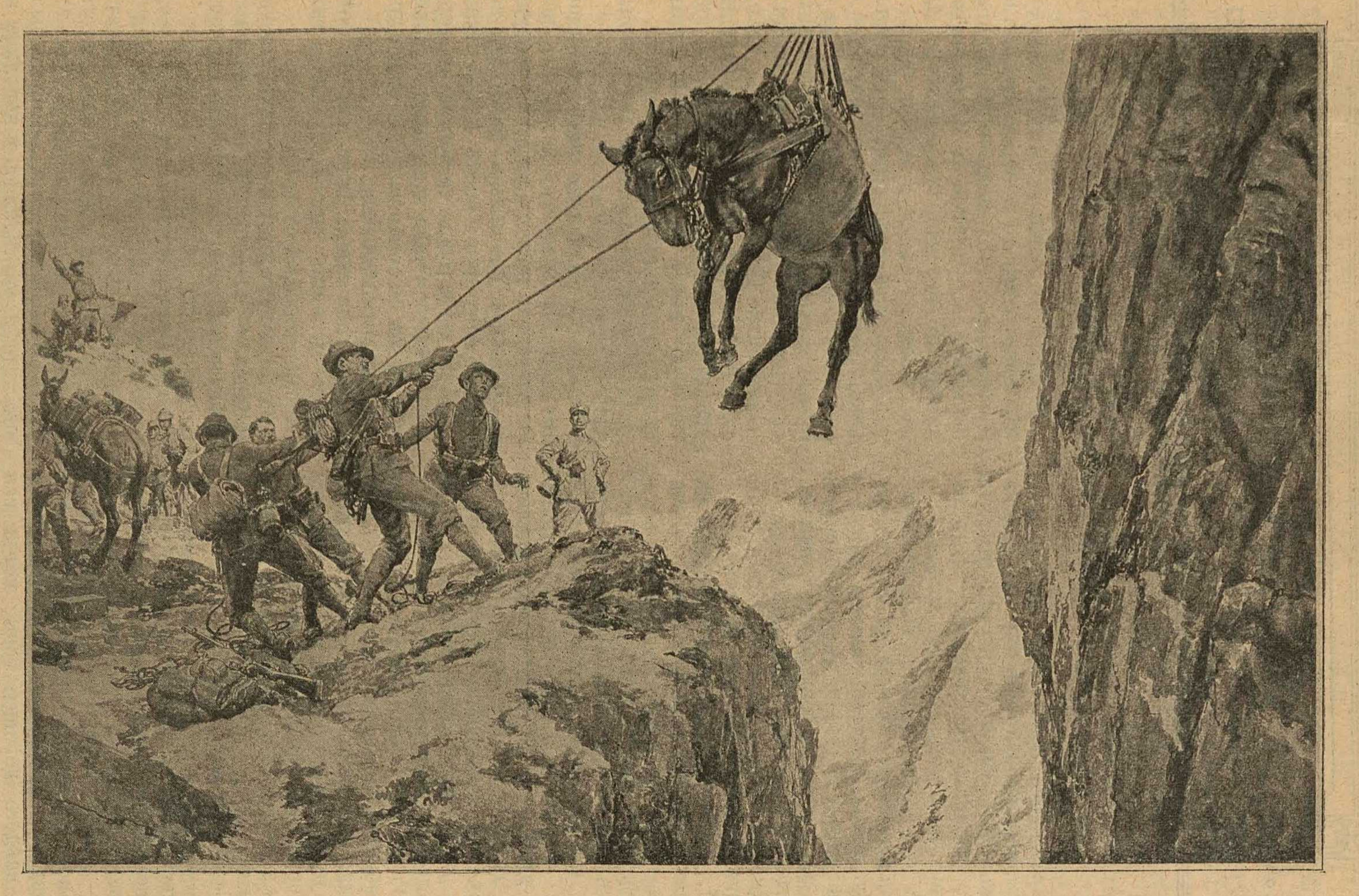
Мы молча сказали послѣднее прости нашему бывшему капитану. Его долгая жизнь на морѣ кончилась мученической смертью. Умный и добрый человѣкъ перешагнулъ грань вѣчности.

Посѣщеніе третьяго морга было еще тяжелѣе. Тамъ лежало все, что осталось отъ многихъ людей, которыхъ я зналъ и могъ узнать. Только лицо одного крупнаго театральнаго антрепренера носило печать мира въ смерти. Только въ его нѣмыхъ чертахъ нельзя было прочесть ни малѣйшаго протеста.

Пусть же всѣ, которые колеблются и не знаютъ, что долгъ велитъ имъ дѣлать въ дни, когда родина нуждается въ своихъ сынахъ, взглянутъ на эту страницу исторіи, одну изъ самыхъ страшныхъ, какія только есть. Они увидятъ тамъ написанное кровавыми буквами слово ЛУЗИТАНІЯ—новый лозунгъ для честныхъ людей.

ВОЙНА НА ИТАЛО-АВСТРІЙСКОЙ ГРАНИЦѢ.

Какъ игальянскіе альпійскіе стрѣлки переправляютъ артиллерійскихъ лошадей черезъ пропасть.

Яшка-кашеваръ.

Алѣлъ отъ заходящаго солнца край неба, окрашивались въ пурпуръ облака, и въ небѣ, казалось, играли отблески того великаго и страшнаго, что творилось внизу на землѣ, въ долинѣ.

А здѣсь, въ долинѣ, вся мѣстность была изрыта канавами вдоль и поперекъ, и въ этихъ канавахъ таилась какая-то огромная сила,—то и дѣло вырывались изъ-за валовъ, ограждавшихъ канавы, сизые дымки, слышались выстрѣлы, то рѣдкіе и отрывистые, то частые, переходившіе въ неразборчивый гулъ.

И, несмотря на эту неустанную канонаду, въ окопахъ шла своя, особенная жизнь и лишь къ вечеру, когда стрѣльба утихала и съ обѣихъ сторонъ какъ бы наступало молчаливое согласіе, въ окопахъ начинали жить люди той же жизнью, что жили и раньше до войны. Поудобнѣе устраивались на гнилой соломѣ, думая отдохнуть, размять окоченѣвшія ноги, кипятили въ желѣзныхъ чайничкахъ воду, ѣли похлебку, разговаривали и острили.

Во второй линіи окоповъ центромъ всеобщаго вниманія былъ небольшого роста съ южнымъ типомъ лица солдатъ. Въ рукахъ у него была большая чашка съ остатками сѣроватой жидкости. Весь онъ застылъ въ какой-то, полной недоумѣнія, позѣ... Удивленіе выражалось въ его черныхъ глазахъ.

— Э-эхъ, ты, Яшка, Яшка!—добродушно смѣялся усатый фельдфебель.— И понесла жъ тебя нелегкая воевать... Даже щей сварить не умѣешь!..

— А чѣмъ это не щи? Хорошія щи!..— бормоталъ сконфуженный Яшка.—Ну, правда, плохо приготовлены, да гдѣ же вы найдете хорошей воды, когда вся рѣчка полна трупами?

И Яшка то застывалъ въ своей недоумѣвающей позѣ, то начиналъ горячиться и убѣждать... Но надъ нимъ не переставали подтрунивать. И Яшка не сердился, что его избрали объектомъ для насмѣшекъ.

Дѣлалъ онъ свое дѣло, какъ только могъ. Прежде работалъ въ швальнѣ,— онъ былъ хорошій портной,—а когда въ окопахъ стало не до чинки прорѣхъ, онъ замѣнилъ убитаго повара и сталъ кашеварить. И эту обязанность, правду сказать, онъ исполнялъ безукоризненно, успѣвая въ разгаръ стрѣльбы подвозить горячую пищу на передовую линію, подвергаясь смертельной опасности.

Любили его товарищи, хотя и острили часто надъ нимъ.

Въ особенности отъ нихъ досталось ему сегодня вечеромъ, когда онъ изъявилъ вдругъ желаніе итти на развѣдки. На призывъ командира батальона вызвались трое, и въ числѣ ихъ — Яшка.

— Да ты и ружье-то потеряешь дорогой,—подтрунивали надъ нимъ,—убьютъ тебя, а мы и останемся безъ кашевара.

Яшка отмалчивался...

Наступила ночь... И на темномъ фонѣ зажглись яркія звѣзды... Стало тихо на позиціяхъ.

Отъ окоповъ отдѣлились три фигуры и поползли по направленію къ нѣмцамъ. Миновали первую линію своихъ окоповъ, погруженную въ сонъ.

Задача развѣдчиковъ состояла въ томъ, чтобы достать «языка», ибо за послѣдніе дни непріятель что-то сталъ отмалчиваться, вѣроятно, или отходилъ или приготавливался къ крупному дѣлу. Все это надо было провѣрить... Чтобы было незамѣтнѣе, раздѣлились и поползли въ одиночку... Яшка ползъ быстро, време-

нами припадая къ землѣ, ловя чуткимъ ухомъ каждый звукъ... Нависла тьма, впереди была невѣдомая грань, къ которой онъ приближался потихоньку...

Яшка вперилъ свои зоркіе глаза въ эту ночную тьму и вдругъ насторожился... Ему почудилось, что впереди, прямо на него ползетъ какая-то сплошная масса, черная и загадочная, какъ сама ночь...

— Нѣмцы! Идутъ въ атаку!—прорѣзало его мозгъ. Надо предупредить!..— и онъ тихо шепнулъ:—Братцы! Нѣмцы идутъ!.. Что дѣлать?

Но не получилъ отвѣта отъ своихъ товарищей по развѣдкѣ. Они гдѣ-то были въ сторонѣ.

«Что дѣлать?» подумалъ Яшка и, собравъ всѣ свои силы, сталъ возможно скорѣе ползти обратно къ окопамъ и, находясь на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, крикнулъ:

— Братцы!.. Нѣмчура идетъ! Въ атаку!..

Его услышали... «Въ атаку!»—подхватился мощный призывъ... Изъ окоповъ, навстрѣчу къ Яшкѣ стали выскакивать темныя фигуры... Яшка повернулся лицомъ къ надвигавшейся черной массѣ, и, взявъ на перевѣсъ винтовку, бросился впередъ, чувствуя, что вслѣдъ за нимъ бросились и его товарищи.

Засвистѣли въ ушахъ пули... Послышались проклятія... Яшка ощутилъ, какъ его штыкъ вошелъ въ какую-то мягкую массу, что-то липкое, дурманящее бросилось ему въ лицо и онъ почувствовалъ, какъ его рѣзануло въ животъ; передъ глазами у него замелькали огненные круги, все заколебалось, завертѣлось...

Онъ услышалъ позади себя дружное «ура!» и сталъ терять сознаніе... Онъ уже не видѣлъ, какъ въ ночной тьмѣ плечомъ къ плечу сошлись двѣ темныя массы и одна, уже кричавшая зычное «ура!» гнала другую въ необъятную темь и звякала прикладами...

Гусарская атака въ пѣшемъ строю.

— N-кіе гусары?—говорилъ намъ въ Каменецъ-Подольскѣ артиллеристъ, пріѣхавшій съ позиціи.—Да, это лихіе молодцы, дай имъ Богъ здоровья. Это имъ мы всецѣло обязаны всѣмъ успѣхомъ послѣдняго дѣла. О нихъ самъ корпусный выразился такъ: «Гусары—спасли Х.» Очень интересное, рѣдкое дѣло, особенно для кавалериста. Да вы непремѣнно сами съѣздите и посмотрите. Это по дорогѣ вамъ будетъ. Поднимитесь отъ Х., увидите лѣсъ. Вотъ въ этомъ лѣсу и разыгралась вся исторія.

Кстати вотъ вамъ еще одна интересная подробность. Въ N-скомъ гусарскомъ полку служитъ теперь самый старый корнетъ во всероссійской кавалеріи. Знаете, сколько ему лѣтъ? Подъ семьдесятъ. А посмотрите—бравый старикъ, хоть куда, вотъ только теперь прихворнулъ немного.

Очень интересная исторія... Помѣщикъ и предводитель дворянства въ одномъ изъ уѣздовъ Х—кой губерніи, онъ поступилъ въ полкъ по объявленіи войны просто добровольцемъ. Въ обыденной жизни—фамилія его Д.—дѣйствительный статскій совѣтникъ и, слѣдовательно, ваше превосходительство. А въ полку—просто ваше благородіе. Обыкновенный корнетъ, погоны съ двумя звѣздочками. Его единственный сынъ штабъ - ротмистръ А — скаго гусарскаго полка убитъ въ одномъ изъ боевъ. А отецъ корнетъ! Личность очень интересная и случай единственный, вѣроятно, во всей нашей арміи.

Дѣло, которымъ гусары спасли Х., дѣйствительно, очень было серьезно, но о немъ ничего не появлялось въ печати. Вообще это направленіе какъ-то въ сторонѣ, забыто, и сюда вовсе не показываются военные корреспонденты, облюбовавшіе всѣ другіе наши фронты. Заключалось оно въ слѣдующемъ.

Какимъ - то манеромъ удалось пробраться значительной части австрійцевъ поближе къ Х., и былъ моментъ, когда воцарилась тревога за городъ и за самыя днѣстровскія переправы,—если бы австрійцамъ удалось, конечно, развить намѣченные ими планы.

Но не тутъ-то было.

N-скіе гусары разбили всѣ предположенія. Трудность задачи осложнялась еще тѣмъ, что вся исторія ликвидаціи австрійскаго нашествія происходила темною ночью, когда у противника, дѣйствовавшаго пѣхотою и обосновавшагося въ лѣсу, были всѣ преимущества положенія. Но гусары понимали, какая задача на нихъ возложена, и отнеслись къ ней съ тѣмъ неудержимымъ пыломъ, который часто рѣшаетъ исходъ боя въ самый критическій моментъ.

Подскакавши къ занятому австрійцами лѣсу и спѣшившись подъ непрерывной пальбой изъ мрака на опушкѣ его, гусары бросились прямо въ гущу съ криками «ура», на бѣгу примыкая штыки къ винтовкамъ.

Это было такъ рѣшительно, быстро и безумно смѣло продѣлано, что австрійцы растерялись и попятились сразу назадъ, потерявъ въ темнотѣ связь.

Впереди гусаръ бѣжалъ ихъ полковой командиръ полковникъ Ч.

Крайне трудно было работать и оріентироваться въ густомъ лѣсу, среди тьмы. И гусары двигались впередъ, руководствуясь, главнымъ образомъ, огоньками безпорядочной стрѣльбы растерявшихся отъ неожиданности нападенія австрійцевъ.

По выстрѣламъ добирались до непріятеля, кололи и сами стрѣляли, гоняя и разстраивая въ конецъ врага.

Послѣ часового боя уцѣлѣвшіе остатки послѣдняго прекратили сопротивленіе и начали сдаваться въ плѣнъ. Немногимъ удалось разбѣжаться, пользуясь темнотой, да и тѣхъ потомъ переловили въ окрестныхъ деревняхъ по одиночкѣ.

Это лихое дѣло—атака въ пѣшемъ строю съ примыканіемъ на ходу штыковъ прискакавшими среди глубокой тьмы гусарами—займетъ, конечно, одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ исторіи N-скаго полка.

Правда, не дешево досталась гусарамъ ихъ блестящая побѣда—они понесли тяжелыя потери. Погибъ штабъ-ротмистръ Д., только недавно получившій золотое оружіе. Во тьмѣ на бѣгу наткнувшись на какое-то препятствіе, неосторожно открылъ онъ свой электрическій фонарикъ и въ то же мгновенье «на свѣтъ» былъ въ упоръ сраженъ австрійскою пулею.

Увезли съ поля сраженія трехъ тяжело раненыхъ офицеровъ. Выросъ свѣжій высокій холмъ земли надъ братскою могилою похороненныхъ на опушкѣ лѣса гусаръ. И заботливая рука товарищей водрузила на немъ прочный крестъ съ лаконическою надписью:

«Здѣсь умерли гусары въ славномъ бою». Но не умрутъ ихъ имена и сохранятся не только въ исторіи полка, но и въ исторіи нынѣшней великой войны.

Какъ трое сибиряковъ бѣжали изъ плѣна.

Андреевъ, Петренко и Павловскій—всѣ три рядовые N-го сибирскаго стрѣлковаго полка. Они—уроженцы центральныхъ губерній и попали въ сибирскія войска лишь въ виду физической своей крѣпости.

Вся дивизія ихъ храбро бьется на западныхъ границахъ Русской Имперіи, и солдаты уже заслужили себѣ прозваніе сибирскихъ орловъ за лихость, неустрашимость и необычайно мѣткую стрѣльбу.

Послѣднее немудрено, ибо большинство солдатъ сибирской дивизіи—сибиряки, а слѣдовательно, и охотники. Они и войну считаютъ особымъ видомъ охоты на хищнаго и опаснаго звѣря, и рѣдко кто могъ бы лучше ихъ снять вражескій пикетъ, подползти къ нѣмецкой заставѣ или выбить изъ лѣса засѣвшаго за деревьями противника.

Но вотъ исполнявшей особое опасное порученіе 11-й ротѣ не повезло, ее окружили четверныя силы и послѣ ожесточенной перестрѣлки, въ которой сибиряки не ударили лицомъ въ грязь, забрали въ плѣнъ 16 раненыхъ, истомленныхъ и разстрѣлявшихъ всѣ патроны бойцовъ.

Въ числѣ попавшихъ въ плѣнъ оказались трое пріятелей: Андреевъ, Петренко и Павловскій, изъ которыхъ двое

были ранены, а третій оглушенъ ударомъ ружейнаго приклада.

Плѣннымъ связали руки и погнали ихъ сперва въ тылъ расположенія нѣмецкой арміи, а затѣмъ въ самую глубь Германіи.

Много невзгодъ, лишеній и мукъ пришлось вынести троимъ храбрецамъ и, если бы не природная выносливость и сила, то едва ли бы имъ удалось перенести этотъ походъ. Нѣмцы-конвойные, верхомъ сопровождавшіе партію, отхватили въ одинъ день около 30-ти верстъ, а для израненныхъ и ослабѣвшихъ плѣнниковъ это было черезчуръ много.

И дальнѣйшій путь не далъ желаннаго отдыха, ибо съ русскими германцы не церемонятся и удобствъ при передвиженіи, въ видѣ хотя бы классныхъ вагоновъ,—имъ не предоставляютъ. О пищѣ и питьѣ и говорить нечего: сухія корки, скверная похлебка на тухломъ салѣ и вода изъ паровозныхъ водокачекъ,—вотъ режимъ, способный значительно и въ короткое притомъ время, уменьшить число лишнихъ ртовъ. И надо дѣйствительно феноменальное здоровье и большое стремленіе къ жизни, чтобы вытерпѣть все это и не притти въ отчаяніе и полную физическую негодность.

Русскихъ солдатъ перевезли въ западныя провинціи Германіи, дали имъ нѣсколько дней на отдыхъ и лѣченіе и погнали на земляныя работы.

Неувѣренные въ продолжительности своего успѣха, нѣмцы заготовляютъ позиціи на Рейнѣ, окружая свою страну двойными и тройными стѣнами изъ колючей проволоки, земляныхъ валовъ и цѣлыхъ системъ ямъ и фугасовъ.

Тысячи людей подъ суровымъ руководствомъ военныхъ инженеровъ трудятся надъ возведеніемъ оплота Германіи и большинство этихъ трудящихся—граждане и подданные воюющихъ съ Германіей государствъ.

Наши трое сибиряковъ рѣшили дѣлать какъ можно меньше, ибо правильно разсудили, что имъ создавать своими руками препятствія союзникамъ Россіи не годится. Зато и попадало же имъ отъ надсмотрщиковъ, ругавшихся и дравшихся, что называется походя.

То-есть, кажется, живого мѣста на тѣлѣ не оставалось отъ побоевъ у троихъ героевъ и кличка «unnützliche russische Schweine» (безполезныя русскія свиньи) за ними среди сторожей и надсмотрщиковъ такъ и осталась!

Всему есть предѣлъ, нашелся таковый и терпѣнію сибиряковъ: они надумали бѣжать и дѣятельно стали подготовляться къ рѣшительному шагу.

Изъ троихъ пріятелей Петренко понималъ немного по-нѣмецки и, хотя и плохо, но зналъ французскій языкъ.

Въ числѣ плѣнныхъ было нѣсколько бельгійцевъ и имъ рѣшили сообщить о бѣгствѣ.

Вышло удачно, такъ какъ бельгійцы, съ своей стороны, тоже тяготились работой и предпочитали подвергнуться риску погони, чѣмъ безполезно таять за ненавистнымъ трудомъ. У нихъ уже было кое-что подготовлено, между прочимъ карта и компасъ.

Не безъ труда сговорились съ Петренко, нещадно коверкавшимъ слова и вызывавшимъ своимъ произношеніемъ улыбку даже у этихъ измученныхъ и страдающихъ людей.

Но нужда—великій учитель и стремившіеся къ одинаковой цѣли солдаты двухъ союзныхъ странъ поняли другъ друга и пришли къ соглашенію.

Стояла поздняя осень и длинныя, темныя ночи, которыя способствовали, но и мѣшали вмѣстѣ съ тѣмъ выполненію задуманнаго плана.

Приходилось урывать время отъ работы для изученія карты, а это при бдительной подозрительности сторожей было не легко!

Наконецъ нащупали путь къ голландской границѣ, такъ какъ мѣстопребываніе плѣнныхъ было недалеко отъ бывшей бельгійской границы, бельгійцевъ же, очевидно, тянуло къ себѣ.

Оказалось, что бельгійцами давно начатъ подкопъ, но работа едва двигается, ибо всѣ они (ихъ было четверо) люди слабосильные и къ работѣ не привычны. Теперь дѣло пошло лучше, и три сибиряка въ двѣ ночи сдѣлали больше, чѣмъ ихъ товарищи въ двѣ недѣли. Ходили слухи о переводѣ всей партіи рабочихъ въ другое мѣсто и надо было торопиться.

Приналегли, и къ воскресенью прошли 14 саженей, то-есть, вышли за стѣны и проволоки. Днемъ въ воскресенье во время получасовой прогулки точнѣй сообразили мѣсто выхода на поверхность и ночью сдѣлали выходъ, пришедшійся въ густомъ лозовомъ кусту. Бѣжать было уже поздно, а потому замаскировали яму получше и легли спать.

На слѣдующій день часть партіи, въ которую вошли два бельгійца, куда-то увели: очевидно, слѣдовало спѣшить елико возможно и вотъ, дождавшись вечерней «зори», удалили остальныхъ товарищей по камерѣ и быстро юркнули подъ полъ, который аккуратно надвинули на свое мѣсто. Гуськомъ вылѣзли заговорщики и пустились наутекъ. Версты три шли спокойно, но вотъ дорога стала поворачивать въ нежелательную сторону и началось плутаніе на авось.

Къ утру вдали обрисовались постройки какого-то города, судя по картѣ—Дюссельдорфа. Стали искать убѣжища, въ которомъ провести день. Пища, хотя и скудная, была съ собой, а за эту ночь, несомнѣнно, рѣшено было пройти остающіеся до границы 30 километровъ. Случайно набрели на какую-то разваленную мельницу, куда и забрались. Днемъ страху натерпѣлись порядкомъ. Мѣстность населенная, открытая, мельница на горкѣ, на виду! Зато оглядѣлись хорошо и путь намѣтили. Чуть стемнѣло—внизъ и айда дальше!

Попался навстрѣчу какой-то нѣмецъ съ корзиной, въ корзинѣ хлѣбъ и овощи; его бы не тронули, да онъ такъ-то подозрительно оглядѣлъ идущихъ, что тѣ сразу поняли—предастъ непремѣнно.

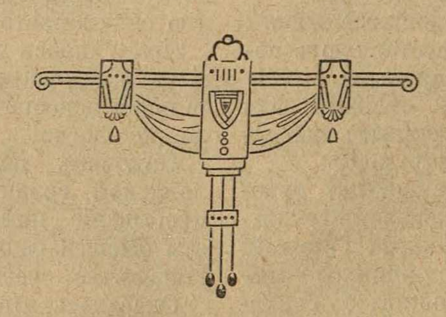
Поняли, перемигнулись и навалились разомъ на нѣмца. Скрутили ему руки и ноги, ротъ заткнули, а корзину отобрали.

Оно вышло кстати и итти веселѣй. Часамъ къ 4—5 утра наткнулись на пограничный столбъ, красный каменный.

Бельгіецъ одинъ такъ обрадовался, что столбъ поцѣловалъ, а затѣмъ еще съ $1/2$ часа шли не передохнувъ, чтобъ подальше забраться.

Этотъ разъ легли спать открыто на дорогѣ, гдѣ ихъ на утро патруль голландскій и нашелъ!

Повели въ полицію, допросъ стали снимать, и бельгіецъ съ Петренко все дѣло объяснили. Задержанныхъ отправили въ поѣздѣ въ русское и бельгійское консульства. Тутъ все пошло по-хорошему, только немножко струхнули сибиряки, какъ услышали имена консуловъ. Очень ужъ имъ нѣмцы и въ Германіи оскомину набили...

СОДЕРЖАНІЕ.

